

ИЩЕЙКИ

ЧАСТЬ I

АЛЕКСАНДРА КЕССЕЛЬ

Частный сыщик Йон Рейке не искал приключений и сложных дел. Он выполнял свою работу: ловил на горячем неверных супругов и мелких мошенников, возвращал украденное, отыскивал потерявшихся. Ему не нужны были проблемы, он не хотел быть героем. Но Богиня Судьбы распорядилась иначе, и сложное дело само нашло сыщика Рейке на узких улицах Альмейры.

Глава 1. Двое и труп

Часть первая: Святые и отрекшиеся

Глава 1. Двое и труп

Раннее солнечное утро было именно таким, каким ему полагается. Сияло небо. На Часовой площади колокола отбивали час Белого Голубя. Смеющиеся дети сновали между прилавками торговцев. Коты грелись на крышах. Легкий ветерок раскачивал натянутые поперек улиц разноцветные флажки, теребил за юбки и рукава спешащих по делам женщин. Асталот радовался окончанию затянувшейся непогоды.

Йон Рейке, с удовольствием изображавший праздного гуляку, купил с лотка у старушки палочку рыбных шариков и завернул в малозаметный проход между складами. Остановился, проверяя, не заметил ли кто его маневра, и бесшумно прокрался к приоткрытому вентиляционному окну, седьмому по счету. Прижался к стене, вытащил из кармана «глаз», просунул его в узкую щель. Хитрое устройство позволяло видеть и слышать все, что происходило в поле магического действия, без, так сказать, непосредственного участия владельца. Главное свои глаза плотно закрыть, да настроиться. И тогда увидишь.

Потную мужскую спину. Задранное до пояса платье. Вывалившуюся из расстегнутого корсажа грудь. В клубках золотистой пыли, на мешках с рожью и пшеном совершалась супружеская измена. И активно совершалась. Так, что только шумное сопение за спиной вернуло Йона в реальный мир.

Он резко обернулся. К нему по проходу спешил, пыхтя и отдуваясь, мужчина в нежно-сиреневом костюме тилейского покроя. Мужчина был непотребно толст, потому двигался боком, собирая дорогой шерстью грязь с каменных стен.

Рейке мысленно выругался. Драгоценный со всех сторон, в том числе со стороны невыплаченного вознаграждения, клиент не вытерпел и принесся лично смотреть, чем занимается его жена на его же собственном складе. Хотя, кажется, они договаривались, но...

— Я должен знать! — прохрипел толстяк, разом отметая все возможные возражения и упреки, утер огромным платком пот, обильно текущий по лицу. Неопрятные мокрые пятна расплывались на груди и подмышками.

Йон в ответ лишь улыбнулся, опуская правую руку с нацепленным на нее «глазом». Левою сделал характерный жест, означавший только одно. Невыплаченный гонорар вперед, пожалуйста. А то знаем мы вас, трепетных, забудете еще, в порывах чувств-то.

Купец Лойсе нетерпеливо хрюкнул и шлепнул в протянутую ладонь две банкноты по десять лян.

— Вы их только не спугните, — шепотом посоветовал Йон, пряча «глаз» и деньги в карман. Раз уж мастеру так не терпится увидеть причину рогов своими глазами, то действу, записанному на магический «глаз», можно найти иное применение. По два лян за картинку, между прочим. В конце концов, зря он, что ли, неделю старательно работал тенью неверной супруги, выискивая, где, с кем и как она проводит время?

Сыщик небрежно поклонился широкой спине и неторопливо пошел прочь. Не успел он выйти на улицу, как сзади раздался шум, крик и грохот, а потом еще один крик, выше и пронзительнее. Кажется, мастер не удержался и шумно рухнул в самый неподходящий момент. Будет кому-то сегодня веселье! Йон Рейке улыбнулся утреннему солнцу и

прогулочным шагом направился в редакцию «Эха Альмейры». Его мечта только что стала на двадцать лян ближе, но не стоило останавливаться на достигнутом. Он был счастлив и потому не обратил ни малейшего внимания на пронесшуюся мимо коляску с двумя крайне перепуганными военными.

Пациент выл и этот истошный крик заставлял морщиться даже привычных к крикам хирургов. Распахнулась дверь, в операционную влетела медсестра с рулонами чистой перевязочной ткани.

— Где целитель?! — спросил ее, стараясь перекричать вой, старший хирург.

— Я тут! — Эрех проскользнул следом, чудом не упав на скользком полу, и занял свое место в изголовье операционного стола.

Привычно расположил руки по обе стороны от головы пациента, бьющегося в припадке боли, на уровне мокрых от пота висков. Сосредоточился, ловя нервные сигналы, поступающие в мозг. Представил синее-синее небо, такое, каким оно бывает, если летом выбежать после полудня на луг, рухнуть в душистое разнотравье и смотреть вверх, ощущая как же огромен мир.

И пациент замолчал. Его глаза широко распахнулись, искаженное страдальческой гримасой лицо расслабилось.

— Солнышко... — отчетливо произнес он.

Болевой шок отступал прочь под воздействием божественного дара.

— Начинаем операцию, — отдал команду доктор Бак.

Остальные встrepенулись. Эрех держал.

На сегодня это была уже третья его операция, первая пришлось на час Черной Кошки, когда он, еле успев закончить все свои ночные занятия и, естественно, ничуть не поспав, помчался в госпиталь на внеплановый вызов из-за несчастного случая — обрушилась крыша речного дока. К счастью, пострадало всего пятеро рабочих. К несчастью, все они оказались в дежурном Чистом Сердце.

Эрех давно привык держать оперируемых только краем себя, не погружаясь сполна в чужую нервную деятельность. Но сегодня он все время то вываливался вовне, то, наоборот, нырял глубже, чем следовало, куда-то в сломанные кости и пробитое оторванной ключицей легкое. Дар любит подшутить над теми, кто не соблюдает режим. Потому главное правило целителя спать не менее восьми часов. Вот только мечты о светлом будущем в это правило никак не умещались.

Эрех вздохнул и опять поехал вглубь тела оперируемого. В незанятой работой части сознания промелькнуло недовольство. Целитель мысленно вздохнул и вернулся к концентрации на нервной системе и подслушиванию того, что происходит в операционной. Последнее его жутко интересовало.

— Ножницы! — приказал ведущий хирург госпиталя, доктор Бак.

Ассистент с почтением вложил требуемое в окровавленную ладонь.

— Пинцет. Да держите же вы, держите! Растяните края раны!

Раздался лязг и топот.

— Перекись!

Зачем им перекись? Свободная часть разума продолжала осмысливать происходящее, хотя видел сейчас целитель вовсе не операционную, а бесчисленное количество нервных окончаний, пытающихся передать сигнал боли через выставленные им барьеры. Они еще не

зашивают, слишком рано... Так зачем?

Грохот, раздавшийся сбоку, заставил Эреха вздрогнуть; он чудом не потерял контроль. Это уже никуда не годилось. В армии даже взрывы снарядов не могли выбить его из концентрации. А тут? Позор!

— Идиот! Кривые твои руки! Ты что, не смотришь, что делаешь?! — ругался кто-то из ассистентов, Эрах еще не успел научиться различать их голоса.

— Доктор Бак! Доктор! Смотрите! Он бледнеет! Его дыхание!

— Ах ты ж!.. Держи тут, держи! Что происходит? Ассистент!

— Это гемоторакс, — вмешался в крики чей-то спокойный низкий голос. — Травматический. Он же из-под завалов. Надо дренировать.

И только когда голос смолк, Эрах сообразил, что кому он принадлежал. Ему самому. Мамочки! Он зажмурился до цветных кругов под веками, кожей ощущая ошеломленную тишину, воцарившуюся в операционной.

Все! Он больше никогда, никогда не будет нарушать режима. Если его, конечно, после эдакого выступления оставят в госпитале...

— Шприц сюда! — рявкнул доктор Бак.

Эрах неимоверным усилием перепуганной воли отрешился от происходящего и уцепился за боль, как утопающий за брошенную ему ветку. Лишь бы не выгнали! Лишь бы не вернули в Храм!

Сколько времени длилась операция, он не считал, боялся. До последнего держал пациента, пока не вышли из операционного кабинета все участники действия. И только когда медсестра тронула его за руку, Эрах решился приоткрыть один глаз. В конце концов, он не мог прятаться до скончания века или, хотя бы, до вечера. Он — астинэ и должен быть храбрым!

Ну, или пусть его речи спишут на обычные чудачества усталого целителя, который слишком глубоко залез в организм умирающего. А? Пожалуйста, пресветлая Наэма!

— А я тебе персик куплю, — шепотом посулил Богине Эрах и высунул нос наружу.

Вроде никого. На цыпочках проскользнул в коридор, намереваясь тихо сбежать, и тут...

— Как тебя зовут, юноша? — раздавшийся сиплый голос был ему прекрасно знаком.

— Э... — его собственный, как обычно, сорвался. — Эрах... Эрах н-но-Тьен. Эээ... Мастер. Простите...простите меня...я...

Он подавился извинениями, когда на плечо опустилась тяжелая мужская ладонь.

— Ты сегодня спас пациенту жизнь, Эрах. Ты знаешь это?

Целитель оцепенел. Ему показалось, что усталый разум с ним шутит. Не может такого быть, совершенно не может. Он же...

— Мне понравилось, что ты сохранил самообладание и способность к анализу, даже удерживая пациента. Это о многом говорит. Ты изучаешь медицину?

— Д-да... — кажется, это все же были не игры разума. — Я прошел два семестра в Королевской академии, и еще ходил вольнослушателем на кафедру хирургии...

— А практика? Ты когда-нибудь вскрывал настоящее человеческое тело?

Эрах подавился ответом. Нет, еще не...

— Нет, — он спохватился. — Но я тренируюсь на животных! Покупаю органы на рынке...

— Похвально, — доктор Бак обошел его, потянул за собой, приглашая пройти с ним по коридору. От такой чести у Эреха в очередной раз зашло сердце. — Но тебе надо

тренироваться на людях и ходить на вскрытия. Раз в неделю в Анатомическом театре проводят публичные вскрытия, бесплатно...

Эрех знал. Но это день плановых операций в госпитале, от которых он не мог отказаться. А на платные вскрытия у него не хватало заработка. Если только совсем престать есть, даже купленные для опытов внутренние органы коров и свиней...

— Тебе стоит вернуться в академию, это будет...

Именно тут им наперерез бросился человек в военной форме. Увлечённый беседой с великим мастером Эрех не сразу сообразил, что случилось. А военный, согнувшись в поклоне чуть ли не вдвое, вцепился доктору в рукав и зашептал столь страстно и испуганно, что это было даже неприлично.

— Сердце... везде кровь... помощь...

Доктор Бак внимательно выслушал экспрессивную речь до конца и величаво кивнул.

— Но мне понадобится взять материалы и ассистента... — он на миг задумался, перевел взгляд на все еще стоящего рядом Эреха. — Мальчик, ты не будешь против проассистировать мне в одном важном деле?

Эрех в очередной раз за день подумал, что ослышался, но потом, сообразив, неистово закивал головой.

Он разорится на целых три персика для пресветлой Наэмы!

Йон Рейке задумчиво стоял рядом со столом главного редактора «Эха Альмейры» Марва Онойки и смотрел, как тот уныло пялится на запечатленное в «глазу».

— Ну, что ж, для последней страницы сойдет. Возьму одну картинку. Вот эту. Три льяна.

— Э! — Йон аж поперхнулся от такой наглости. — Супруга Ллойсе, купца первой категории и поставщика муки для королевской пекарни, изменяет мужу на мужнином же складе с боятским разнорабочим, а ты мне втираешь три льяна? Ты за кого меня принимаешь?!

Марв набычился.

— Послушай, мастер Рейке, это, — он ткнул пальцем в «глаз». — Плохие картинки. Почему? Потому что, во-первых, мы не видим лица мужчины, только спину...

— С ритуальными боятскими татуировками. И мы видим лицо женщины! И не только лицо!

— И я о чем — мы приличное издание...

— Давно?! — в это слово Йон вложил все имеющееся ехидство.

— Это что за намеки?! — взвизгнул Онойка, решительным жестом прервал открывшего рот для пояснений Йона. — Если ты хочешь повышенную ставку, приноси мне что-то увлекательное. Вот, если бы ее супруг ворвался в самый жаркий момент в этот сарай, вот тогда я бы дал десять!

Рейке мысленно застонал от масштабов упущенной выгоды.

— Но, все равно, поставил бы только на последнюю страницу. Потому что на первой полосе у нас таинственное исчезновение Читела Ойзо, единственного сына городского магистрата! Не тянет твой купец после таких сенсаций на что-то большее.

— Какое исчезновение?

Редактор протянул ему макет завтрашней первой полосы. На ней самым крупным из возможного шрифтом значилось: «Кровавая трагедия! Смерть в павильоне на Розовой улице! Таинственное исчезновение тела!». Чуть ниже — и существенно меньшими буквами —

излагалась суть новости. Утром пришедшая убираться служанка обнаружила, что павильон, который снимал тул Чител Ойзо, пуст, все внутри перевернуто, а стены «залиты таким количеством крови, словно ее откачали из тысячи человек».

— У твоего репортера что, кровавые галлюцинации? — поинтересовался Йон, пробежав глазами эту строку. А слог-то, слог!

Марв оскорблённо поджал губы.

Если верить статье, тела в павильоне не нашли. В связи с чем магистрат Ойзо объявил награду за обнаружение его сына или раскрытие тайны его исчезновения. Пятьсот лян.

— Страшные деньги, — Онойка причмокнул.

— Страшные, — согласился Йон. — Только он их тратит впустую.

— Почему? — редактор встрепенулся, почуяв еще одну первую полосу.

Потому что лежит тело Читела Ойзо где-нибудь на дне Красного озера, с камешком в ногах, чтобы не всплыло, пока рыбки не объедят. Но так я тебе это и сказал, хмыкнул Йон про себя. Губу закатай, жмот.

— Потому, что гуси летят, — отбрил он Марва вслух. — Ты лучше давай мне мои законные пять лян и хватит вилять хвостом!

— Я сказал три!

— И последнюю страницу. Но, знаешь, многие люди начинают читать газету именно с последней страницы. Сплетни, скандалы, некрологи...

Он многозначительно посмотрел пройдохе в глаза и пошевелил пальцами. Так, как будто собирался кого-то придушить.

Марв вздохнул и сдался. На всякий случай.

— Слушай, мастер Рейке, а зачем тебе эти деньги? Ты так неистово их собираешь...

Так я тебе и сказал, вновь улыбнулся Йон, пересчитывая мелкие купюры. Улыбка вышла радостной, ведь его мечта стала еще на пять лян ближе.

Место, куда они с доктором Баком направились, находилось в Верхнем городе, на холмах, и разительно отличалось от мест, где ежедневно бывал сам Эрех: госпиталя, Синей улицы и домов призрения на западном берегу. В Верхнем городе повсюду цвели деревья, широкие улицы были вымощены не серым, а желтым камнем, который по утрам дворники мыли специальными щетками. Блестела цветная лакированная черепица крыш, за окрашенными в красный и зеленый заборами буйно цвели модные последние пару лет азалии. И воздух, конечно же, был намного чище. Восточный ветер дул отсюда, и потому не нес с собой ароматы скотобоен, плавлен, кожевненных мастерских и бедняцких трущоб. Другой мир.

Коляска остановилась в самом конце Розовой улицы, у аккуратного маленького домика, за которым начинался Королевский парк имени Фаттиха Третьего. Эрех слез на землю, прижимая к груди вверенный ему аптекарский саквояж и сверток с инструментами, огляделся и сообразил, что это за место. Знаменитый Розовый павильон, самый дорогой частный дом в столице.

Целитель разулся у порога, радуясь, что на прошлой неделе купил новые и пока еще целые носки, и, стараясь даже дышать тише, чем обычно, проследовал вслед за доктором Баком, уже предвкушая, как увидит знаменитые панели с изображением сюжетов из «Судьбы бессмертных», классической поэмы великого Кароля Линде. По легенде, эти панели написаны были по заказу самого поэта, и изначально стояли у него в доме,

сгоревшей семь столетий назад вилле в Алессо.

Действительно, в Розовом павильоне их всех ждало ошеломляющее зрелище.

Золотистые циновки, затянутые дорогой золотистой бумагой, в тон циновкам, перегородки и, главное, те самые панели были щедро залиты успевшей засохнуть кровью. Эрех замер, вцепившись в саквояж, как младенец в мать. Кровь его не пугала, но Наэма Целительница... Хорошо, панели лакированные, можно будет отмыть, мелькнула стыдная мысль.

— Боги мои! Мой эрл! Что здесь случилось! — полный неподдельной тревоги голос доктора Бака вернул Эреха в реальность.

Он моргнул и только тогда осознал, что в комнате они не одни, что в ней, в кресле у окна, сидит пожилой мужчина, а у стены, переступая ногами в одних носках, мнутя, будто школьники перед наказанием, трое военных.

Мужчину Эрех узнал. Магистрат Мауве Ойзо, человек, железной хваткой державший весь город. Как поговаривали, в его пределах он был много влиятельней даже Кабинета королевских министров.

Седой, старый человек с растерянным взглядом и мелово-белым лицом. Который нервно потирает рукой область груди рядом с сердцем.

Доктор бросился к нему, и Эрех поспешил следом, стараясь ступать на чистые участки пола. Это было непросто. Создавалось впечатление, что кто-то словно обмакивал в кровь огромную кисть и размахивал ею из стороны в сторону. Или же кругами таскал по полу тело, из которого струями била кровь.

Доктор Бак опустил на колени перед своим влиятельным пациентом, совершенно не жалея дорогого костюма, и принялся внимательно проверять пульс на запястьях. Эрех пристроился рядом, послушно подавая требуемые материалы.

— Вы испытываете серьезное нервное истощение, — тихим голосом комментировал доктор свои действия. — Ваше сердце... вы на грани приступа, мой эрл. Это опасно. Вам надо перестать нервничать...

Он осекся.

— Как я могу, — еле слышным шепотом пробормотал магистрат. — Как я могу... Вы же видите, доктор, что творится вокруг. Мой сын... что же я наделал... мой бедный маленький мальчик...

Военные беспокойно переступили с ноги на ногу, как по команде. Эрех даже без контакта чувствовал расходящиеся по комнате тонкие нити их испуга, предельное напряжение нервной системы, страх на грани паники.

— Мой сын пропал, мастер... — ловкие руки доктора, серебряные иглы, запах прижиганий. — Как вы думаете, вся эта кровь... есть ли шанс, что он может быть жив?

Это вряд ли, честно подумал про себя юноша. Если судить по количеству крови и напору, с которой била струя. И по тому, что кровь совершенно засохла.

— Я бы на вашем месте сейчас не думал об этом, — твердо, хоть и с почтением, ответил доктор Бак, и Эрех восхитился его профессионализмом. — Даже если случилось что-то страшное, вы, заболев, ничего не сможете с этим поделать. Как давно пропал ваш сын?

Полыхнула, поджигая траву в специальной курильне, спичка, воздух наполнился кружевами ароматного дыма. Мелисса и майоран, определил но-Тьен. Успокаивают и отбивают запах крови.

— Позавчера вечером. Его однокурсники были с ним на занятиях, а потом он уехал и...

Эрл Ойзо зашелся в приступе судорожного кашля, и Эрех, подчиняясь знаку, поданному Баком, выхватил из саквояжа флакон зеленого стекла. Наверное, в нем вытяжка из боярышника и валерьяны, смешанная с ягнячьей травой, лучшее средство от болезней сердца и учащенного сердцебиения, ведущего к приступу. Эрех отсчитывал капли в серебряную рюмку, попутно вспоминая все, что знает о сердечных приступах.

— Страшно подумать, но все, что у меня осталось от моей семьи — это карточки, — выдавил из себя магистрат, когда кашель отступил.

Он повел головой в сторону алтарного шкафчика у стены, где в серебряной рамке стоял отпечаток, небольшая черно-белая картинка, снятая в художественной студии.

Доктор и трое военных, как по команде, послушно перевели взгляд на карточку, склонив головы в вежливой печали. Только это позволило им не заметить, как Эрех, впившись глазами в лицо пропавшего Читела Ойзо, стиснул пальцы на горлышке флакона с сердечным лекарством и побелел не хуже, чем изображенный на отпечатке молодой человек.

Спустя время, когда Эрл Ойзо перестал терять сознание, когда доктор Бак сделал все, что надлежало сделать, а также милостиво разрешил Эреху вернуть его инструменты в госпиталь и даже предоставил выходной, — спустя все это время Эрех сидел на ступеньках, ведущих в закоулок к его дому, и горько, по-детски, рыдал над своей судьбой. Внезапно набрякшее тучами ночное небо хмуро разглядывало эту картину, потом решило добавить влаги, и быстро усиливающийся дождь стекал за шиворот.

За что?! Ведь день так хорошо, так многообещающе начинался! И какие силы понесли его той ночью в Товайхо?!

Эрех вспомнил, какие, и зарыдал еще горше. Шансов не было. Хоть завали персиками храм Светлейшей, она не заведует такими вещами. А молиться Рукокрылой бессмысленно — Эрех одаренный, он не может просто так просить других Богов, в особенности Судьбу. Целитель вытащил из кармана носовой платок, высморкался от души, поднял лицо к узкой полоске мрачного неба между крышами. В глаза тотчас плеснуло водой, текущей с карниза.

Пришлось перестать рыдать, подняться и засобираться домой. Кое-как отжав промокшие насквозь рукава и воротник тужурки, Эрех повернулся в сторону, в которую ему надлежало идти, и буквально носом уткнулся в красочные афиши, наклеенные поверх стены, увешанной объявлениями об украденных животных и сбежавших мужьях. «Павильон диковин и чудес мастера Тулли» гласили плакаты, с которых Эреху улыбались и корчили рожи бородатая женщина, человек-змея и что-то, что никакими словами было не описать. Между рожами проглядывало объявление, начинавшееся со слов «поиск пропавших».

Пальцы у целителя дрожали, когда он подцепил край неплотно приклеенной афиши, и, оторвав полосу бумаги, обнаружил другие слова. Поиск и возврат. Частный сыск и свидетельство в суде. Информация по вашему требованию. Забыв о слезах и страданиях, ломая ногти, Эрех выколупывал свой шанс из-под взявшихся коркой афиш Павильона мастера Тулли. Кто бы из Богов это не сделал, но его услышали.

Возвращаясь домой Йон всегда следовал единому ритуалу. Снимал и аккуратно вешал на специально приспособленного деревянного болвана костюм и шляпу. Начищал туфли, чтобы они блестели, и засовывал во внутрь скомканные листы «Эха Альмейры», которым там было самое место. Если день был удачным, как вот нынешний, доставал из тайника жестяную коробку и, предварительно пересчитав, укладывал в нее заработанные ляны.

Записывал дату и сумму на специально лежащем поверх листке бумаге. Потом ужинал, постелив на стол вышитую кувшинками и стрекозами салфетку, и внимательно глядел на стену, куда булавками прикрепил маленькую цветную иллюстрацию, еще больше укреплявшую его в достижении мечты. После всего, умывшись, укладывался спать, перед сном обычно анализируя прошедший день и составляя план работы на следующий, если работа имелась.

Отлаженный до малейшего движения порядок действий, который он неукоснительно соблюдал последние семь лет.

Этим вечером ритуал прервали на этапе чистки зубов нервным стуком во входную дверь. Йон не имел ни малейшего желания ее открывать, поэтому замер со щеткой в руке, ожидая, когда гость уйдет, но стук повторился. Прикидываться, что дома никого нет, смысла не было — из-за дождя пришлось зажечь лампу, свет, разумеется, пробивался сквозь шторы. Мысленно обругав незваного гостя разными словами, Йон прополоскал рот от мятного порошка и, прихватив с полки свинчатку, открыл смотровое окошко в двери.

На пороге, уткнувшись носом в решетку этого самого окошка, пританцовывало нечто, что он сперва принял за молоденькую девушку, по дороге к нему упавшую в большую лужу.

— М-мастер Рейке? — неожиданно густым баритоном уточнила девушка, и Йон сообразил, что его гость всего лишь мокрый, как мышь, молодой человек в возрасте около двадцати лет. Белокурые, без примеси золотистого или пепельного, волосы сияли в тусклом свете уличного фонаря, создавая иллюзию нимба вокруг его головы.

— Я, мастер Рейке, — подтвердил Йон. — А ты кто такой?

— Я? — юноша внезапно замялся, потом, видимо собравшись с духом и мыслями, выпалил. — Я хочу вас нанять чтобы найти человека.

— Десять лян, — привычно откликнулся Йон. — Аванса. Еще десять после обнаружения пропавшего. И по лян за день работы. Через, максимум, десять дней, получишь результат.

За дверью задумчиво засопели.

— Кто у тебя пропал? Невеста, что ли, сбежала, э? — поощрил робкого клиента Рейке. Мало того, что приперся посреди ночи, так теперь еще и стесняется!

За дверью что-то пробубнили.

— Чего?

— Мне нужно найти убийцу, — трагическим шепотом заявил клиент.

Йон на мгновение замер. После чего с грохотом закрыл окошко, тем самым давая понять, что разговор окончен.

На улице воцарилась ошеломленная тишина, потом, видимо опомнившись, гость с силой забарабанил в полированные доски.

Перехватив свое оружие поудобнее, Йон рывком распахнул дверь и замахнулся свинчаткой. Пискнув, теперь совершенно по-девичьи, паренек на крыльце присел и закрыл голову руками.

— Я не занимаюсь поиском убийц, — негромко пояснил Рейке, глядя в огромные плоские испуганных серых глаз. — Еще раз постучишь, руки сломаю.

— Пятьсот лян, — пропищали снизу.

Сыщик замер. Потом фыркнул в ответ.

— Что? Откуда у тебя такие деньги? Королевскую казну ограбил?

— Нет, — парень завозился, вытащил из кармана сначала одну скомканную бумажку, в

которой Йон опознал свое объявление, напечатанное в типографии «Эха», потом другую. В ней объявляли о награде в пятьсот лян за обнаружение тела пропавшего тула Ойзо и за раскрытие тайны его исчезновения. То самое предложение от магистрата, что утром будет на первых полосах всех городских газет.

— Жевал ты его, что ли... — брезгливо пробормотал Йон, пробегая глазами текст. — При чем тут я? Или ты хочешь заработать, но не хватает мозгов самому решить задачку? И откуда в твоей истории взялось убийство, еще же ничего толком неизвестно? Может, папашкин баловень просто затаскался по борделям?

Скорчившийся на пороге мальчишка вдруг отвел взгляд, помялся и тихим-тихим голосом произнес:

— Потому что... я уже нашел его... тело...

Полчаса спустя, в прорезиненном плаще и калошах, Йон стоял посреди потайной анатомической лаборатории, которую его клиент собственными силами соорудил в подполе рядом с ледниками на Синей улице, и озадаченно глядел на покрытое ссадинами, искаженное смертью лицо Читела Ойзо.

Нового клиента звали Эрех но-Тьен, был он чистокровный аст — по крайней мере, чистокровный настолько, что иных примесей на внешности не отразилось — и служил штатным целителем в госпитале Чистого Сердца. А в свободное от работы время самостоятельно изучал медицину, потому что мечтал когда-нибудь из целителей переквалифицироваться в хирурги.

— Так ты доктор, — задумчиво констатировал Йон, пристально разглядывая мертвое лицо тула Ойзо.

— Я только учусь.

— Значит, доктор, — пояснение Йон пропустил мимо ушей. — А скажи мне, док, отчего ты просто не признаешься, что нашел жмурика, и не получишь свои полтысячи из рук безутешного отца?

— Я не могу, — просто ответил Эрех и откинул простыню, закрывавшую лежащее на столе тело.

Некоторое время Йон тупо пялился на аккуратный шов, стягивающий края длинного, характерного разреза от груди до лобка.

— Ты идиот? — на всякий случай уточнил он.

Клиент покраснел, но не отступил.

— А вы знаете, сколько стоит поучаствовать во вскрытии в Анатомическом театре? Пятнадцать лян за сессию. А купить тело у копателей — от сорока лян, в зависимости от свежести! Где я найду такие деньги? Я работаю по семнадцать часов в день, у меня два выходных, и я получаю за это все тридцать три ляна! А тут... Это был мой шанс, понимаете?

Йон не понимал. Он разглядывал покойника и изо всех сил пытался понять, но не мог. Мешал развитый инстинкт самосохранения.

— Рассказывай, — повелел он, желая разобраться не столько в деле, сколько в мотивах действий странного мальчика.

Клиент вздохнул, пристроил тощую задницу на пустом ящике и принялся рассказывать, глядя в пол и старательно выкручивая пуговицу на рукаве потертой тужурки.

За день до, сразу после полуночи, он возвращался из Товайхо домой и на опушке леса, недалеко от бывших прудов заброшенной королевской резиденции нашел тело. Это была редкостная удача, ведь раздобыть настоящее живое — тут Йон поперхнулся, — то есть

мертвое и свежее тело для вскрытия ему было не по карману.

— Обычно я покупаю органы у мясников на рынке, свиные или коровьи, или маленьких поросят, или ягнят, и сравниваю их с рисунками в анатомическом атласе, — немного смущаясь пояснил будущий доктор причину совершенного им чудовищного идиотизма.

А тут такая удача подвалила, прям дар Богов. Приперев собственными силами — Йон даже поразился, на что способен сублильный парень, если ему хочется работать ночами — труп в лабораторию, Эрех две ночи ковырялся в его внутренностях, чтобы на практике, так сказать, выяснить, в чем разница между человеком и свиньей, и так ли человек похож на то, что рисуют в атласе. Собственно, если бы он не узнал, чье именно тело подбросила ему Судьба, он бы и не забеспокоился.

— Отчего Ойзо умер?

— Ой! Это очень интересно! — парнишка подскочил к верстаку, полностью сдернул простыню на пол. — Видите? Его сначала били, а потом зарезали. Три разреза, один на бедренной артерии, второй — в правой подмышечной впадине и третий — слева на шее, от дуги аорты. Причем сделаны все одинаково ровным движением, смотрите, как будто...

— Слева, направо, налево, — Йон взял со стола карандаш и резко, одним движением, нарисовал в воздухе восходящую зигзагообразную линию. Нога, подмышка, шея. Отточенное, не хуже ножа, движение руки. — Это уже что-то.

— Вы знаете как и чем это сделано? — восторгу в голосе Эреха не было предела.

Вот же подослали Боги кретина!

— К сожалению, знаю, — мрачно кивнул Рейке, покрутил карандаш между пальцами. И кем сделано тоже. — Это кошачий коготь, севрасский изогнутый нож с коротким обоюдоострым лезвием. Его зажимают в кулаке, продев указательный палец в кольцо на рукояти, и режут так, как я тебе показал. Правда, подобный выбор оружия существенно сокращает круг подозреваемых, на улице когтем махать не научишься...

Перед мысленным взором Йона нарисовался предполагаемый убийца. Замотанный в черное тряпье, беловолосый, с выбритыми и татуированными висками севрасский кот нарезал на ленточки сначала ушастого целителя, а потом и некоего частного сыщика. Хотя...

— Надеюсь, что речь шла просто о драке или мести, а не о заказном убийстве. Если ты точно уверен, что его сперва били. Так-то севрасские наемные убийцы не бьют. В ином случае, мелкий, ты мне не только все вознаграждение отдашь, но и книжки свои подарить.

— Мне двадцать один год и я не мелкий, — сердито буркнул Эрех. — Я знаю, кто такие севрассы, я просто не знал, как работают когтями...

Ишь ты! Севрассы! Сопливое дитя подчеркивает, что он, Йон Рейке, варвар эдакий, коверкает язык его великой белобрысой цивилизации, которая уже больше десяти веков лежит в пыльных руинах.

— И где ты их видел, знаток?

Дитя засопело, но неохотно призналось:

— В городской тюрьме. Служил когда-то при допросной.

На некоторое время в подвале воцарилось молчание. Рейке с возрастающим удивлением рассматривал нежное девичье личико будущего дока. С большими сюрпризами, однако, человек.

— Так, — подвел итоги Йон. — Ясно. Вернемся к нашему барану. Отдать тело ты не можешь по понятным причинам. Так почему бы не подкинуть его в морг или Анатомический театр, э?

— Я думал, — признался Эрех. — Но своими силами это невозможно. Театр и морги при госпиталях охраняются от кладбищенских воров, протащить его незамеченным не получится. И главное, вы представляете последствия, когда магистрат хотя бы заподозрит, что его сын был вскрыт в Анатомическом театре?

Рейке представлял. В его представлениях театр горел, причем вполне реальным, а не синим пламенем, а перед ним на ветру раскачивались тела всех, кто даже мимо прошел. Тул Ойзо был единственным и любимым сыном магистрата, старый козел его смерть не простит.

— Я решил, что единственная возможность избежать последствий, эм... моих действий, это найти убийцу. Тогда же никто не спросит, что конкретно случилось с сыном магистрата, так ведь? Если убийца найден...

Йон мальчишку понимал. Он разглядывал оттопыренные ушки новоявленного клиента и видел куда больше, чем тот хотел показать. Например, старую тужурку, слишком свободную для тощего тельца, с перелицованными и надшитыми рукавами. Гербовые пуговицы срезаны, заменены на простые, из скорлупы водяного ореха. Светлые, по-астийски густые волосы полностью сбриты и теперь отрастали, чтобы, скорее всего, вскоре быть сбритыми вновь. Сплошная экономия, одна десятая ляня в цирюльне раз в полгода. Усы и борода у астов не растут, покупать бритву парню сплошное разорение. Судя по весу, что у подзаборного кота, питается он плохо, в лучшие дни заедает сырую воду картошкой, в обычные же обходится просто водой и тем, что подкинут сердобольные санитарки. Благо внешность у него такая, пробуждающая родительские инстинкты. Так и тянет подкормить и оттащить за уши, паршивца.

А все, что зарабатывает, он тратит на свою мечту. Йон криво усмехнулся.

Печальна судьба одаренных. То, что ребенок избран Богом как сосуд для дара обнаруживается, обычно, лет в пять. После чего приезжает телега из какого-нибудь Убежища, и ребенок навсегда покидает семью, переселяясь под холодные каменные своды. Там изо дня в день одаренный моет полы и зубрит священные тексты, а наставники розгами вколачивают в него умение пользоваться выданной Богом благодатной искрой. Годков через десять принявшего обеты ребенка выкидывают обратно, в большой и абсолютно чуждый мир, в котором он должен преданно служить избравшему его, а как это выйдет — только Богам и решать. А решения эти ведомы только самим Богам. И хорошо, что этот конкретный ребенок умудрился зацепиться в жизни, а не закончить ее на поле боя, когда в госпитальную палатку попадает криво летящий снаряд.

Да, Рейке знал, каково быть таким мальчиком. Когда-то давно он и сам им был.

— Короче, — подвел он итога. — Завтра ты что делаешь, док?

— Выходной у меня.

— Просто замечательно. Встречаемся у Восточных ворот в час Белой Собаки. Понял? С утра я еще кое-куда забегу по делам. И, кстати, давай-ка, плати мне аванс. А то знаю я вас, служителей шприца и клистира. Деньги хоть есть, э?

Деньги были, видать зарплату недавно получил. Отобрав у клиента десять лян мелочью, Йон ссыпал монеты в карман и направился к выходу из лаборатории, представлявшей собой подпол под хибарой, где жил непутевый целитель.

— А что же я есть буду? — растерянно донеслось вслед.

— А вот его и ешь, — хмыкнул сыщик, кивнув на труп. — А если серьезно, то ты это, док, не вздумай больше кромсать магистратских детей. Эй, ты меня слышишь, мелкий?

Согласный вздох был ему ответом.

За городом дождь лил еще сильнее. Густые ровные струи, словно у Отца-Небо ведро прохудилось. Человек в коляске дернул поводья, заставляя лошадь повернуть на малозаметную заросшую травой дорогу, и поежился под тяжелой тканью плаща.

Наемная лошадка неторопливо трюхала по грязи, опустив голову, а человек нервно оглядывал окрестности. Из-за погоды дорога, обычно светлая и солнечная, выглядела пугающе мрачной. Высокие, до набрякших непогодой туч, стволы кипарисов обступили узкую колею. Живые, но молчаливые свидетели его пути. Человек почувствовал, как в его душу заползает страх. Он был один, ночью в лесу, а причина, по которой ему пришлось тут быть, далека от законопослушной. Но гнев и жадность пересиливали.

Огонек хижины показался, как всегда, неожиданно, словно сам зажегся в ожидании гостя, однако облегчения не принес. Человек подъехал к покосившейся ограде, на которой мокли щербатые глиняные горшки, и некоторое время сидел, скукожившись, слушал как капли дождя стучат о плотную парусину плаща. Потом слез на землю, потрепал лошадь по шее. Привязывать ее не стал, обученное животное никуда не уйдет и будет послушно ждать его возвращения.

Человек прошел по тропинке к двери, увязая ногами в раскисшей земле, постучал условным стуком. Раз. Потом два раза. Еще раз. Дверь отворилась, стоило прозвучать последнему удару.

Стоящий с той стороны порога мужчина, темный силуэт в тусклом свете маленькой свечи, качнулся, молча приглашая войти. Длинные рукава его одеяния колыхнулись, как крылья готовящегося взлететь ворона. Гость, чуть помедлив, шагнул внутрь. Промокший плащ тоже делал его похожим на гигантскую ночную птицу. Дверь закрылась, оставив за порогом мерный шум дождя.

Покорно стоящая у ограды лошадка терпеливо ждала, когда тот, кто потащил ее в такую погоду прочь из теплого стойла, выйдет из этого странного, покосившегося строения. А когда небо над лесом стало светлеть, а дождь — утихать, неторопливо развернулась и побрела прочь, волоча за собой пустую коляску. Она умела не только ждать, но и находить путь в домой. Самостоятельно, не дожидаясь, пока арендовавший ее человек вернется.

Примечание: Эта часть полностью завершена и даже лежит кое-где на АТ и других ресурсах. Но — в старой редакции. Потому выкладывать историю придется заново, поскольку доступ к прежнему акку в АТ восстановить не удалось. Выкладка по главе в субботу и вторник. Всего 7 глав и эпилог.

Глава 2. Старые связи

Рано утром следующего дня Йон вытащил из-под кровати чемодан и достал свою старую униформу. Задумчиво разложил ее на кровати, провел ладонью по потертой ткани, восстанавливая в памяти забытые ощущения под пальцами. Без знаков различия мундир ничем не отличался от того, что носили служащие городских магистратов.

Ровно час спустя в дверь Розового павильона входил подтянутый серьезный дознаватель, в белесых глазах которого застыла угрюмая решимость выдать всем встречным, причем сполна. Охранявший дом военные, впечатленные его видом, ничего не спросили, лишь склонили головы в молчаливом приветствии. Правильно, молодцы, ребята, небось важного человека прислал сам магистрат, надо быть почтительными.

Йон усмехнулся, задвигая перегородку и оставаясь один на один с произошедшим в доме. Восемь лет прошло, а хватки и привычек он не утратил. И почему эти придурки тут торчат? Хотя, чего это он, покушение на сына магистрата — государственное преступление, подведомственное военным. Только опыта у этого ведомства...

Сыщик стоял посреди разгромленной гостиной, внимательно ее рассматривая. Несомненно, при жизни хозяина помещение было уютным; обстановка дорогая, одни лаковые панели стоили как парочка кварталов у реки вместе с жильцами. Вот только обстоятельства смерти эту обстановку изгадили. Кровь залила золотистую бумагу и гляцевый лак, намертво впиталась в циновки. Мебель, низкая, в стиле Ранней династии, была разбросана, точно по комнате метались взбесившиеся звери. Маленький столик для приема гостей раздавили в щепки. Кровь тянулась по полу широкими мазками, словно размазанная гигантской кистью. Этот пейзаж обозревал покойник в изящной рамке, брезгливо поджавший губы. Аккуратный лакированный комодик, на котором стояла картинка, и приставленный к комодику в качестве ансамбля домашний алтарь не пострадали разве что чудом.

— И что тут случилось? — спросил Йон, обращаясь к портрету. — Придурок, ты меня слышишь, э?

Портрет, естественно, не ответил, и Рейке не оставалось ничего, как самому попытаться понять, чем же нарисована окружавшая его картина.

Кровь. Разбитая мебель. Синяки на лице и груди убитого, и три пореза на теле, нанесенные умелыми руками профессионального убийцы. Кровь повсюду. Не вяжется.

Давным-давно Йон видел, как работают севрасские наемники. Чисто. Тень, возникшая из ниоткуда, исчезала в никуда, оставляя после себя труп жертвы. Прирожденные мастера ножа, что тут еще скажешь. Потому и стоят соответствующе.

И, внезапно, такой бардак. Почему? Покойник сопротивлялся? Смешно. Нельзя сопротивляться тому, кого даже не увидишь. Но у покойного Ойзо вся морда разбита, а, значит, убили его не сразу.

Йон кружил по гостиной, внимательно глядя под ноги. Разбитый столик; среди лакированных обломков, вперемешку, фарфоровые осколки, еда, помятые цветы. Пришлось встать на колени, чтобы поближе разглядеть это месиво. Крошки печенья и цветочный мед, разлитое вино. Запах специй для вина ощущался вполне отчетливо, даже спустя полных четыре круга. А что это все дает? Что стол был накрыт для свидания с женщиной, на встречи с деловыми партнерами и холостяцкие пьянки такое не подают. Йон развернулся спиной к

столику, сел, скрестив ноги. Он был готов сто лян поставить, что отсюда все и началось. От старинного лакированного столика со сладостями, окруженного грудями мягких подушек.

Итак, у Ойзо-младшего разбито лицо. Один удар пришелся справа, в губы, второй в левую скулу. Неглубокие царапины, да синяки по груди и плечам, мелкие, но частые.

— Ах, ты ж скотина! — сообщил портрету Йон, когда сообразил, чем конкретно занимался накануне гибели магистратов сынок.

Он неоднократно видел такие повреждения в той, другой жизни, когда доводилось брать насильников. Так бьет, сопротивляясь, жертва, прижатая к земле тяжелым мужским телом.

— Кастрировать тебя мало, сучье ты вымя! — насильников Рейке ненавидел.

И пусть Боги уже вынесли ему приговор, жертве от этого не легче.

Сыщик встал, глядя на гостиную другими глазами. Все верно. Она сопротивлялась, подралась. Потом Ойзо бегал по комнате, то ли спасаясь, то ли пытаясь догнать убийцу. Последнее, конечно, маловероятно. Но зато понятно, почему так много крови.

Интересно, кто она, эта несчастная? Вряд ли из общества, да и где девушка из приличной семьи встретит севрасского горца? Жизнь — не любовный роман. А, значит, сын столичного магистрата ходил по борделям...

Насвистывая под нос, Йон остановился у нетронутого дракой угла. Алтарь не был посвящен никому конкретному, потому на почетном месте лежал узел из красно-синей шелковой веревки, символ единства Отца и Матери, такие бесплатно раздают в первый день нового года. Да стоял портретик, словно в насмешку. Интересно, что за личность держит у алтаря свой портрет, а не портреты родителей или возлюбленной? Своеобразная, как минимум.

Рейке распотрошил комод, выдвигая ящички. Сунул в один карман перевязанную розовой лентой пачку надушенных писем, в другой — стянутую простой бечевкой пачку счетов. Поковырял пальцем в фарфоровой баночке с духами. Запах был приятный, дорогой — стоят такие духи как три месячных дохода малолетнего дока. Подумав, сыщик сунул баночку в тот же карман, что и счета. Еще раз окинул взглядом композицию на алтаре и вдруг заметил, что в чаше для подношений, из-под уложенных пирамидкой яблок, торчит голубой шелковый лоскут. Пришлось, предварительно извинившись, его вытащить.

В голубом шелке было что-то маленькое и плотное. Йон потыкал сверток пальцем, пытаясь опознать содержимое на ощупь, но тут за перегородкой раздались голоса. Он отчетливо различил слова «дознаватель», «магистрат», потом был вопль, и в тот момент, когда перегородка отъехала в сторону, Йон рыбкой выпрыгнул в окно.

Привычно перекатился по земле, смягчая падение, и, вскочив, понесся к забору. Фора у него была приличная, учитывая, что те два болвана у двери умудрились разуться из уважения к давно мертвому хозяину дома.

И точно, крики и шум ломаемых роз донеслись до него только после того, как он взлетел на забор. Приземлился с той стороны и понесся в сторону парка, популярного места прогулок всех горожан, среди которых было легко затеряться.

— Лови его! — истошно заверещали вслед, и Рейке припустил еще сильнее, радуясь, что за все прошедшие годы не набрал лишнего веса. Военные оказались не столь неповоротливыми, как он думал.

Петляя между цветущих азалий, Йон выскочил на посыпанные песком тропинки, и побежал, стараясь не слишком распахивать прохожих. Набитые бумагами карманы

неприятно хлопали по бокам. Сзади, с воплями, неслись военные.

Йон резко повернул вправо, где у большого пруда теснились чайные да кондитерские, пробежал еще с десятков шагов, затем нырнул внутрь ближайшего павильона. Широко улыбнулся ошеломленной подавальщице, пересек зал и скрылся за шторой, отгораживавшей кухню.

Бодрые армейские ребята вбежали следом.

— Поймайте мне его, кретины недобитые! — донеслось до Йона, и он остановился, узнав высокий, чуть истеричный голос. Усмехнулся.

Побег отменялся.

Он неторопливо вышел через заднюю дверь в маленький садик, заросший сиренью, и остановился в густой тени среди тяжелых, усыпанных цветами ветвей.

Военные, как он и ожидал, садик осматривать не стали. Вылетели ласточками на задний двор и, пыхтя, побежали дальше, через распахнутую калитку, вниз, к реке. Все, кроме одного, того, которого сама Судьба, не иначе, решила вытащить из прошлого и сунуть Йону Рейке под нос.

Сыщик подождал, пока отдалятся шум и топот, и тихо возник за спиной старого знакомого.

— Доброе утро, Теон.

Названный Теоном подпрыгнул, резко повернулся, одновременно зашарил рукой, нащупывая оружие. И только потом, узнав, замер.

Сыщик в свою очередь пристально разглядывал ошеломленного офицера. За прошедшие восемь лет Теон Делко изменился, отрастив усы, брюшко и полковничьи знаки различия.

— Р-рейке?

— Я, — кивнул Йон, сунул руки в карманы и прислонился к стене. — Меня ловишь?

Кивнул в сторону убежавшей парочки. Не смог отказать себе в удовольствии полюбоваться на вытягивающееся лицо и забегающие глазки.

Восемь лет прошло, но некоторые вещи не поменялись. Рейке все так же Теона не выносил, а Теон все так же его боялся. Этот страх, тщательно скрытый под синим армейским мундиром, Рейке чуял не хуже гончего пса. И потому не мог отказать себе в удовольствии чуть-чуть поиграть с испуганной жертвой.

— Что ты тут делаешь? — Делко быстро оправился от шока, взгляд его стал цепким. Увидел и то, во что Рейке был одет, и то, что с мундира срезаны все нашивки.

— Пытаюсь заработать пятьсот лян, если повезет. Ты же знаешь, что я везучий, — сыщик усмехнулся, глядя в лицо старому знакомцу.

Прежняя работа сводила его с очень разными людьми. Иногда вот с такими, как полковник Делко.

— А, предложение магистрата, — Делко поморщился.

— Оно самое. Ну-ну, дружище, не надо так кривиться. Как видишь, я больше не получаю казенного жалования, так что приходится крутиться по мере сил.

Йон улыбнулся, надеясь, что в этой улыбке достаточно и заискивания, и попытки его замаскировать остатками того, старого Рейке восьмилетней давности. Было важно, чтобы в нем увидели сломанного неудачника. Интуиция, не более, но он всегда ей доверял.

— Думаешь, без шансов? — прибавил он дурачка, понизил голос до заговорщицкого шепота. — Или вы уже всех нашли?

И многозначительно подмигнул. Делко снова поморщился, совершенно по-кошачьи

встопорщив усы.

— Да кого мы там нашли, даже тела у нас нет! Я вообще думаю, что, может, это не его кровь, а какой-нибудь девицы, которую он притащил поразвлечься, да прирезал ненароком. Сам понимаешь, на что способны эти... — он ответил по привычке и осекся только на упоминании магистрата, непроизвольно поморщился, поняв, как легко его поймали. Теон восьмилетней давности особыми умственными способностями не отличался, и вряд ли за прошедшие годы в его голове забил источник разума.

— Еще бы, — кивнул Йон, и подумал, что Теон сам был из богатеньких деток, вернее, мужей богатеньких деток. Иные в столичных полковниках в тридцать шесть ходят редко, все больше вдоль границы. — И ничего?

— Ничего, — Делко уже справился с собой, никаких импульсивных ответов по старой памяти ждать не стоило.

— Как жаль. А я-то, понимаешь, обрадовался, когда тебя увидел, думал, может ты... Ну, понятно, э? — и снова улыбнулся той самой улыбочкой, которую очень долго тренировал перед зеркалом.

— Извини, Р... Йон. Сам понимаешь, служебная тайна...

— Да, да, — мелко закивал Йон. — От службы никуда не денешься, что же я, не человек, что ли. Я тогда пойду?

— Иди, — милостивое разрешение, в глазах все ярче разгорался отблеск самодовольства. Играть на чувстве превосходства легко, это очень многострунный инструмент.

Йон еще раз закивал, даже поклонился и прошел мимо, но через пару шагов его окликнули.

— Эй, Рейке! — в этот раз Теон не осекся, переступил через привычку быть подобострастно вежливым с тем, кто когда-то давно был намного выше его.

— Чего? — Йон обернулся, Делко стоял на том же месте, с многозначительным, по его мнению, лицом.

— Верни, то, что взял.

Йон изобразил на лице сначала удивление, потом досаду пойманного за руку мелкого взяточника, потом полез в карман и послушно кинул Теону фарфоровую баночку с духами.

И, пока тот недоуменно ее разглядывал, ушел.

Место, где Эрех набрел на тело, осталось нетронутым. Высокие деревья кольцом окружали небольшую круглую поляну, спускавшуюся к густо поросшим ряской прудам. На той стороне виднелись развалины заброшенной королевской резиденции.

— Жутковатое местечко, ночью-то, — высказался мастер Рейке, когда они, наконец, добрались. — Еще и в дождь... Не страшно тут одному слоняться, э, мелкий?

Эрех недовольно передернул плечами. Во-первых, раздражало это обращение. Он сам знал, что не вышел ростом, вовсе не обязательно его в это носом тыкать. А, во-вторых, разумеется, было страшно. Но какая разница, когда нет выбора?

— Тело я нашел здесь, — образованные люди не заостряют внимания на подобных вещах, поэтому на подначку он не ответил. — Лежал он вот так, навзничь.

Эрех брыкнулся на спину, раскинул руки и ноги наподобие морской звезды. Поморгал, глядя в небо. В небе плотной стайкой собирались комары, привлеченные не иначе как его, Эреха, присутствием.

Мастер Рейке, меж тем, неторопливо обходил поляну, разглядывая землю.

— Именно так лежал? — уточнил сыщик после продолжительного молчания.

— Ага.

— Понятно, — снова молчание, следом вопрос. — А одежда на нем какая была?

На веко сел комар и кровожадно облизнулся. Эрех замахал на гнусную тварь руками, приподнялся на локтях и обнаружил, что Йон Рейке не обращает на него внимания, стоит спиной и таращится на пруд. Пришлось встать.

— Никакой не было, — ответил но-Тьен, отмахиваясь от алчущих целительской крови насекомых. — Одни подштанники.

— Так я и думал.

Эрех потоптался некоторое время на месте, разглядывая широкую спину сыщика, потом, решившись, подошел и встал рядом. Попытался понять, что же так мастера привлекло. Руины, конечно, живописные, но...

Над ухом звенели комары. Эрех шлепнул одного, пристроившегося на щеке, и не выдержал:

— О чем думаете?

— А? — Йон Рейке обернулся. — О чем? Да вот... Пытаюсь понять, зачем тащить труп из города аж сюда, и бросать его просто так валяться на открытом месте, когда в двух шагах глубокие, полные всякой дряни пруды? Ты глянь на эти болота, его никто бы никогда не нашел, главное камень потяжелее выбрать. В чем смысл спектакля, э?

Эрех старательно подумал над сказанным. Действительно, если убийца знал, кого убил, разумнее было скрыть факт убийства, утопив труп. А если он хотел, чтобы Ойзо нашли, тогда почему не оставил там, где убил?

— Верно мыслишь, — Эрех осекся, сообразив, что говорил вслух, а не думал. — Получается твой убийца хотел гарантировать, что парня обнаружат, так? Конечно, возможно, что ты спугнул убийцу в момент, когда он собирался Ойзо утопить. Но думаю, в таком случае он бы и тебя рядом притопил, если бы увидел. Севрасцам это как два пальца... ну, ладно. Ты чего зеленеешь, э?

— Ничего, — просипел Эрех, только сейчас сообразив, как сильно рисковал. От ужаса стало жарко. — Духота.

— Ага, парит просто зверски, — согласился мастер Рейке. — Нет, я думаю, он хотел, чтобы тело нашли. Но зачем? Что такого ценного в этих местах? Кроме руин?

Он широким жестом обвел окружающее их пространство. Полное отсутствие подлеска, густые тени от высоких кипарисов, толстый слой иголок на земле, редкие, бледно-голубые колокольчики, которые в народе называют «девичьими». Выложенные камнем берега прудов поросли густым зеленым мхом, между ними буйствовали папоротники и черные ирисы. На той стороне, среди развалин, сохранились огромные кряжистые липы, посаженные еще при жизни Фаттиха Маэде.

— В этих местах редко кто бывает, — высказал предположение Эрех и прихлопнул очередного комара. — Дорога недалеко, но сквозь деревья с нее ничего не увидеть.

Если намеренно не сокращать путь, как это обычно делал он сам.

— Именно! — Рейке поднял вверх указательный палец, подчеркивая важность сделанного но-Тьеном вывода. — И, все же, наш убийца притащился сюда и бросил тело именно здесь. И мы должны понять, зачем. Пойдем — дальше легче будет.

Он развернулся и хлопнул Эреха по плечу, приглашая следовать за собой. От силы

хлопка Эрех чуть не упал.

— Пошли, док. У меня есть еще несколько вопросов, на которые не мешало бы найти ответы.

Теон Делко задумчиво смотрел в окно своего кабинета. За его спиной переминались адъютанты, два идиота, не способные решить элементарную проблему.

— Отправлю на границу чистить сортиры, — процедил он, прерывая тягостное молчание.

Полковник был зол. Встреча в парке перечеркнула все его планы. Менее всего он рассчитывал, что в расследование смерти Читела Ойзо вяжется сукин сын Рейке.

— Надеюсь, вам хоть что-то удалось узнать, — Делко обернулся, впери в подчиненных тяжелый взгляд.

— Да, полковник! — хором рявкнули оба, и Теон поморщился.

Про себя он давно звал их Правая и Левая. В жизни они были обычными армейскими лейтенантами. Михо Рои и Тарьен Сола, оба достаточно умны, чтобы не болтать о происходящем в штабе командования и достаточно глупы, чтобы не замечать отдельных вещей. К сожалению, иногда эта глупость подводила. Как вот сегодня, когда они пропустили в Розовый павильон вездесущего Йона Рейке.

— Докладывайте, чего замерли, — буркнул Делко.

— Он ушел со службы восемь лет назад, — начал Рои. — Причину увольнения узнать не удалось.

Теон припомнил дождливую ночь, улицу, зажатую между двумя рядами одинаковых домов.

— Я знаю причину, не стоит уделять ей излишнего внимания, — прервал он Михо. — Что дальше?

— Год пропал неизвестно где, — это уже Тарьен. — Потом вернулся в Альмейру, поселился на окраине Северных кварталов, угол Жестянщиков и Короткого переулка. Жильем владеет, живет один. Семьи не завел. Любовниц нет. Иногда ходит в заведение матушки Катрионы. Это все.

— Все? — уточнил Теон, приподняв брови.

— О личной жизни, полковник! — вновь сорвался на крик Рои. Они его, конечно, боялись. Знали, стоит чуть-чуть прогневить начальство, и оно быстренько отправит их куда-нибудь в район Боятских островов, откуда крайне затруднительно вернуться живыми. — Еще есть профессиональная!

— Ну?!

— Зарегистрировался в магистрате семь лет назад, получил лицензию сыщика с правом свидетельства в суде, — отрапортовал Сола, перехватывая инициативу. — Занимается, преимущественно, супружескими изменами, проверкой сторон для сговоренных браков, мелкими мошенничествами. Несколько раз брался за пропавших людей. До позапрошлого года сотрудничал с городской тюрьмой — искал и возвращал беглых преступников, но потом сотрудничество прекратил, хотя начальник тюрьмы до сих пор ждет, что Рейке вернется. Периодически оказывает услуги адвокатской конторе Эрайна но-Фосса. Плату берет умеренную. Жалоб в магистрат на него не поступало. Это все.

— То есть, это все та же официальная информация, так? — медовым голосом уточнил полковник.

Правая и Левая синхронно кивнули, забыв, что они в армии.

— Идиоты! — чернильница описала дугу и врезалась в стену позади вздрогнувших адъютантов. На белой извести расплылась гигантская клякса, вниз потекли фиолетовые ручейки. — Мне не нужна официальная! Мне нужна другая! С кем он спит! С кем пьет! Кому давал взятки, кого бил, кого запугивал! И не врите, что он этого не делал!

Оба помощника сравнялись цветом лица с побелкой.

— Марш отсюда и не возвращайтесь, пока не найдете что-то, что мне пригодится! — страшным шепотом прокричал Делко, и парочку как ветром сдуло. Полетевшая вслед за чернильницей книга воинского устава врезалась в закрывшуюся дверь.

Проклятые недоумки!

Полковник схватил со стола стакан, намереваясь послать его вслед за книгой, но замер. Вдохнул и выдохнул, пытаясь усмирить разбушевавшуюся ярость. Не дело это, так поддаваться ненависти.

А Йона Рейко он ненавидел всеми фибрами души. С первого момента их знакомства. Ненавидел, потому что знал его. И понимал, что даже движимый одной лишь жаждой получить вознаграждение, объявленное тупицей-магистратом, Рейке не остановится, пока не выкопает все, что можно. Каждую нитку, каждую монетку, мерзкую мыслишку или косою взгляд. Псу можно перебить ноги, но он все равно не разожмет клыков на глотке врага.

Теон с отвращением посмотрел на кляксу на белой стене. Разжал пальцы, поставил стакан на стол.

В дверь постучали.

— Входи, — буркнул он.

На пороге возник человек в серой форме магистрата.

— Полковник Делко?

— Я. Чего надо? — грубо ответил полковник.

— Его сиятельство городской магистрат Ойзо, — человек на тон внимания не обратил, — прислал вам сообщение. Полчаса назад на дороге к Товайхо было найдено тело.

Стакан ударился о стену и брызнул в стороны сотней осколков.

В этом доме всегда царил полумрак, словно день отказывался заглядывать за плотно закрытые ставни. Густой, бархатный, разгоняемый только пламенем бесчисленных свечей. Поднимался кольцами ароматный дым из множества курильниц, обнимал фонарики, раскачивающиеся под потолком. Йон видел его опаловые переливы, сплетающиеся с синеватым дымком из длинной трубки, зажатой в тонких пальцах. Сахарное печенье на лакированном столике, дорогой чай в чашках старинного фарфора. По внутреннему краю чашек плывут алые рыбки, плещут хвостами, ныряя в золотую чайную глубину. За шелковыми перегородками, в сумерках бесконечного коридора, журчат и плачут цимбалы.

Все вокруг текло, все извивалось и уходило в слоистый мрак под потолком, непроницаемый, как глаза женщины, полулежавшей напротив, на широком диване среди груды бархатных подушек.

— Послушай, Кат.

Йон сидел на одном из многочисленных низких табуретов и вертел в руках пачку писем, перевязанных ленточкой.

Женщина чуть приоткрыла длинные веки, взглянула искоса. Ровные белые зубы покусывали янтарный чубук трубки.

Она не станет отвечать, пока он не задаст прямой и конкретный вопрос. Но и тогда потребуется масса усилий, чтобы ее ответ был хоть чуточку вразумительным.

Их игра длилась не первый год, она была привычна, и привычно же раздражала, но деваться было некуда. Ему больше нигде не найти такого информатора, как матушка Катриона, хозяйка самого большого, дорогого и закрытого борделя во всем Альмеррайде.

— Мне сейчас очень важно узнать, чем жил Чител Ойзо. Хоть крупницу информации. Пожалуйста. У меня вправду нет времени.

Новая партия старой игры. Сегодня она началась с того, что Йон в подробностях изложил историю появления у него в клиентах Эреха но-Тьена. Того, что эта история выплывет, он не боялся. Катриона ни разу ни слова никому не рассказала за все время их знакомства. Она умела хранить любые тайны, как хранил их душистый полумрак, что правил за закрытыми дверями ее заведения.

— В прошлый раз, — она заговорила, низкий грудной голос смешался с ароматным дымом, — помнится, мы расстались немного... нервно.

— Кат, — Йон опустил глаза, покрутил ленточку в пальцах. — Я забыл извиниться. Я знаю. Так что... прости меня. Прости, что я тогда не выдержал и сорвался.

Лукавый бархатистый смешок был осязателен физически, всей кожей.

— Дорогой мой страж, вы и выдержка — понятия несовместимые. Но я простила. Вы тогда были так расстроены, ведь ваша добыча едва не ускользнула.

Боги, пошлите смирения.

— Но это не причина, чтобы кричать на женщину, — не согласился Йон. — Поэтому я еще раз настоятельно прошу у тебя прощения.

Катриона фыркнула, изящным движением положила трубку на край серебряного блюда. Сквозь густые волны упавших на лицо волос блеснули глаза, черные бриллианты с глубоко запрятанной золотой искрой. Длинные ресницы опустились, погружая искры в беспросветную ночь.

Танец соблазна, в котором каждое движение выверено до бритвенной остроты.

Невероятная женщина. Драгоценность, мечта. Мужчины всего королевства готовы на коленях ползти за ней по улицам, только бы она взглянула.

— Понимаешь, Кат, ты моя единственная надежда. Я думал, когда забирал сегодня вот это, — он помахал пачкой писем, — что они помогут мне узнать о личной жизни тула Ойзо. Они помогли. И я хочу понять, что именно я узнал.

Катриона неотрывно смотрела на него.

— Будет непросто, — заметила она, но Йон не позволил сбить себя с мысли.

— Я просто оставлю их у тебя. Понимаешь... если это то, о чем я думаю, то это очень важно. Проклятое дело разрастается с каждым часом. Эти письма, следы изнасилования, свертки из шелка и полковники... Немного слишком даже для магистратского сынка, не думаешь?

Она плавно села; узкие, идеальной формы ступни утонули в шелковом ворсе ковра. На смуглых изящных щиколотках призывно звякнули золотые браслеты. Переставила чашки с недопитым чаем. Движения женщины были совершенны, бесцельны и бессистемны.

— Я не могу привлечь внимание старика, Кат, — Йон положил связку писем на край блюда с печеньем. — Я-то выживу, даже теперь меня нельзя тронуть, но пацана сожрут. Поэтому если знаешь что-то, что поможет мне разгадать эту дерьмовую загадку, я буду очень тебе благодарен.

— Йон, — Катриона резко оборвала его. — Эрл Ойзо никогда не прикасался ни к кому в моем доме. Немного людей в этой стране, о ком я могу такое сказать.

Это был ответ. И упрек, начало скандала, в котором он не желал принимать участия. Рейке помолчал, кивнул и тяжело поднялся. Ноги затекли.

— Но письма я все же оставлю у тебя. Попробуй узнать, кто их писал.

Он повернулся и направился к выходу, стараясь не споткнуться о разбросанные подушки.

Она остановила его, когда он коснулся бронзовой ручки в виде кошачьей головы.

— Обернись! — голос был злой и отчаянный.

Чуть помедлив, Йон оглянулся.

Катриона сидела на своем низком диване, прямая, словно стрела, и бархат сброшенного платья стекал на пол. Сочетание огня и тьмы обрисовывало совершенное тело обнаженной женщины.

— Неужели ты не видишь причины остаться?!

Это тоже часть игры, в которую они играли все двадцать лет, что были знакомы, за исключением года, что Йон Рейке провел здесь же, в борделе, на цепи за железной дверью подвала.

— Прости меня.

— Восемь лет прошло, восемь! Ты уже не можешь ей изменить!

— Речь не об измене.

— Ты так ее любил?!

— И всегда буду.

Он отвернулся, за спиной опрокинулся столик, рассыпая содержимое по ковру.

— Эрл Ойзо приходил ко мне, три года назад. Просить за сына. И заплатил мне три тысячи лян полновесным золотом, словно мы с ним были персонажами древней пьесы.

Йон молчал и ждал продолжения.

— Я приняла мальчишку лично, как пожелал его отец. Но он не смог. В этой стране очень мало мужчин, которые не хотят меня, Йон! А еще меньше тех, кто испытывал бы ко мне отвращение. И, поверь, я не желаю знать причин подобного чувства!

Йон кивнул, благодаря, открыл дверь и вышел.

Глава 3. Обратная сторона Альмейры

В каморку в Синем квартале он вернулся поздним вечером. Сначала бесцельно бродил, выветривая воспоминания и пропитавшие одежду ароматы Шелковой улицы, потом, обнаружив себя аж у Южных ворот, шел домой, чтобы переодеться в гражданское. А когда добрался до двери Эрехова обиталища, небо уже окрасилось в густые цвета ставень на окрестных домах.

Целителя Йон обнаружил в его подземелье, в окружении крепости из справочников, разваливающихся тетрадей, каких-то пробирок с ретортами и дешёвой коптилки, притворявшейся лампой. Пробирки все как одна были с отбитыми краями, потому не составило труда догадаться, откуда нищий бывший студент их наскреб — повытаскивал из мусорных куч вокруг госпиталя.

— Ну, разобрался, что там в свертке? — с порога поинтересовался Рейке.

— Подождите, — пробубнил Эрех, не отрываясь от плошки, в которую что-то капало из хитрой стеклянной конструкции. — Еще чуточку.

Йон ухмыльнулся и принялся прогуливаться по импровизированной лаборатории, разглядывая интерьеры. В принципе, усилия, с которыми мелкий ее соорудил, заслуживали, как минимум, уважения. Чем-то это место напоминало лавку старьевщика, поскольку не обремененный деньгами парень сносил сюда все, хоть отдаленно способное послужить его целям. Вместо книжных шкафов вокруг громоздились поставленные на бок винные ящики, заполненные книгами, отправленной в утиль медицинской посудой, банками и бутылками с подозрительными жидкостями, порошками и анатомическими препаратами. Същик остановился перед укупоренной емкостью, где в желтой жиже плавали чьи-то легкие, поскреб пальцем стеклянный бок.

— Нашел! — радостно возвестил Эрех и взмахнул пробиркой, как солдат полковым знаменем.

— Ура, — согласился Рейке и подошел к столу. — Что за ерунда?

— Понятия не имею, — не снижая градуса счастья ответил целитель.

Йон приподнял брови и пристально поглядел в восторженные серые глаза.

Мальчишка смутился.

— Вообще, это порошок белого мака, смешанный с порошком из семян дурмана побережного и с веществом искусственного происхождения, природу которого я не смог определить. Никогда такого не видел. Три часа потратил, отделяя его от остальных составляющих. Зато я знаю, что оно хорошо растворяется в горячей воде и эфире. А в холодной воде выпадает в осадок. Вот.

Оттопыренные уши слегка покраснели.

— Дурман побережный — это черная дурь? — уточнил Йон и отобрал пробирку, на дно которой лениво оседали белые хлопья.

— Ага.

— Интересно, — он покрутил пробирку перед светом коптилки, потом понюхал.

Сквозь знакомую кислую вонь пробивался сладкий, ни на что не похожий душок.

— Интересно...

Док подпрыгнул на стуле.

— Что — интересно?

— Ты был когда-нибудь в чумных домиках? — Йон на вопрос не ответил, всунул пробирку в докторскую лапку и повернулся спиной к столу, разглядывая красочную обложку толстого анатомического атласа. Такой не меньше пятидесяти лян стоит.

В голове бешеными кроликами скакали мысли. В довесок к тому, что покойник вполне мог оказаться насильником и шантажистом, прибавились наркотики. Йон заскрипел зубами.

— Я что, похож на идиота? — возмущенным баритоном отозвался Эрех.

— Ну, может, целительский долг заносил... В конце концов, был же ты в тюрьме, хоть по твоему виду и не скажешь.

— Не заносил, — целитель надулся. — И вообще, ненавижу чумных и всю эту... коммерцию.

Сказано было брезгливо, с омерзением в голосе.

— Плохо. В жизни стоит интересоваться не только строением человеческого тела, — Йон стащил атлас с полки, тот послушно распахнулся на странице с изображением кровеносной системы. — Ты вообще знаешь, как устроено дело в таких заведениях?

— Нет.

— О, это целая система. Существует два способа поиска клиентуры: дешевый и дорогой. Дешевый — это как раз черная дурь. Ее легко изготовить самостоятельно, достаточно собрать семена, смолоть с водой или там поджечь, и наступает счастье. Другое дело, что дурью запросто можно отравиться насмерть, здоровью конец за семь-восемь лун, а чердак перекашивает так, что... — Йон вспомнил дождливый вечер в доках Асталота, выпученные в эйфорическом бреду глаза и тяжелый мясницкий нож. Плечо от воспоминаний привычно заныло. — Одним словом, пристрастие к дури не скроешь. Но все равно дело выгодное, особенно у бедняков. Собираются по несколько человек, усаживаются в кружок, ставят посередине курильницу с тлеющими семенами, окна и щели затыкают мокрой кожей. Видел когда-нибудь, что бывает потом? Нет? Тебе очень повезло, мелкий.

Например, когда компашка из двенадцати моряков нанюхалась до групповой оргии, жертвой которой стал юнга с того же корабля. Так Йон узнал, что фраза «затрахать до смерти» может иметь вполне буквальное значение. Или группа уличных торговцев, которым привиделось, что на них нападают насекомые и лезут под кожу. Того единственного, кого нашли живым, пришлось привязать к тюремной койке ремнями, придурок упорно пытался проскрести себе голову. Его товарищи в этом деле преуспели гораздо больше.

— Я не знаю, пишут ли такое в твоих книжках, док, но у дури есть одно забавное качество — если нанюхаться ее в компании, то и бред будет один на всех. Поэтому торговля дурью всегда рассчитана на бедных, поляна с рыла, полгорсти семян, комнатка, которую можно закрыть снаружи, когда обкуренные начнут беситься, и по пять-семь потоков клиентов за ночь. Я видел умника, который соединил десяток таких комнаток одной трубой и пускал дым от общей курильни, изобретатель... Но от дури, как я уже сказал, быстро сходят с ума. С богатыми клиентами так нельзя. Богатые готовы платить, а если у человека есть деньги, гораздо выгоднее тянуть их из него как можно дольше. И тут нужны две вещи: чтобы клиент быстро привык и не мог без наркотика, и чтобы было за что эти деньги просить.

— Белый мак, — задумчиво произнес Эрех.

Йон кивнул, не отрывая взгляда от страницы с детальным изображением сердца в разрезе.

— Веками проверенное средство. Приучить к нему клиента можно за один раз, а жить он на нем будет не менее десяти лет. Растет только в предгорьях Северного хребта, везут через Тилею, цена соответствующая. А как мак стали в медицине использовать, так вдвое возросла.

Эрех буркнул что-то неразборчивое, Йон понимающе улыбнулся. Морфин, добываемый из белого мака, недавнее открытие какого-то тилейского коновала, поставил под вопрос необходимость кормить и содержать посвященных Наэмы. И пусть белый мак еще не научились выращивать вне полей под Северным хребтом, само открытие уже повлияло на заработки целителей в госпиталях. Экономия она такая, ей только дай предлог.

— А еще богатые любят экзотику. Просто курить мак им скучно, они разнообразия хотят. Отсюда контрабанда коры боятского падуба, и синий пещерный гриб, и настойка на стручках степного бархата, и Боги знают, что еще. Вот где, док, настоящая сокровищница, неиссякаемый источник золотишка. Все эти подпольные лаборатории, в которых энтузиасты что только не мешают и не выдумывают. Лет пятнадцать назад один придурок решил, что в мозгу человека есть какие-то вещества счастья и начал готовить экстракт, падла, — Йон поморщился, вспомнив те невеселые полгода. — Мозг он вытаскивал из живого человека, предварительного напоенного настойкой пещерного гриба, без этого эффект, по его словам, был не тот. Или повальное увлечение ушастыми лягушками, которых возили контрабандой с самого Эфеса, потому что они, якобы, выделяют какую-то очень веселящую слизь. Местная элита платила по сто лян за право разок облизать лягушачью задницу. Одним словом, зачем я тебе это рассказываю...

Йон вернул атлас на полку и обернулся.

— Вы хотите сказать, что вот это, — Эрех кивнул на пробирку, — очередная экспериментальная идея?

— Похоже на то.

— И тул Ойзо, сын магистрата... — парнишка мысль не закончил, но выражение лица говорило само за себя. Он действительно ненавидел наркотики.

Интересно, почему? Что здесь причина, а что следствие?

— Богатенький сынок, хрестоматийный образчик.

— Но... Но я не нашел никаких видимых следов приема наркотиков. Он был прекрасно развит, сильная мускулатура, жировая прослойка достаточная для человека, привычного к физическим упражнениям и хорошему питанию. Просто пример того, что в книгах по анатомии называют «мужественное тело». Были первые признаки грядущего увеличения печени, но они встречаются у многих, часто употребляющих жирную пищу и вино, — Эрех заморгал. — Чумные же, как правило, быстро теряют аппетит и интерес к выпивке.

— Просто увлекся не так давно, делов-то, — Рейке хмыкнул, все же док был по-детски наивен. — А до этого были другие увлечения. Кстати! Ты, когда его потрошил, не заметил ничего такого женственного на его мужественном теле?

— Вы о чем? — Эрех оторопел и часто-часто захлопал длинными ресницами.

Йон поглядел на растерянное личико и его ответ пошатнулся под тяжестью смутного подозрения.

— Гм... Судебные медики называют это сглаживанием складок прохода под воздействием неестественных актов. А дознаватели кличут таких мужчин устрицами.

Мелкий сначала не понял, заморгал чаще. Потом до него дошло. Густая алая волна залила целительские щеки.

— Мальчик, ты ж врач! Откуда такое смущение? Эй, а бабу голую ты хоть раз живьем видел, э? — Док покраснел еще больше, оттопыренные уши пламенели рубинами, можно свечи зажигать. Йону стало одновременно смешно и совестно. — И кого я спрашиваю? Забудь про бабу. Водички дать?

— Н-нее... не надо, — парень шумно выдохнул, пытаясь взять себя в дрожащие руки. — Нормально все было. Никаких... эээ... сглаживаний.

— То есть минус версия, — ответил сам себе Рейке, подразумевая теорию, возникшую после прощальных слов Катрионы. — Но он мог и не быть нижним... Иначе почему его не интересовали женщины?

Осекся под отчаянным взглядом Эреха, хмыкнул.

— И как тебя, трепетного, по чумным притонам таскать, э? — добродушно спросил его.

Эрех от упоминания притонов встрепенулся. И волнение тут же прошло. Смешной парнишка.

— Меня? А зачем?

— Для прикрытия. Меня с моим лицом туда никто не впустит, если же я приду не один, будет больше шансов.

Ту часть, в которой упоминалось, что признак одного порока часто открывает двери для другого, Йон опустил. Опасался, что если док узнает, чем он так хорош для прикрытия, то в землю зароется от ужаса.

— Как мы найдем тот, что нужен? Их же полно в городе, обойти все одной ночи не хватит. А мне завтра в госпиталь на работу.

— Мы не будем обходить все, — сыщик вытащил из-под наваленных на стол книг голубой лоскут, в который был завернут порошок из дома Ойзо. — Во-первых, у нас уже есть пропуск, не думаю, что кто-то взялся кромсать шелк лишь потому, что бумага закончилась. А, во-вторых, нам надо найти один конкретный домик среди домиков для богатых. Тот, в котором и мешают это дерьмо.

— Думаете, это что-то совсем новое?

— Разумеется. Иначе я б уже знал.

Мелкий недоверчиво на него поглядел, Рейке широко и самодовольно улыбнулся. Аст поежился от этой улыбки, поправил потертые рукава тужурки и этим напомнил о проблеме, которую следовало решить до начала операции.

— Только ты это, док... Не обижайся, конечно, но у тебя есть другая одежда? Просто в твоём нынешнем наряде нам даже края от занавески понюхать не дадут.

— Опускай! — скомандовал Рейке, и Эрех послушно разжал руки.

В недра старого колодца ухнуло человеческое тело, раздавшийся в предутренней тишине всплеск был оглушительным. Над заброшенными речными доками светлело небо.

За эту ночь Эреху удалось узнать много нового о теневой столичной жизни. Он, конечно, и раньше на неосведомленность не жаловался, но тут было другое. Эрех даже осмелился признаться себе, как это увлекательно, взглянуть на мир с обратной стороны. Несмотря на гудящие от напряжения ноги и разбитые костяшки пальцев, ночь принесла много интересного.

Например, он узнал, что чумных домиков для богатых в столице семь.

Они начали свои поиски в Черный час, когда дневной круг сменяется на ночной, и шли, все дальше углубляясь в недра той части Альмейры, куда сам он не отправился бы ни за какие

деньги. Темные улочки, стиснутые кривобокими хибарами, занавешенные сушащимся тряпьем, провонявшие мусором, годами гнившим на чудовищно грязных мостовых. Магистратские сыщики и военные дознаватели не отваживались соваться в эти кварталы после наступления ночи в количестве менее отряда; Йон Рейке же чувствовал себя как дома.

Сначала они нырнули в узкий проулок, настоящую крысиную нору, где тилеец скрылся за драной занавеской, оставив Эреха, как он выразился, «подышать свежим воздухом». Четверть часа но-Тьен старательно дышал ртом, чтобы не затошнило от густого запаха мочи, и нервно стискивал в кармане флакон с помпой, куда залил масляную эссенцию жгучего перца. Отличное средство от прострелов в поясице и уличных грабителей.

После чего они отправились искать, кто продает детям богатых семейств наркотики, завернутые в голубой шелк. В первом же притоне Эрах с неудовольствием понял, что длинная синяя мантия и круглая синяя шапочка — традиционный храмовый наряд служителей Наэмы — открывали двери, будто по волшебству. Мастер Рейке и тут оказался прав: когда он вытащил из плетеной корзины, на выбор, национальный наряд с символами дала Тьен и люто ненавидимый балахон, сыщик ткнул пальцем в последнее. Как он сказал? Люди всегда подтолкнут готового упасть святого, дай им только видимость падения.

Эрах и в ночных кошмарах не желал быть святым, но в глазах обычных людей простой одаренный часто приравнивается к одержимому божеством чудотворцу. Маслянистые ухмылки, многозначительные взгляды, предложение скинуть цену для «святого мастера» — все это было омерзительно, и он впервые испугался запятнать целительское одеяние. Местные в действительности верили, будто его в подобные заведения мог привлечь только аромат порока. Приходилось прилагать усилия, чтобы удержать на лице испуганную гримасу человека, впервые спустившегося на дно человеческой морали.

Йон Рейке же играл за двоих. Подмигивал, ссутулившись и подобострастно присюсюкивая при разговоре, непрерывно чесался, словно дня прожить не мог без какого-нибудь зелья, таинственно хмыкал и общался исключительно многозначительными намеками. Первый домик держала женщина, пол которой можно было угадать лишь по платью и слою краски на лице, так он умудрился отвешивать ей настолько пошлые комплименты, что, если бы стены могли краснеть, заалели б не хуже закатного солнца.

И все это ради того, чтобы получить ответ на один единственный вопрос.

Легенду, как назвал это сыщик, предлог для поиска, они разработали в лаборатории. Мол, некий уважаемый муж поделился с приятелями за ужином одним интересным снадобьем и теперь те, чтобы не заставлять бесценного друга отрывать от сердца самое дорогое, ищут, где бы самим его купить. Почему друга не спросят? А друг уехал на воды в Конаму и будет только через две луны. Очень, очень грустная история. Нет, уважаемая, мы не можем ждать, сами понимаете. Вот наш с вами храмовый брат тоже очень страдает.

Эреху во время этого спектакля полагалось только печально глядеть из-за плеча сыщика большими глазами и душераздирающе вздыхать, демонстрируя невыносимость страдания. Причем впустую; хозяйка домика торговала исключительно маковыми миражами.

— Если не получится стать доктором, сможешь сделать неплохую карьеру в роли брачного афериста, главное, моргай почаще, — сказал Рейке, когда они, не солоно хлебавши, вышли на улицу. После сладко-душных закоулков чумного домика вонючий воздух улицы показался морским бризом.

Скрипнув зубами, Эрах проигнорировал замечание, излишне меткое для того, кто знал его всего-то второй день. И тут же заработал взгляд, молниеносный, испытывающий. Как бы

ни сложилось дальше, но Эрех верил, что к Рейке его действительно привела милость Наэмы. Сыщик умел делать моментальные выводы из совершенно незначительных событий, ничего не боялся и, судя по всему, совершенно не умел отступать.

— Пошли, проверим номер два по списку, — Рейке, вновь хлопнув но-Тьена по плечу, нырнул в очередную темную щель. Эрех поддернул сползающие шаровары и поплелся следом.

Во втором домике им тоже не повезло. Сначала они долго скреблись в незаметную снаружи дверь, потом, когда их впустили в узенькую прихожую, сильно напоминавшую размерами и атмосферой мышеловку, потратили уйму драгоценного времени на намеки и таинственные демонстрации. Хозяин к ним не вышел, а его помощники только носами вертели, да поигрывал мышцами стоящий в углу вышибала.

— Не то, — констатировал Йон, когда они в очередной раз оказались на улице и отошли достаточно далеко, чтобы их не было видно.

Эрех покосился в угол, где за кучей мусора, судя по характерным сопению, пыхтению и требованиям уплатить поляна вперед, продавалась женская любовь, и уточнил:

— Почему?

— Потому что у них не было причин отказываться от денег. И они не знали, о чем я прошу. Ну, что же, в результате минус два и пять в остатке. Нам в любом случае сегодня повезет. Хватит путаться в юбках док, до рассвета четыре часа, многое надо успеть.

— Вы так безоговорочно верите Повелителю Случая? — огрызнулся Эрех, не зная, как отомстить за выпад в отношении его внешнего вида. Широкая мантия была ему велика и, подпоясанная, топорщилась. От этого вскользь брошенная шутка становилась гораздо обиднее.

— Я верю в статистику, — отмахнулся сыщик.

Они потащились вглубь трущоб, где долго плутали, прежде чем нашли притон номер три. Этот действительно был похож на злачное заведение для богатых: большое деревянное здание с резными колоннами и балкончиком второго этажа, украшенное на входе расписными бумажными фонарями.

Мастер Рейке поскребся в дверь, тут же открылось смотровое окошко.

— Добренькой вам ночечки, уважаемый, — прошепелявил Рейке, легко перескакивая с гортанного тилейского говора на диалект уроженцев Асталота. — Моему мастеру прикупить бы капельку счастья. Не поможете?

Надрессированный Эрех изобразил сложное лицо. И яростно почесал шею, демонстрируя классический признак неразборчивых в снадобьях чумных — нестерпимый зуд под кожей.

— Какого именно счастья хочет твой мастер? — скрипнул из-за двери мужской голос.

Рейке засуетился, пригнулся к окошку еще ближе и что-то неслышно зашептал. Поднес к свету кулак, меж сжатых пальцев мелькнул голубой лоскут.

Дверь мгновенно распахнулась, пропуская их в темные недра дома.

Место оказалось непростым. Полированное темное дерево, гладкие шелковые обои, тяжелый бархатный занавес, отгораживающий коридор от основных помещений — и никакого прогорклого запаха вспотевших тел, рвоты и наркотиков. Зато здесь были лаэсты. Эрех невольно вздрогнул, пробежав взглядом по окружившим их людям: узкие лица, жилистые тела, темные глаза и темные волосы. Более тысячи лет минуло с той поры, как астинэ, в том числе и из дала Тьен, выгнали с насиженных мест жителей западных

провинций, но каждый раз, как белобрысые любимцы Небес и смуглые потомки коневодов сталкивались на ограниченном пространстве, ничего хорошего не выходило.

По спине кавалерийским полком проскакали мурашки.

Вперед вышел маленький плешивый человек в традиционном лаэстахском атаи, внимательно оглядел новоявленных посетителей с ног до головы.

— Чего надо? — спросил он.

Йон Рейке, к Эрехову удивлению, повторять выдуманную историю не стал, только опять продемонстрировал голубой лоскут.

Человечек пожевал губами.

— А ты кто такой, чтобы я тебе что-то продавал?

Эрех внезапно увидел, как напряглись плечи сыщика, и инстинктивно сделал шаг назад. Он не понял, что именно изменилось, просто внезапно стало страшно.

— Так разве ж я не объяснил, мастер? — все еще не выходя из образа, хрюкнул Рейке и тоже отступил.

Лаэсты, число которых неведомым образом удвоилось, обходили их по кругу, отрезая от выхода.

— Не знаю, на что ты мне тут намекаешь, уважаемый, — последнее слово лысый человечек произнес с нескрываемой издевкой.

— Если не понимаете, то мы, пожалуй, пойдем? — интонация сыщика стала заискивающей.

— Да куда же ты пойдешь, на ночь глядя, — ласково улыбнулся странный мужчина.

Йон заслонил Эреха спиной и спросил вполголоса, нормальным тоном и на нормальном языке:

— Док, а ты драться-то умеешь?

Эрех судорожно сглотнул, но ответить не успел. Рейке внезапно широко шагнул и поприветствовал ближайшего к нему человека молниеносным ударом лбом в переносицу. Раздался мерзкий влажный хруст и короткий вопль. Не отвлекаясь на собственные ощущения, мастер добавил мужчине мощный пинок в живот и того унесло вглубь дома, за занавеску. А сыщик уже встречал следующего кулаком в лицо.

Эрех отскочил в сторону, наступил на подол мантии и упал, больно ударившись спиной об пол. Кое-как вскочил и отбежал подальше. Опыта в драках у него было немного, гораздо больше — в получении побоев, но главное правило он знал твердо: если кто-то вызвался тебя защищать, не мешай ему. Особенно, когда тебе хотят не просто морду набить, а прирезать и выкинуть тело в ближайшую выгребную яму.

Мастер Рейке дрался молча, со звериной сосредоточенностью. Ломалась мебель, вокруг с грохотом бегали и ругались на лаэсти, сквозь шум драки доносились стоны — то ли первого пострадавшего, то ли обкурившихся посетителей.

Кто-то поднырнул под локоть рослому Йону и устремился на целителя. Эрех взвизгнул, позорно и не по-мужски, чудом увернулся от боевой трости и, вспомнив, выхватил из кармана спасительный флакон. Эссенция у него была отличная, собственноручно сделанная и проверенная. Получив в глаза маслянистую жгучую струю, нападающий заорал, уронил оружие и завертелся на одном месте. С торжествующим воплем но-Тьен, неожиданно для себя, добавил бандиту хорошего пинка по копчику, подхватил с пола трость и, завывая больше от страха, чем от ярости, ринулся в общую свалку...

Одурение от боя прошло не скоро. Сначала мастер Рейке научил его связывать

задержанных цепочкой — Эрех до этого ее только в тюрьме видел — потом они покопались в недрах притона, игнорируя стонущих, бредящих и блюющих клиентов. Таинственных наркотиков в домике не было, зато в маленькой кладовке на втором этаже обнаружилась корзинка с нарезанным на квадраты отрезом голубого шелка.

— Ага! — торжествующе заявил Йон и загреб полную горсть скользких лоскутов. — Мы пришли по адресу.

Они спустились вниз и выдернули из получившейся колбасы того самого неприятного мелкого типа, который так настойчиво задавал им вопросы. И теперь Эрех, старательно вцепившись в веревку колодца-журавля, впервые принимал участие в допросе с пристрастием.

— Поднимай! — деловито сказал Йон.

Эрех напряг все тело, чувствуя, как тягуче отзываются мышцы рук и спины, заскрёб ногами по земле. Треклятый владелец притона оказался весьма упитанным, несмотря на скромные размеры.

Тело взмыло в воздух под аккомпанемент сухого скрипа колодезного плеча, вниз ручьями потекла зеленая, дурно пахнущая вода. Колодец явно протух.

— Ыыыыыыы! — запротестовал допрашиваемый.

Рот ему мастер предусмотрительно заткнул его же шелком.

— Говорить будешь? — буднично уточнил сыщик.

Поток мычания был ему ответом.

— Не будешь? Ладно. Макаем!

Целитель мысленно взвыл в унисон с колодцем и лаэстом, и снова отпустил веревку. Тело поехало вниз.

— Он там не утонет? — уточнил на всякий случай, когда плешивая голова скрылась в глубине деревянного сруба.

— Обижает! Я же считаю, — хмыкнул Рейке. — Не бойся, док, все под контролем. Да и дерьмо не тонет. Доставай!

Процедура повторилась еще три раза. Эрех послушно тягал журавля туда-сюда, с беспокойством поглядывая на светлеющий горизонт. Кому как, а ему сегодня еще в госпиталь возвращаться и весь день работать.

На пятый раз тон мычания изменился.

— Что, передумал? — Рейке вдруг улыбнулся, даже бесцветные глаза его приобрели какой-то оттенок. — Ладно, посмотрим насколько.

Он вытащил мокрый комок из сжатых челюстей.

— Ыыыаааа, — выдохнул наркоторговец; по лицу, вниз, в глаза и на лоб, стекала мутная жижа. — Ты пожалее...

— Еще раз окунуть? — ласково предложил Йон.

Человек осекся, зажмурился, потом отрицательно помотал головой.

— Молодец. Ну, тогда начнем. Как тебя зовут? — Рейке многозначительно подбросил на ладони шелковый кляп.

— Б-боро Кутирай, — прогундосил, наконец, бандит.

— Отличненько. Можем считать знакомство состоявшимся. Скажи-ка мне, апэ Боро, не ты ли продаешь в моем городе странную смесь, завернутую в голубой шелк? И не ты ли продал ее тулу Чителу Ойзо, сыну магистрата Ойзо? А?

Боро Кутирай недобро зыркал из-под насупленных бровей, что выглядело, с учетом его

положения вверх ногами, крайне потешно. Эрех облизал разбитые костяшки пальцев и поймал себя на мысли, что ситуация начинает его забавлять.

— Чего молчишь? Мы недостаточно хорошо тебя отмыли? Повторить?

Кутирай посопел и неохотно выдал.

— Я.

Рейке улыбнулся еще шире. Зубы у него были отличные, крепкие, ровные и белые, а улыбка — многообещающая.

— Краткость сестра таланта, э?

Кутирай дернулся, как червь на крючке.

— Чего ты от меня хочешь, сволочь?!

— А чего я могу хотеть? Подробностей конечно же, дубина. Историю! Где дурь берешь? Сам мешаешь?

Снова молчание, потом неохотный ответ.

— Нет.

— А кто?

— Не знаю, — Йон повел плечом в сторону, и Эрех, спохватившись, отпустил веревку. Тело неумолимо заскользило вниз.

— Неее-ээт! Я правда не знаю! У меня поставщик!

— Понятно, — Рейке почесал затылок. — Слушай, уважаемый, давай проясним один момент — все ответы, вроде «нет», «не знаю», «не был», «не участвовал» я не рассматриваю и карать за них буду немедленно. Вон, видишь, как мой док недобро на тебя смотрит? Чистый зверь! Так что давай-ка ты забудешь про краткость и расскажешь мне все как на духу. Или мне подвесить тебя внутри колодца, закрепить верёвку камнем и посмотреть, что с тобой случится за пару дней? Кстати, док, а что случится-то?

Эрех еще раз оближал кровоточащие пальцы и, с удивившим его самого хладнокровием, процитировал парочку наиболее красочных вариантов из учебника по судебной медицине. С подробностями.

Боро Кутирай побелел под слоем зеленой тины и принялся исповедоваться.

Он действительно поставлял новый наркотик богатым отпрыскам Альмейры. Нет, он не знает откуда. К нему пришел его родич, предложил небольшой опыт по выведению нового товара на рынок. Товар был хорош, привыкание с первой пробы, никто не помер, разве есть причины отказаться? Нет, это была лишь третья партия, тул Ойзо принимал с первой. Как почему? Он был завсегдаем его домика, перепробовал все и во всех комбинациях, даже эфесских лягушек, но его не увлекало. Не более двух проб подряд, потом тулу становилось скучно. Как такой уважаемый человек к нему попал? Друг привел где-то с год назад, вроде как раз тул вернулся из Алессо. Нет, пока новых партий не было, и апэ Боро и вправду не знает, откуда товар. Родич исчез как раз перед четвертой поставкой, тул Ойзо вон тоже приезжал пару дней назад, просил, а нету...

— Когда приезжал? — Рейке прервал истерический поток слов, вскинулся, как охотничий пес.

— Два дня назад... Или три... Да, ровно три дня, вечером. В день Крысы.

— Именно приезжал?

Боро замялся, не понимая смысла вопроса.

— Я к тому, что в трущобах тачка садовая не пролезет, что значит — приезжал?

— А! Так он мне сам сказал, что оставил наемную коляску у гостиницы «Северные

ворота» и очень спешит, потому что ему еще надо успеть съездить в Мимири...

Эрех встрепенулся. Так называлась деревушка неподалеку от места, где он нашел тело.

— И зачем магистратову сынку на ночь глядя переться в деревню? — вкрадчиво уточнил сыщик.

— Я не знаю. Пес их разберет, богатых ублюдков, — с неожиданным презрением отозвался владелец чумного домика, торговец дурью. — Только он часто туда ездил в последнее время. У меня не реже раза в два дня бывал и почти все время потом ехал в Мимири...

Сыщик оглянулся на целителя и подмигнул. Эрех, помимо собственной воли, расплылся в широченной улыбке.

Они напали на след.

Глава 4. Второй мертвец

Йон сидел на бревне и смотрел как восходит солнце. Колокола Речной башни отбивали час Белого Голубя, в десяти шагах, шумно сопя, пытался освободиться от веревок вымоченный в колодце лаэст. Именно его персона и занимала мысли сыщика: он старательно решал, что с ним делать дальше.

Версия со сдать магистрату отпала сразу, мешал труп Ойзо, лежащий под полом целительской хибары в Синем квартале. Вариант с прибить и прикопать — или, как вариант, окончательно утопить в колодце — не устраивал из-за наличия родичей. Лаэсты живут кланами, так что наследники обязательно явятся с претензиями за невинно убиенного торговца чумой. За себя Рейке не беспокоился, а мелкий может пострадать. Хотя если они в дом вломятся и деньги сопрут...

Он поднялся и направился к бандиту, который как раз закончил выпутываться из веревок, и довольно бодро встал на четвереньки.

— Чего тебе? — настороженно тьякнул лаэст.

Судя по наглomu тону, он отчего-то верил, что после признания его бить не будут.

— Поговорить хочу, — миролюбиво ответил Йон. — Уладить, так сказать, некоторые разногласия.

— Что, забеспокоился?! Понял, наконец, куда влез? То-то же!

— А куда я влез? — разговор сворачивал куда-то не туда, и Йону стало интересно.

Сыщику давно никто по-настоящему не угрожал, последние лун восемь он занимался исключительно супружескими изменами, у неверных супругов угрожать храбрости не хватало.

— Да ты... Да ты что?! Да ты знаешь, кто я?!

— Понятия не имею, — Йон поощрительно улыбнулся, Кутирай вскочил на ноги и отбежал на пару шагов. — Но ты же мне расскажешь? Ты же у нас птица певчая, э?

— Угрожаешь мне, сволочь?

— По-моему, это ты угрожаешь, мне, — улыбка стала шире. — А я просто напоминаю.

— Тыы-ыы... Ты! — торговец побагровел.

Кажется, он решил, что раз его всего лишь топили, а не на части не резали, то можно начинать качать права. Йон мысленно оскалился. Идиот не понимал, что дело было отнюдь не в слабых характеристиках Рейке, дело было в астейском пацане, которому рано знать, какое оно — истинное дно человеческой души.

— Я. Что?

Логика окончательно испарилась, прихватив с собой здравый смысл. Похоже, решил Рейке, страх от пережитого и рассказанного повредил лаэсту мозги. Ничем иным вдруг прорезавшуюся в низкорослом толстячке истерическую агрессию было не объяснить.

— Да я тебя ... сукин сын! — подтверждая вывод, Боро Кутирай начал кричать и брызгать слюной, одновременно не переставая пятится. Голос его срывался на визг. — Всех вас найду! Ты знаешь, какие у меня связи?! И сколько людей? Да ты землю жрать будешь, кишками своими подавишься! И выродок этот белобрысый — тоже! Собакам скормлю! Все отберу, все отдашь, все, что у тебя есть!

Этих слов ему произносить не следовало.

Окружающий мир неожиданно стал кристально чистым, очертания предметов — небывало четкими, словно очерченными по контуру карандашом, в голове зазвенело. Под аккомпанемент этого непрекращающегося звона, Йон в три быстрых шага преодолел разделяющее его и торговца расстояние и засадил тому с размаху ногой в живот.

Кутирай выпучил глаза, придушенно крякнул и мешком рухнул на землю, мордой в пыль и песок.

Не останавливаясь, Йон добавил еще несколько ударов, от всей души, еле сдерживаясь. Убивать мразь накладно, где один лаэст, там через полгода и весь табор. Добавил еще один пинок, профилактический, дождался, пока Боро выблюет все содержимое желудка: и обильный ужин, и колодезную тину. После чего брезгливо перевернул его навзничь носком туфли. И сунул под нос ствол Миротворца, прихваченного на самый крайний случай.

На ментально побледневшего лаэста из черной глубины дула задумчиво посмотрела магически заряженная смерть.

— Ты что-то сказал? — мягко уточнил Йон. Поселившийся в голове звон утихал, вытесняемый наружу невероятным усилием воли. — Что-то там насчет кишок и земли, э?

Миротворец уперся в подбородок, заставляя перепуганного человека впечататься затылком прямо в наблеванную лужу. Рейке поймал взглядом взгляд собеседника, полюбовался на свое отражение в расширившихся от ужаса зрачках.

— Слушай сюда. Ты же хочешь жить? Просыпаться по утрам? Хочешь? Так вот сейчас ты встанешь, утрешься и галопом побежишь домой. Соберешь вещички, сунешь подмышку свою кодлу и быстро исчезнешь из моего города. Так быстро, что завтра, когда я зайду проверить, в твоём доме будет пусто и свежо. А иначе... ты же меня понял, э? Пояснять не надо?

Боро Кутирай, белый уже до прозрачного, закивал головой. Так закивал, что она только чудом удержалась на шее. Он все понял. В том числе про ценность отдельной жизни, которая вещь строго субъективная, а револьвер эту ценность сводит почти на нет.

— Тогда чеши отсюда, — сплюнул Йон, встал и отошел подальше, где не так воняло.

Кутирай вскочил на четвереньки и рванул вперед, только пыль полетела.

Сыщик усмехнулся, злость утихла окончательно. Любовно протер Миротворца, полюбовался тонкой вязью гравировки на барабане, изящной резьбой на костяных щечках рукояти. Верный друг, единственный, оставшийся из прошлой жизни. Ну, кроме Катрионы, которая его и сохранила. Принесла после того, как к Йону, прихотью Судьбы, вернулось человеческое, и отказалась рассказывать, каким чудом ей удалось его заполучить.

Теперь оставалось решить, что делать дальше. Можно взять коляску и съездить в Мимири, узнать, что такого заманчивого для сына столичного магистрата в деревушке на три сотни дворов. Но последний раз Рейке спал два дня назад и совсем недолго. Костюм помял, от сорочки несло каким-то дерьмом, туфли в грязи и пыли. А наемная коляска будет стоить денег. Вот вечером можно за полляна уговорить возвращающихся с рынка торговцев подбросить его до места. И дока прихватить, для компании.

Помимо прочего сыщику нестерпимо хотелось выяснить, как именно двадцатилетний целитель, внешне и характером сильно смахивающий на колокольчик, нашел труп посреди ночного леса. И что он ночью делал в Товайхо, такой же деревушке, что и Мимири. Соседней деревушке. Этот вопрос Йона сильно интересовал, так же сильно, как док выкручивался, чтобы на него не отвечать. У мальчишки столько тайн...

Рейке широко зевнул, сунул Миротворца в кобуру и повернул в сторону дома.

— Ты слышал? Купец Сапана отказался от целителя и настоял, чтобы ему дали морфия.

Эрех, получивший от уличного торговца свою порцию пшенной каши, замер. Он узнал голос Ито Панчаты, старшего целителя госпиталя.

— Твою ж мать!

— Ооооо...

— Что, правда, что ли?

Госпиталь Чистого Сердца был богатым и мог позволить себе держать в штате целых восемь целителей. Четверо из них стояли позади Эреха.

— А я б врал? Можешь сходить в сестринскую и спросить. Должен был ассистировать Мейре, но Сапана затеял скандал и потребовал обезболивающего. Третий случай за последнюю луну.

— И что теперь будет?

— А кто знает...

Эрех в разговор вступать не стал, сунул в рот полную ложку каши и отошел в сторону. Обсуждать нечего, все и так понятно, а кудахтать впустую он не любил. Еще и язык обжег.

Целители традиционно обходились дорого, причем всем. Наниматели, что частные, что государственные, платили Храму взносы, складывавшиеся в основной доход культа. Та мелочь, которую в качестве зарплаты получал младший целитель Эрех но-Тьен составляла всего-то десятую часть от суммы, каждую луну выплачиваемой за него госпиталем Чистого Сердца. Чем выше способности, тем выше плата. Не каждый госпиталь может позволить себе иметь штат целителей, в отдаленных местностях Альмеррайда порой доходило до одного на уезд. К сожалению — или к счастью, Эрех не знал — Храм никак не мог влиять на численность целителей. Количество одаренных зависело исключительно от Божественной воли и, как правило, не менялось.

Вообще, странная зависимость, подумал Эрех, быстро заглатывая кашу — чем больше даровано, тем меньше тех, кто получает божественную искру. И тем меньше доброй воли у одаренных. Больше всего в мире чтецов, сосудов дара Матери и Отца. Меньше всего — пророков и ищеек. Редкие, как алмазы в борозде, посвященные Горо Псоглавца пожизненно служили в Департаменте безопасности Короны; посчитаны, переписаны и учтены, никакой альтернативы. Пророки Судьбы навсегда прикованы к ее храмам, и не имеют права покидать их более чем на один круг. Целители где-то посередине, их достаточно, чтобы худо-бедно обеспечить нужды государства и общества, но недостаточно, чтобы Эрех мог сам, без выкупа, выбирать, где служить. К несчастью, его умение управлять человеческой физиологией, а порой и исцелять любую телесную болезнь, спасая даже на пороге смерти, ценилось слишком высоко.

Хотя непонятно, почему умение читать мысли считается меньшим даром, чем умение читать тело или судьбу. Ну, вот совсем непонятно. Как, собственно, непонятна воля, что иногда позволяет исцелять смертельные раны, а иногда не дает заживить ссадину на колене.

Ложка заскребла по дну опустевшей чашки.

Недостижимая мечта о свободе вновь напомнила о себе. Никогда он не наберет достаточной суммы, чтобы выкупить себя у Храма. Разве что к старости. С другой стороны, у него вообще есть возможность выкупа, нечего плакаться. Родился б пророком, сказал он себе, посмотрел бы я на тебя.

— Эй, но-Тьен! — на ступенях центрального входа призывно махал рукой ассистент

хирурга Бака. — Тебя мастер ищет!

Эрех поставил чашку из-под каши на прилавок и понесся на зов.

Доктор Бак ждал его не в ординаторской, а внизу, в маленькой анатомичке при госпитальном морге, куда обычно свозили на вскрытие особо важных покойников. На столе лежало подготовленное для аутопсии тело, накрытое простыней. Чистой, машинально отметил Эрех, почтительно склоняясь перед доктором и усатым полковником. Тем самым, который был тогда, в доме тула Ойзо.

По спине вдруг пробежал неприятный холодок тревожного предчувствия.

— Доброе утро, целитель, — поприветствовал его хирург.

Эрех поклонился еще ниже, надеясь, что ощущение тревоги не отражается на лице.

— Сегодня я вновь попрошу тебя оказать мне небольшую помощь, мальчик мой, — голос Бака звучал доверительно, ещё двое суток назад его выпренная манера говорить заставила бы Эреха умереть от счастья. Но разделанный труп магистратского сына мешал чувствовать что-то иное, кроме тихой паники. — Я знаю, что ты умеешь хранить секреты, и думаю, мы можем тебе довериться.

Мы? Эрех распрямылся и поймал выражение лица военного. Недовольное выражение. Такое же было у стоявшего за его спиной молодого парня в лейтенантской форме. Адъютант, что ли?

— Мы — это я и полковник Делко, которого ты тут видишь, — доктор Бак проигнорировал начальственное недовольство. — Полковник попросил меня определить причину смерти одного человека, а для проведения аутопсии, как ты знаешь, нужен ассистент. И я взял на себя смелость попросить тебя занять это место.

Что?!

— Почту за величайшую честь, — невероятным усилием удавив в себе желание сбежать от этой самой чести, ответил Эрех и снова поклонился.

— Тогда начнем, — Бак посторонился. — Халат и фартук можешь взять вон там.

Эрех машинально кивнул, потом, спохватившись, подбежал к вешалке и стал натягивать на себя длинный белый балахон, а сверху специальный фартук из прорезиненной ткани. Все это время он чувствовал, как полковник Делко наблюдал за ним, не скрывая недоверия. Странно, ведь видел он его всего-то второй раз. Астинэ ему не нравятся, что ли?

Кое-как управившись с фартуком и тревогой, целитель подошел к столу. На столе лежало тело мужчины лет пятидесяти, судя по внешности, чистокровного тилейца. Типичное сложение, характерное для представителей этого народа. Они все такие: высокие, худые, с длинными конечностями и сухим рельефом мышц. Глаза были закрыты, но Эрех мог поспорить, что радужка неприятного белесо-голубого цвета. Почти белые глаза, иссиня-черные волосы и бледная кожа, национальное сочетание, как у мастера Рейке, например. Как у других потомков народа тагов, тысячу лет назад пришедшего в Белую Империю с берегов Черной реки.

— Ну, полковник, что вы можете рассказать нам о покойном? — благодушно поинтересовался доктор Бак, внимательно осматривая тело. — А вы, молодой человек...

— Лейтенант Сола, мастер доктор! — адъютант подскочил, поклонился.

— Да-да, лейтенант, записывайте все, что мы будем говорить. Потом отдадите целителю Тьену, он ваши записи приведет в удобоваримый с точки зрения медицины вид. Простите, что прервал вас, полковник...

— Ничего страшного, доктор. Перед вами тело судьи Исы Карре из Лаальского

городского уезда. Пятьдесят три года, не женат. Был не женат. Тело обнаружили вчера, в лесу...

Доктор Бак его перебил:

— А почему так поздно привезли?

— Так пока его нашли, пока сообщили нам, — Делко потер лицо. — Пока мы доехали, пока вернулись... Там только кажется, что расстояние небольшое, но со всеми с этими делами — уже и ночь прошла.

Доктор кивнул, внимательно заглядывая покойнику в ротовую полость.

— Понятно. Ну, что ж... Значит, что мы тут видим... тело принадлежит мужчине, возраст около пятидесяти лет или старше, рост около пяти с половиной локтей роста в золотой системе мер, вес...

Эрех внимательно смотрел и слушал. Лейтенант скрипел металлическим пером по бумаге. Полковник Делко сопел.

— Эрех, убери эту простыню. Так, так... Если судить по гибкости членов, умер в прошлую ночь, трупное окоченение уже практически не выражено... С учетом массы тела, соответствует нормальному усредненному времени. То есть, могу сказать, что умер он в промежуток от Черного часа и до часа Черной Чайки, не более.

— Середина ночи? — уточнил Делко.

— Да, середина ночи.

— Следов насилия или сопротивления на теле нет, за исключением трех ножевых порезов. Эрех, мальчик мой, дай мне линейку и скальпель. И посмотри сюда. Тебе должно быть любопытно — нехарактерные какие ранения, даже не предположу сразу, чем их нанесли.

Эрех с поклоном передал требуемое, потом подошел, нагнулся над телом и застыл.

— Итак, у нас три разреза, по восходящей. Бедренная артерия, правая подмышечная впадина, левая сторона шеи, от дуги аорты. Зигзагообразное направление удара снизу вверх. Лезвие было очень острым, сейчас я замерю длину и глубину ран, и тогда можно будет что-то предположить. И мне понадобится спица для замера.

Эрех судорожно выдохнул сквозь сжатые зубы и приказал себе прекратить так пялиться на разрез в паху у мертвого судьи. Что он, спрашивается, там не видел? Как режет севрасский коготь?!

Ему внезапно стало очень страшно. Вспомнилась ночь, когда он шел из Товайхо через лес.

Рядом с ним кто-то остановился, и он вздрогнул. Полковнику Делко надоело стоять у стены, и он подошел поглядеть на рану. И резко помрачнел. Более того, на какой-то миг Эреху показалось, что лицо его было ошарашенным.

— Что с вами, полковник? — от доктора Бака, казалось бы, целиком занятого прикладыванием линейки к ранам, выражение полковничьего лица тоже не ускользнуло.

— Что? Эээ... Да ничего, просто я узнал оружие. Это севрасский кинжал, доктор знаете, такой, изогнутый, как кошачий коготь...

— Севрассэ?! То есть, вы хотите сказать, что его убил наемник? Судью? Да что же это творится! Ай-яй!

Эрех был целиком согласен с мастером хирургом. Действительно, что же это творится-то? Может, мастер Рейке знает? Он вдруг понял, как ему не хватает рядом зоркого взгляда сыщика и его умения делать выводы.

— Не знаю, мастер, не знаю, — сокрушенно покачал головой военный. — Давайте продолжим, заодно, может, вы мне что новое скажете.

— Разумеется! — доктор Бак взял скальпель и уверенным движением рассек кожу на груди.

Эреху это уже было не интересно. Вполуха слушая пояснения доктора, он внимательно осматривал судейский труп. Да, те самые три разреза по восходящей, сделанные одной рукой. Можно, конечно, предположить, что убийца — правша, но мастер Рейке сказал, что кинжалы используют в паре и бить кот ими может что правой рукой, что левой, без разницы. Но предпочитает удар правой. Почему?

Кроме того, на лице и теле Исы Карре не было синяков и ссадин, его никто не бил, как тула Ойзо. Целитель еще раз осмотрел тело, уделяя пристальное внимание тем местам, где обычно остаются травмы при драке. Ничего. Обычный цвет кожи двухдневного покойника на стадии раскоченения. Старый хирургический шрам от аппендицита. Эрех, притворившись, что проверяет инструмент, обошел стол. Запястья и кисти рук чистые, без синяков, ногти не поломаны, только правая сжата в кулак и...

Стоп. В кулак?

Он метнул быстрый взгляд на доктора. Тот закончил резать мягкие ткани и как раз освобождал от них грудную клетку. Скоро костные ножницы попросит, ребра перекусывать. Надо спешить. Благо окоченение действительно прошло.

Эрех для видимости посуетился у стола с инструментами, отложив все нужное для выламывания грудины, и, пользуясь тем, что внимание аудитории приковано к процессу вскрытия, разжал кулак. На ладони, между указательным и большим пальцем чернел глубокий, успевший слегка поджечь, укус. Словно кто-то впился зубами в зажимавшую рот руку. Эрех вспомнил объяснение сыщика о происхождении синяков на теле магистратского сынка и его передернуло. И тут? Он аккуратно вернул пальцы в прежнее положение и вдруг заметил, как между ними что-то блеснуло.

— Костные ножницы, — распорядился доктор, откладывая скальпель. — Иди сюда, мальчик мой. Будешь кожу оттягивать.

Эрех кивнул и украдкой сунул в карман прядь волос. Длинных тонких, выбеленных по севрасский традиции. Когда он будет переписывать документы об аутопсии для полковника Делко, надо сделать еще копию, более подробную. Для мастера Рейке.

— Я не понимаю, чем вы тут занимаетесь, — голос Фелиса Бо был подобен шипению змеи.

Теон Делко тоскливым взглядом смотрел на документы о вскрытии судьи Карре, которые ему только что принес Правая. Когда он вернулся, в кабинете его уже ждали. Магистрат Ойзо — совсем не давешний старик на грани сердечного приступа, а молчаливый и неприступный владетель улиц Альмейры — явился с вопросами. И главу первого отдела Департамента Короны с собой прихватил. Эрл Ойзо был очень недоволен тем, что, спустя два дня после исчезновения его сына, никаких следов еще не найдено. И версий о том, где искать, тоже нет.

— Мне бы хотелось узнать, полковник, что вы предприняли, чтобы разрешить возникшую ситуацию, — глава Бо был раздражен, но говорил ровно, голоса не повышая.

Он всегда говорил ровно, с одинаковой монотонной интонацией: что с задержанными кровавыми убийцами, что с рыдающими родственниками жертв. Его нельзя было вывести из

себя, подкупить, на него невозможно надавить и запугать. Последнее раздражало Теона Делко просто невероятно.

— Мне кажется полковник, — Бо продолжал говорить, не давая и слова вставить, — что вы неверно понимаете особенностей переданного вам дела. Считая себя единственным, кому подведомственно его расследовать, вы необоснованно верите, что освобождены от контроля и надзора...

Даже фразы он строит, словно протокол пишет. Лишенная эмоций, сложная официальная речь без малейшего следа эфесского говора. Если не смотреть, можно подумать, что чистокровный аст вещает.

Делко стоял, склонив голову и тупо смотрел на титульный лист отчета. И думал, что надо будет сходить в чей-нибудь храм, в любой, в ближайший, и воскурить там благовоний подороже. За то, что история с судьей Карре сразу попала сюда, в этот кабинет, а не промелькнула крылом мимо вездесущего взора Фелиса Бо. За то, что судья ушел в отпуск за три дня до смерти и собирался отбыть на воды. За то, что нашедший труп бродяга будет молчать.

Но только не за тело этого самого судьи, голое, брошенное посреди дороги на Товайхо. От этого хотелось не в храм, хотелось заорать и шарахнуть об стену чем-нибудь тяжелым. Стулом вон, что ли.

— Мне нужно, чтобы вы уяснили, полковник, — а глава Бо все не унимался. — С сегодняшнего дня я лично буду наблюдать за ходом расследования. Все отчеты, планы, версии и предположения вы будете отправлять мне. И не надо думать, что ваши армейские погоны способны меня остановить или как-то прикрыть ваш зад. Не способны. Единственное, что я не могу — это забрать у вас дело без соизволения Его Величества. Не будьте уверены, если через сутки я не увижу прогресса в ваших действиях, я лично схожу во дворец. Вы меня поняли? Полковник?

— Так точно, глава Бо! — в последний момент Делко сцепил зубы и щелкнул каблуками.

Срывать на главу Бо ни в коем случае нельзя. Потому что он и вправду сходит. Фелис Бо был ищейкой, псом трона на королевском поводе, а единственная сила, способная остановить ищейку — божественная воля Псоглавца. В таких условиях на гордость можно и наплевать. Душа дороже.

— Я низжайше прошу прощения за возникшую заминку в этом деле, — он низко поклонился, практически коснувшись лбом столешницы. — Я заверяю вас, магистр Ойзо, и вас, глава Бо, что эта задержка более не продлится. Я и мои люди предпринимаем все возможные меры по поиску вашего сына. Еще раз приношу вам мои глубочайшие соболезнования в связи с несчастьем.

Чтоб твоего ублюдка шуки в пруду драли.

— Спасибо, Теон, — проскрипел магистрат и это были его первые слова за все время, что он тут провел. — Но я бы хотел вот что вам сказать... если мой сын не будет найден, я сам обращусь к Его Величеству.

И, пока Теон Делко хватал ртом воздух, развернулся и вышел. За ним ядовитой змеей скользнул прочь Фелис Бо.

Полковник мысленно досчитал до ста, потом схватил со стола тяжелый пресс для бумаги и с протяжным удовольствием шарахнул им в стену. Следом полетели новая чернильница и новый стакан для воды.

— Проклятые твари! — зарычал он, примериваясь, чем бы еще выразить свое недовольство.

Дверь приоткрылась, внутрь просочились Правая и Левая, а вслед за ними штабс-капитан Баккари, посланный с проверкой в дом судьи. Обогнул замерших лейтенантов и склонился в глубоком поклоне.

— Ну, что там? — устало спросил Делко, опускаясь на стул.

— Ничего, мой полковник, — развел руками Баккари. Руки у него были короткие, так что выглядел жест потешно. — Он уехал два ночи назад, практически в Черный час. Взял наемную коляску у Северных ворот, лошадь вернулась утром. Одна. Дежурный из патруля его вспомнил, судья был последним, кто покидал столицу.

— В ту ночь, когда был сильный дождь? — уточнил Делко.

— В ту самую, мой полковник.

— И какого его туда понесло, сукина сына, он, естественно, никому не удосужился рассказать! — это был не вопрос, это была констатация факта.

— Нет, мой полковник. Однако его управляющий сказал, что весь день, накануне, Карре был очень раздражен и все время срывался на окружающих. Вы не находите такое поведение странным? Особенно для человека, который собирался уехать отдыхать?

Полковник пожевал губами, еще раз долгим взглядом посмотрел на так и не прочитанный отчет. Навалилось все сразу, будто проклял кто.

— Я не знаю, Вадэ, — устало ответил он. — Ни малейшего представления. Я, знаешь ли, мало общаюсь с судейскими... да и не до того мне сейчас.

Штабс-капитан понятиво склонился в поклоне. Правая и Левая, стоявшие у стены, привычно переминались с ноги на ногу.

— Ты же слышал, я так понимаю? — Делко кивнул в сторону двери, намекая на разговор, вернее, монолог главы Бо в присутствии магистрата. — Если мы до завтра не найдем этого ублюдка...

— Я думаю, мы его не найдем, мой полковник, — Баккари не разогнулся, продолжал, глядя в пол и сияя проплешиной на макушке. — Если мне будет позволено предположить, тело тула Ойзо давно лежит на дне озера. Иначе он бы уже всплыл. И, раз у нас совершенно нет выхода, можно прорубить его самим.

Делко оторвался от созерцания столешницы и заинтересованно поднял голову.

Вадэ Баккари был очень плохим воякой, его ценность была в другом. Он умел решать проблемы.

— Эй, красавица, вставай, — Эреха толкнули в бок и он, не удержавшись, стукнулся головой о косяк двери.

Зато проснулся, вскинулся и удивленно заморгал, пытаясь сообразить, где находится. Увидел стоящего над ним сыщика с плетеной корзинкой в руках и сообразил. Он принес отчет, а дома никого не оказалось. Потому он присел на порог, подождать. И уснул.

— У меня для вас новости, — укоризненно сказал но-Тьен, — я пришел, а вас нет. Вы куда-то ходили?

— Ходил, — кивнул Рейке, отпирая замок. — В бордель.

Эрех почувствовал, как жаркая волна опалила щеки.

— 3-зачем?

— А ты как думаешь? — Йон ослабился. — Зачем, по-твоему, сыщик может ходить в

бордель, э? Заодно по дороге еды прихватил. А то с таким работодателем, как ты, я, того и гляди, протяну ноги от голода. Чего расселся? Заходи давай, есть будем.

Эрех спохватился и, разувшись, зашел в дом. Не удержавшись, огляделся с любопытством.

Он по-всякому представлял себе обителище сыщика, поэтому реальность оказалась разочаровывающей. Скучно обставленная комната, хирургическая чистота, ни пылинки, полы сияют, словно их только что натерли. Кухни нет, лишь две двери, одна, видимо, в туалетную комнату, а вторая — в кладовую.

— Какие у тебя новости? — Рейке плюхнул на стол корзинку, двухъярусную тростниковую плетенку, в которой торговцы готовой едой продавали сразу несколько блюд. Четверть ляна за обед и ужин на одного.

Эрех пощупал за пазухой копию отчета.

— Сначала давайте вы. Или меняться. А то мне же тоже интересно, — пискнул он.

— Э-э, надо же, интересно ему, — покачал головой сыщик. — Кстати, док, а чего ты мне про свой возраст наврал-то? У тебя вон, голос ломается.

— Он не ломается, — мрачно, но баритоном, буркнул Эрех. — Так случается, когда я волнуюсь. Очень невежливо над этим смеяться.

— А я и не смеюсь, — ответил Рейке и заржал.

Эрех надулся.

— Ладно, извини, мелкий, — махнул рукой сыщик, вытащил из кармана и бросил на стол пухлую пачку писем, перевязанную шелковой ленточкой. — Я тут ходил узнавать, откуда у нашего покойника — ой, прости, у твоего покойника — в доме была разнообразная любовная переписка. Ну, помнишь, подозрение на шантаж? Так вот, и вправду — шантаж. Почитать хочешь?

— Шантаж? Подождите, то есть сын столичного магистрата... — Эрех не закончил фразы, подавившись ее окончанием и самим смыслом.

— Шантажист, — Рейке кивнул, подтверждая. — Обработывал богатых замужних дамочек. Причем не один, а с приятелем. Приятель подкатывал с романтическими устремлениями, стихи, цветы, ручки целовать, потом вывозил дамочку куда-нибудь на природу, в кусты погуще, и там, так сказать, снимал замок с брачной клятвы. После чего приятель исчезал, а будущий кошелек получала отпечатки с интересными ракурсами и копии своих романтических писуллек. И начинала платить. Сам понимаешь, что бывает за супружескую измену. Не вторая эпоха, конечно, но тоже дорого обходится, причем в самом что ни на есть материальном смысле. Можешь поглядеть письма. Эти дурочки не просто мужьям изменяли, а умудрялись все подробности переживаний изливать на бумагу.

Эрех потянулся за письмами, взял пачку в руки, повертел и положил обратно. Ощущение было мерзкое.

— К счастью, нет такой тайны, которую не способна выведать хорошая девочка в приличном борделе. Клиенты вечно треплются, как белье на ветру. А у тебя что?

Эрех еще раз поглядел на письма, потом вытащил отчет и положил его на стол.

— Вот. Я сегодня во вскрытии участвовал, — пояснил он. — Сделал для вас копию, с уточнениями. Посмотрите.

Рейке углубился в чтение, а Эрех, не желая даже стоять рядом с гадостью, отошел в сторону, рассматривая комнату. Жилье одинокого человека. Чисто, аккуратно, пусто. Над письменным столом прикреплена умело выписанная акварель — маленький каменный

домик на зеленом холме, в окружении цветущих деревьев, за домиком море сливается по цвету с небом. Явный пейзаж юга, ближе к Алессо. Единственное украшение этого жилища. Рядом со столом домашний алтарь, на котором нет ни одного из богов. Только картинка в рамке.

Эрех подошел поближе и оторопел.

С черно-белого отпечатка на него смотрели Йон Рейке, молодой, много моложе себя теперешнего, и девушка, которую он держал за руку. Белокурые волосы казались особенно светлыми, темнела сложная вышивка на национальном свадебном наряде. Будучи астинэ, Эрех был обязан уметь определять семью по таким признакам как орнамент и прическа. Кто-то из Фоссов, деталей не разглядеть. Юные, счастливые. Невеста смотрела прямо и красивое лицо светилось от счастья, улыбался и мастер Йон. Не насмешливо, не собачьим оскалом, а мягкой улыбкой счастливого человека.

Перед портретом стояла курильница и лежали два супружеских браслета, один в другом, перевязанные белой траурной ленточкой. Меньший потемнел в плетениях тонкой вязи. Эрех знал, что оставляет такие следы. Запекшаяся кровь.

— Значит, три разреза зигзагом по восходящей? — раздался задумчивый голос, и он вздрогнул, обернулся.

Сыщик держал в руках отчет и смотрел на Эреха, прямо и внимательно. На его лице не было злости, но задавать вопросы целитель не решился. Мешало ощущение, что сейчас он увидел что-то настолько сокровенное, что даже намек на это причинит сидящему у стола человеку сильную боль.

— Совершенно идентичные тем, на теле тула Ойзо, — кивнул в ответ, вернулся к столу. — Слева, направо, налево. Сделаны правой или тем, кто владеет правой рукой так же, как левой.

— И нашли его на дороге к Товайхо, — сыщик задумчиво пролистал отчет обратно. — Ты откуда знаешь?

— Там были первичные протоколы и мне дали их посмотреть. Ну, я и переписал для вас все относящееся к делу. Нашли голого, в одних подштанниках, следы крови только на теле.

— Значит, перенесли.

— Похоже на то.

— Так же, как и покойного Ойзо.

— Похоже на то.

— Интересно, — Рейке задумчиво поглядел в текст, потом встал.

Аккуратно закрыл отчет, положил на край стола бумажную папку. Снял одну корзинку с другой, принес чашки для еды. Даже они указывали на то, что в доме обитает не просто закоренелый холостяк, а очень одинокий человек. Одна — металлическая армейская из походного набора, у Эреха во время его карьеры военного целителя Боятской кампании тоже такая была. Вторая — фаянсовая, в кувшинках, со щербатым краем и трещинкой.

— Это интересно, — повторил сыщик, снимая крышки с корзинок и раскладывая по чашкам ячменную кашу с тыквой и рубленую жареную курицу в соусе. — Если мы с тобой раньше предполагали, что имеем дело с единичным актом, возможно, связанным с насилием над девушкой, то теперь картина-то совершенно другая. И даже шантаж может не иметь ко этому всему отношения. Потому что я просто не представляю, что может связывать уважаемого судью городского уезда с сыном магистрата, который чуть больше года назад вернулся в Альмейру. А ты? Чего не ешь? Бери ложку и жуй, я на двоих покупал.

Эрех послушно принялся за еду. Некоторое время они молча ели, он медленно, мастер Рейке — целеустремленно и сосредоточенно. Потом Эрех решил.

— Я там кое-что не записал. Я... Я ему руку осматривал и нашел на тыльной стороне ладони укус, а между пальцами были волосы, — он сунул руку в карман и выложил на столешницу бумажный конвертик.

Рейке, не переставая жевать, вытряхнул на стол прядь длинных серебристых волос. Излишней брезгливостью сыщик явно не страдал.

— Еще одно подтверждение севрасского следа, — сделал он тот же вывод, что и Эрех ранее. — А что с укусом?

— Вот тут, — Эрех показал на своей ладони. — Отчетливый и очень глубокий. Старый, не в день смерти. Вы же понимаете, что это значит?

— Понимаю, — Рейке кивнул, помрачнев. — Вот тебе и связь — еще один любитель насиловать, э? Если я не ошибаюсь, судья был не женат, ни в каком виде. Работал много, понимаешь ли. И чей укус? Мужской, женский? Только не говори мне, что ты не замерил, док, ни в жизнь не поверю. С твоей-то дотошностью до анатомии и вскрытий.

— Замерил, — Эрех опустил голову, глядя в стол, машинально отметил длинную занозу на гладкой древесине. И сучок с краю. — Вы правы.

— Ну? — поторопил его Рейке.

Эрех поднял голову, посмотрел сыщику в глаза. Говорить было противно.

— Он маленький. Узкая челюсть, мелкие зубы.

И увидел, как и без того очень светлые глаза человека, сидящего напротив, побелели от внезапной догадки.

— Это детский укус, мастер. Жертвами были дети.

Глава 5. Время чудес

Коляска тряслась на камнях, послушно трюхала серая лошадка. Йон держал поводья, рядом скукожился погрузневший док.

Проклятое средство передвижения обошлось аж в пять с половиной лян за ночь. Деньги Рейке, скрипя зубами, выгреб из собственного кармана, поскольку в кармане мелкого осталось только чтобы не протянуть с голоду ноги. А что поделать, если обоих покойников объединяла, помимо склонности к извращениям, привычка брать наемные коляски у Северных ворот.

Они действительно арендовали их в одной и той же конторе. Не опасайся Йон поминать Рукокрылую даже мысленно, то сказал бы, что лично Судьба постаралась. Владелец вспомнил и привлекательного юношу в университетском мундире, и степенного мужчину в дорогом костюме. Оба стали навещать к нему примерно полторы луны назад, коляски брали на ночь. Последний раз непосредственно перед тем как они сдохли.

Туда мразям и дорога. И перерождения им с полным искуплением, безногими, слепоглухонемыми идиотами.

За всю жизнь, проведенную в криминальном мире Альмеррайда, Йон повидал многое. Такое, о чем и вспоминать-то было противно, не то, что рассказывать. Но вот любители детей ему встречались всего-то трижды. Первый раз был когда Йону едва исполнилось семнадцать и следствие вел не он, а его наставник. Потому от дела в памяти сохранилось только ощущение непередаваемого омерзения. Маленький щуплый человечек, эфесский купец, признавался безо всякого принуждения. Рыдал, размазывая сопли, и пытался оправдать свои действия, покупку пятилетнего мальчика, тем, что собирался его любить. Мол, ребенку лучше с ним, чем в трущобах. Приговор в исполнение в тот раз приводили чтецы. Развращение детей — преступление храмовое, не светское, оно карается по закону Матери и Отца, а те не страдают ни недостатком воображения, ни излишками сочувствия.

Во втором случае Йон разбирался уже сам, лет через пять. Тот раз тоже стал первым — первым, когда он лично ходатайствовал о справедливости. В подвале, посреди столицы, сотрудники магистрата вынимали из земли восемь полуразложившихся детских тел со следами зверских пыток, и он не смог удержаться. Тело выставили на площади в Алессо, а сам Рейке потом долго пытался понять, от чего его мутит больше — от собственноручно исполненной высшей меры наказания или от того звериного, лишенного пределов и границ, что таилось за внешностью обычного человека.

Третье дело пришлось на Асталот, бывшую столицу старой Империи, где можно найти все, были бы деньги. Дом вдовы Рино, например, предлагал детей, любых и для любых нужд. Йон, помнится, полдюжины дней безвылазно разбирал клиентскую документацию, то и дело поглядывая на закованную в колодки старушку, более напоминавшую одуванчик, чем кровавую тварь. В тот раз ему не хотелось наказывать — хотелось рвать руками, наживую сдирая кожу. Ворованные младенцы для игры «в хирурга» для богатой супружеской пары. Мальчики не старше семи лет для шестидесятилетнего ростовщика, поставки продолжались более трех лет. Десятилетняя астийская девочка для второго помощника магистрата, которую тот изнасиловал и убил. Комнаты с детьми, куда допускались постоянные клиенты. Любые безумные желания. Никаких ограничений.

Помощника Йона, помогавшего разбирать архив, в итоге увезли в смирительной рубашке увезли после попытки удавить обвиняемую. Рейке таскал вдову за собой, чтобы жаждущие возмездия жители города не растерзали ее раньше, чем она сольет ему клиентскую сеть. Он помнил череду ночных арестов, когда всех, кто был связан с этим делом, и клиентов, и посредников, вытаскивали из постелей и волокли в городскую тюрьму, посаженную требующим правосудия людьми. Помнил массовую казнь, когда впервые за более чем сто лет к справедливости воззвал сам Верховный настоятель Храма Псоглавца. Публично, на главной площади, на глазах всего города. И особенно отчетливо Йон помнил, как в мертвой тишине собранные со всех уголков страны ищейки, один за одним, приводили в исполнение не подлежащие обжалованию приговоры. Высшая справедливость, непонятная непосвященному разуму, два ряда мужчин в серой форме и вздетые к Небу руки старика в золотой маске собаки. И абсолютная, окончательная смерть тех, кто посчитал, что их не касаются божественные запреты и земные законы.

Потому сейчас он думал, что, вполне возможно, история решила повториться. Слишком многое указывало на это. Множество поездок за пару нан от города двух незнакомых между собой людей. Способ, которым их убили. То, что судьбе и сыну магистрата совершенно нечего было делать в деревне. И даже то, что о покойном Карре никто ничего плохого не говорил, а вот про Читела Ойзо они не узнали ничего хорошего.

— Эй, мелкий! — Йон выдернул Эреха из унылого состояния.

— А?

— Не нюнь.

— Чего?

— Сопли подбери. И ответь мне на один вопрос.

На дока сыщик не смотрел, но ощутил, как тот занервничал. И ожидаемо пискнул:

— Какой?

— Объясни-ка мне, чего ты забыл тут, среди ночи? — Рейке обвел рукой окружающий их пейзаж: серые кипарисовые стволы, теряющиеся в чернеющем небе, мягкий ковер из опавших иголок, темнота, тишина, угрюмая жуть, особенно для трясущегося зайцем дока, который размером с того же зайца.

— Аааа...

— И не юли, — строго добавил Йон, подумал, и применил запрещенный прием. — Если мы с тобой в этом деле напарники, то вранья между нами быть не должно. Согласен?

Наивный младенец тяжело вздохнул и уши повесил. Посопел, собрался с силами, потом что-то пробормотал себе под нос.

— Э? — расслышать жалкий писк Рейке не смог бы при всем желании.

— Я... это...

— Смелее, док!

— Я... — он даже зажмурился и Йон слегка забеспокоился. Чем он там занимается, по ночам, в женские бани подглядывает?

— Я... Я — штопальщик!

В лесу воцарилась ошеломленная тишина.

— Ты?! — Рейке удивленно заморгал, а потом расхохотался.

Глаза у мелкого стали круглые-круглые, а лицо обиженное-обиженное.

— Чего смешного-то? — буркнул он нормальным голосом. — Работаю на Красное братство, почти год. Эй! Хватит смеяться! Это, между прочим, невежливо!

Йон закивал и согнулся от нового приступа хохота. Очень уж не вязался похожий на девичий колокольчик но-Тьен с рискованной деятельностью бандитских лекарей.

— Почему так далеко? — отсмеявшись, задал он первый пришедший в голову вопрос.

— А кто меня поближе взял бы... — по-взрослому ответил док и вздохнул.

И то верно. Кому нужен ушастый целитель сопливого возраста, когда половина столичных преступников пользуется услугами подпольных кабинетов при госпиталях, оборудованных по последнему слову науки, причем принимающие там личности — бандиты почище собственных клиентов. Штопальщики или, по-другому, черные лекари, крайне денежный бизнес с жесткой конкуренцией.

— Меня знакомый пристроил, у него брат состоит в банде мастера Юхея. Он выкупился в прошлом году и на свое место предложил меня, — признался Эрех. — А что? В Товайхо спокойно, братство контролирует эту часть тракта да сопутствующую коммерцию — гостиничные дворы, игорные домики, придорожные лавки. По-серьезному режут редко, меня обычно для такого специально вызывают, да еще раз в неделю хожу на прием, для всех. Вот и в ту ночь... Зато платят неплохо.

— А по тебе и не скажешь, что вообще платят, — сказал Йон, намекая на протертые локти старой тужурки и перелицованные брюки.

— Так я ж эти деньги откладываю! — возмутился мелкий. — Я коплю на выкуп! И на то, чтобы вернуться на учебу в Университет. Мне вообще повезло, что Храм меня в Чистое Сердце продал.

— И много уже накопил?

— Примерно седьмую часть, — хлюпнув носом, признался Эрех, и оглушительно чихнул.

Йон щелкнул поводьями, подгоняя лошадь, и прикинул. Средние расценки целительских услуг он знал. Лаальский уезд не был глушью, а Красное братство не страдало от нищеты, и вряд ли платили они своему целителю мелочь. Странно это. Обычно выкупная стоимость устанавливалась Храмами, исходя из ценности и мощи дара, а также количества посвященных. Потому самые низкие цены у Матери и Отца, а у Псоглавца и Судьбы выкупа вообще не предусмотрено. Их одаренные бесценны, в том смысле, что их прямо из Храмов выносят в погребальной урне. Иного не дано.

И вдруг — всего седьмая часть от суммы. И не скажешь, что этот сопливый щенок дорого стоит или у него есть какие-то особые целительские способности!

— А почему в Храме так много за тебя хотят, э?

Мелкий снова засопел. Йон уже подумал, что не ответит, когда пацан неохотно признался:

— Я человека исцелил. В Боятской кампании, генерала но-Ферра. Ему взрывом ног оторвало, и я ее того... прирастил.

Если бы в этот момент с ясного неба грянул гром, и в блеске молний явился сам Отец-Небо, Йон бы и то меньше удивился.

— Это было всего один раз, — торопливо пояснил мелкий, заглянув ему в лицо. — И то, случайно. Я очень испугался, что он умрет, там было столько крови, вокруг все взрывается, трясется, земля с небес сыпется, пираты взяли первую линию обороны... Если с генералом что-то случится, то нам конец. Ну и... Но мне еще шестнадцати не было, так что не надо смеяться! Мне даже повезло, можно сказать... Храм тут же меня с островов вытащил.

И цену выкупную взвинтил, конечно же. Вместе с личной стоимостью найма целителя

но-Тьена. Воистину повезло. Меньше всего Йону хотелось посмеяться с этой историей.

— Да уж, — справившись с эмоциями, пробормотал он, покосился на мальчишку. Похолодало и тот приподнял воротник тужурки, сделавшись еще больше похожим зайца. Тощего, несчастного и забитого. И точно не похожим на святого. — Да уж.

Рейке прищелкнул поводьями. Что еще сказать, он не знал, потому решил сменить тему на более насущную.

— Ты мне вот что скажи — как у тебя в братстве связи, за год, наладились? Если поспрашивать про судью, расскажут?

— А зачем расспрашивать? — как он и ожидал, парнишка тут же переключился, голос окреп.

— Ты карту уездов помнишь? Куда входят Мимири и Товайхо? — док похлопал глазами, потом, сообразив, встрепенулся и хлопнул себя по лбу. — Верно, в Лаальский городской уезд. Если в лесу по дороге на Товайхо вдруг оказываются два голых тела, оба из которых любили скататься ночью в Мимири, а второе при жизни еще и принадлежало судье Лаальского уезда, кого лучше спрашивать про темные делишки судьи, э? Дошло? То-то же. Поработаешь со мной еще немного и станешь мыслить, как нормальный человек. Так что там у тебя с мастером Юхеем?

— Ну, выгнать-то он меня точно не выгонит, — философски заметил Эрех. — Где он найдет себе второго целителя, готового за такие деньги раз в неделю пешком таскаться из столицы в деревню?

— Согласен, — кивнул Йон и еще раз щелкнул поводьями.

Лес закончился. Кипарисовые стволы расступились, выпуская дорогу из серых стен на волю и на высокий бугор, с которого открывался широкий вид на окончательно погрузившуюся в сумерки долину. Будь сейчас утро, Йон с доком увидели бы и Красное озеро у горизонта, и густую зелень, окружавшую Лаальский тракт. Но стояла ночь и в темноте одна лишь Мимири сияла редкими огнями, да чуть дальше светились золотистые точки деревушки Товайхо, а совсем вдаль, на горизонте, ярче и гуще, уездный центр Лааль. Чуть правее, под скалой, в окружении костров, раскинулись цветные шатры и расписные кибитки.

— Эт-то что такое? — изумленно спросил Йон, ткнув в них.

Док привстал, вглядываясь. Перед входом на импровизированную площадь кто-то установил импровизированные ворота с натянутым полотнищем, но надписи в темноте было не разобрать. На освещенной территории сновали толпы нарядных людей, а перед всем этим теснились, привязанные к ограждению соседнего поля, верховые лошади, телеги, повозки и такие же, как у них, наемные коляски, прибывшие из столицы.

— Я знаю! — целитель прищелкнул пальцами, резко развернулся, едва не свалившись на землю. — Я вспомнил! Той ночью, когда я нашел ваше объявление, там были афиши! Сейчас, как же это...а! Павильоны диковин и чудес мастера Тулли!

Йон, не отрываясь, смотрел вниз. Павильоны чудес, значит. Ну, что же. Кажется, вот оно, начало конца.

Дерни за веревочку, мастер, дерни. Тайна и раскроется.

Обширное пространство шатров и кибиток производило ошеломляющее впечатление. Городок в городке, улочки, площади, домики, все не настоящее, искусственное, яркое, бросающееся в глаза. Флажки, фонари, костры в огромных жестяных курильнях, лотки, на

которых продают жареные лепешки, яблочки в карамели и мелкую рыбу во фритюре. Разноцветные щиты с афишами, разодетые толпы гуляющих и раскрашенные лица актеров, а перед всем этим — гигантское полотно с надписью. Павильоны диковин и чудес мастера Тулли.

Коляску они пристроили в общем ряду, но так, чтобы в нее можно было без помех запрыгнуть и уехать.

— И запомни! — мастер Рейке прихватил Эреха за плечо. — Мы с тобой репортеры «Эха Альмейры», приехали поглядеть, о чем бы написать в нашу газету. Это чтобы не возникало сомнений, что тут делают два явно не состоящих в родстве мужика и почему они задают вопросы. Я — главный, ты — стажер. Усек, э?

Эрех кивнул.

— Смотри в оба, на рожон не лезь. Я думаю, что убийца отсюда. Севрассец в национальном костюме может затеряться только в двух местах: в воровском притоне и в цирке. Потому будь осторожен и помни, ему тебя зарезать проще, чем руки вымыть.

После чего бросил его стоять посреди толпы и растворился в темноте. Эрех обреченно вздохнул, нащупал в кармане флакон с перцовой настойкой и решительным шагом уверенного в себе человека направился к шатру, на котором значилось «Женщина-змея». Вход, естественно, был платным, но Эрех внутрь не стремился. Бродячие цирки и павильоны уродцев не были для него чем-то неизведанным. Где-то в промежутке между работой в тюрьме и Боятской кампанией он умудрился пару лун подрабатывать в одном таком. Естественно, в обход храмовой казны.

Он с досадой нахмурился, вспомнив разговор с сыщиком. Эрех не любил рассказывать о себе, потому что люди обычно неправильно реагировали, отчего-то полагая но-Тьена мучеником, храмовым рабом, каковым тот себя отнюдь не считал. Уединение от Страдания, храмовая школа, куда он попал в пятилетнем возрасте, на деле было ему роднее, чем поместье Тьен, которое он навещал строго в празднование смены года. И то, если было время. И с каждым разом семейство становилось ему все более чужим. Они были настоящими астинэ, жили по заветам предков, а он — по воле Наэмы-Целительницы, вложившей в него свою искру. Его домом были бесчисленные храмы, пространство, заполненное воздухом и светом, статуи рогатой Богини в окружении алых свечей, бронзовые курильни на высоких ножках. В храмах ему было спокойно. Именно туда он приходил, когда мир становился слишком недружелюбным. Именно божественного одобрения ждал. Мнение жрецов и их политика его не интересовали. Потому он никогда не считал предательством свое желание выкупиться. Став свободным, он не отступит от принятых обетов. Его обязанность — не дать человеку умереть. Облегчить боль. Исцелить тело. Для этого не нужно быть чьей-то собственностью.

Эрех нырнул в проулок между шатрами. Мастер Рейке полагал, что следы убийцы, а также жертв ведут сюда. Логично. Как-то совершенно не получалась представить обычное семейство из Мимири, которое продает детей извращенцам. А вот цирки часто становятся приютом для преступников. Другое дело, что Эрех вообще не представлял, как совершаются такие сделки, каким образом покупатель и продавец друг друга находят. Потому решил оставить куплю-продажу на откуп сыщика, а сам сосредоточился на убийце. Севрассэ в цирке обнаружить намного проще, тут мастер Рейке абсолютно прав.

Он выбрался на центральные «улицы» и снова огляделся. Павильоны с представлениями были расставлены по периметру, обойти их все, не пропустив не одного, невелика задача.

Эрех потратил мелочь на засахаренные яблоки и побрел вдоль левой стороны.

Первым ему попался шатер с непонятным названием «Девушка одна из двух» с хвостом из длиннющей очереди. Встать в нее целитель не стал, просто походил вокруг, внимательно прислушиваясь к разговорам ожидающих людей. Больше всего обсуждали павильон магии и большое представление, которое обещали начать через час, в главном шатре. Покрутившись еще немного, Эрех убедился, что ничего интересного не услышит и отправился в сторону павильона магии. Настоящие маги, пришедшая раса времен Второго Разлома, полностью исчезли более трех веков назад, а существующая ныне техномагия же не имела к их искусству никакого отношения. Так что посещение павильона разом убивало двух зайцев — можно было проверить сразу множество народа, и полюбопытствовать, что за фокусы здесь называют магией.

До места он не дошел. Отвлёк плач, раздавшийся из-за ящиков в узком проходе между двумя кибитками и полотняной стенкой обиталища какой-то Провидицы Маэ. Эрех, повинувшись больше инстинкту, чем разуму, свернул в темноту и обнаружил источник звука — маленькую, лет семи, девчонку с разрисованным личиком. Она забилась в тень за ящиками и горько плакала, прижимая к себе тряпичную куклу. Слезы размывали краску, изображающую неведомого зверя.

Мысль о том, что сейчас не время, мелькнула и пропала на задворках сознания.

— Привет, — как можно дружелюбнее сказал Эрех, присаживаясь на корточки, — ты чего это тут?

Она не ответила, крепче прижала куклу к себе и тут же замолчала. Видимо, плакать перед чужим человеком ребенку не хотелось.

— Не говоришь с незнакомцами? — догадался целитель. — Правильно делаешь. А давай меняться? Ты мне расскажешь, почему плачешь, а я тебе скажу свое имя и дам вот это.

Он протянул ей палочку с яблоками в карамели, из которых успел сжевать только два.

— Ну как? Идет?

Она снова промолчала, только в упор смотрела на Эреха большими черными глазами из-под длинной русой челки. Пристально и недоверчиво разглядывала его лицо и думала. Потом, видимо решив что-то для себя, переложила куклу в левую руку, а правой приподняла подол длинного платья, доставшегося явно от кого-то постарше. Худую детскую ногу украшала огромная кровоточащая ссадина, от колена до щиколотки, типичный след от удара плеткой.

Эрех мысленно пожелал тому, кто это сделал, всех благ и крепкого здоровья. В следующей жизни. Его спина заныла, вспоминая собственный опыт.

— Ладно, — вслух сказал он. — уговор так уговор. Держи. И, между прочим, я Эрех.

Маленькая грязная лапка выхватила у него яблоки.

— А ты?

Девочка опять не ответила. Он посмотрел на ссадину, выглядывающую из-под ветхой ткани, и подумал, что это, в сущности, пустяки. Немного усилий. В конце концов, если он за деньги держит банкиров, которым вправляют полученные спьяну открытые переломы и лечит бандитов, порезанных в кабацкой драке, помочь одному несчастному ребенку труда не составит.

— Сейчас я тебе покажу фокус, — заговорщицки подмигнул но-Тьен. — Настоящую магию. Ты только не пугайся.

Он встряхнул кистью, расслабляя мышцы, потом накрыл рану, практически прикасаясь

кончиками пальцев к рассеченной коже. Сосредоточился.

— Грабли убрал от моей сестры! — просвистело над головой, крепкая рука ухватила Эреха за ворот и опрокинула на спину.

Над ним, сгорбившись и полыхая яростью, стоял парень примерно его возраста.

Высокий, жилистый, в черном атаи с широким поясом. Бритые виски покрывали вязи татуировок, выбеленные волосы собраны в длинный, до талии, хвост. Севрасский кот собственной персоной. Убийца.

Сердце подскочило к горлу, а потом ухнуло куда-то в область мочевого пузыря и там затерялось. Перед глазами Эреха блеснул и замер, готовясь укусить, изогнутый, как кошачий коготь, нож с кольцом на рукояти. Девочка, имени которой он так и не узнал, испуганная резкими действиями брата, уронила в пыль подаренные яблоки и вновь заплакала.

И тут целитель разозлился. Ярость, которая копилась в нем все это время, ярость на себя, на влиятельных покойников, нарушавших законы, ярость на людей, торгующих детьми и наркотиками, и на этого парня, который, стараясь защитить сестру, наворотил такого, что не передать словами. Ярость на весь мир, в котором плачет ребенок. Потому что, если и было что-то, чего Эрах но-Тьен не выносил, так это когда обижают детей.

Сердце вернулось на место и забилось ровно, будто он был в госпитале.

Правой рукой Эрах перехватил запястье с ножом, а левую поднял, чтобы задравшийся рукав обнажил клеймо — татуированный рисунок в виде цветущей персиковой ветви вокруг запястья, символ Наэмы. За попытку просто так нанести себе такой же виновным до сих пор отрубали руку.

— Я целитель, — злым голосом сказал незнакомцу. — Твоя сестра плакала, и я пытался ее успокоить и помочь залечить рану. Но ты, конечно, все сам исправил, поздравляю.

Парень, явно не ожидавший подобной реакции, растерялся. Пользуясь этим, Эрах оттолкнул его в сторону и снова сел, склонившись над девочкой. Яблоки спасти было нельзя, густая пыль плотно облепила карамельные бока.

— Я тебе новые куплю, — посулил но-Тьен, — ты только не плачь. Или вон, твой брат купит. Кстати, он и правда твой брат?

Она всхлипнула и закивала.

— Но сначала я вылечу тебе ногу, — он опять привычно расслабился, снова накрыл рану ладонью, сосредоточился.

— У меня нет денег... — возмутился было все еще растерянный севрассэ, но Эрах только цыкнул на него и закрыл глаза.

Он терпеть не мог, когда ему мешали работать.

Жар от маленькой искры, оставленной в нем Богиней, раздался в области солнечного сплетения, заполняя все его тело. Закрытые глаза вовсе не мешали видеть место исцеления. Ссаженная кожа, с почерневшим от запекшейся крови краем, по центру она еще кровоточит, особенно там, куда пришлось максимальное усилие от удара. Расплывающийся вокруг синяк, уже явный, черный. Жар заполнил грудную клетку, проник в кровь, сдавил дыхание и потек вперед, в кончики пальцев, еле прикасающихся к краям раны. Вспышка света под веками.

— Ну, вот и все, — довольно улыбнулся Эрах, отнимая руку и снова ей встряхивая.

Пять красных точек там, где были его пальцы. Гладкая, нетронутая поверхность кожи без следа раны. Стоявший за спиной севрасский кот, опаснейший убийца, по-детски ойкнул.

— Теперь не болит? — девочка, недоверчиво разглядывавшая исцелённую ногу, вскинула на него глаза, замотала головой. — Отлично. Давай, успокаивайся, и пошли, я тебе

яблоку куплю.

Чтобы встать на ноги, пришлось приложить усилие, голова закружилась голова, замутило. Забавно, но, когда он прирастил безо всякого следа державшуюся на лоскуте кожи ногу генерала но-Ферра, ничего такого не было. А от исцеления небольших травм всегда головокружение и тошнит.

— У меня нет денег, чтобы заплатить тебе, — севрассец очнулся, вновь заговорил зло, даже с ненавистью, почти выплевывая слова.

— А у меня нет сил с тобой перепираться, — устало вздохнул Эрех. Следом за тошнотой подошла и привычная апатия. Целительство потому стоит недешево. Как и сами целители. — Знаешь, я еще не озверел до такой степени, чтобы требовать денег за лечение детей. Так что, прости, но мне нет дела до твоей благодарности.

— А я и не благодарен!

— Ага. Я слышу.

Чуть пошатываясь он побрел наружу, пытаясь вспомнить, где видел торговца горячим гранатовым соком. Самое то сейчас было бы. Ну и что, что денег почти нет, помнится, дядюшка мастера Юхея страдает геморроем, вполне можно будет сходить пешком эти две мили...

Крепкая рука вновь поймала его за шиворот, только в этот раз, чтобы не дать упасть и усадить на ящик.

— Тебя шатает, как пьяного, целитель.

— Случается, когда лечишь, — вяло отозвался Эрех, глаза закрывались сами собой. — Сейчас пройдет. Только посижу вот...

— И всегда так? — парень говорил недоверчиво, но злость из его голоса ушла.

— И со всеми. Ну, может, кроме Верховного и королевских целителей. Хотя я точно не знаю, ни разу их не встречал. А что? Беспокоишься?

— Вот еще! Просто если ты навернешься в толпе, тебя или затопчут, или ограбят. Ты себя-то со стороны видел?

Видел, видел. И не раз.

— Меня зовут Эрехом, — будем знакомы, что называется. — Я говорил твоей сестре. А вот свое имя она мне не сказала.

— Потому что она у меня не говорит, — неохотно пояснил севрассец.

— Вообще?

— Да. Немая, с рождения, — он присел рядом и вздохнул. — Ладно, псы с тобой... Ес Нимой зовут, ей семь с половиной лет. А меня Тэфе и мне восемнадцать. И мы оба с Белых гор.

— Да, я это уже понял, — тошнота уходила, забирая с собой своих товаров, но вот страх не вернулся. Не вызывал его сидящий сбоку восемнадцатилетний парень Тэфе с Белых гор. А уж его немая сестренка тем более. Зато желание оживить покойных Ойзо и Карре, отпинать ногами да сдать в псарню для наказания — было. И еще какое.

И мучал вопрос, как объяснить все, что сейчас вертится в голове, мастеру Рейке.

— Что вы тут делаете, так далеко от дома?

— Деньги зарабатываем, что же еще. Родители умерли, а сам я мало что умею, кроме этого, — нож перекувыркнулся в воздухе и вновь, будто заговоренный, лег рукоятью в ладонь. — Вот мы тут... А ты?

— Я? — после всего случившегося легенда про двух репортеров рассыпалась прахом. —

Я с приятелем пришел. Он работает репортером в «Эхе Альмейры», ему надо что-то для репортажа, а я за компанию, ему редакция коляску вон выделила, казенную. Бесплатно.

Эрех сам удивился, как складно он врал.

— На большое представление хотите? — Тэфе убрал нож за пояс, сунул руку за пояс и выудил два билета. — На. Это тебе и твоему другу.

— Зачем? — Эрех изумленно повертел бумажки. Два ляна за штуку, однако.

— В благодарность, — кот соскочил на землю и вдруг поклонился, низко, так что белый хвост мазнул по земле. И сестру в спину толкнул. — Кланяйся, мелочь. И спасибо тебе, мастер.

— Да ладно, я же сказал... — Эрех растерялся.

— Ничего. Ну, нам пора, сейчас выступление. Ты тоже не опаздывай, — брат с сестрой повернулись и направились к выходу.

Но через пару шагов Тэфе остановился, обернулся и, словно решившись, спросил.

— Мастер, а... У меня есть еще сестра, ей десять, и на нее напали. С тех пор она плохо спит, ей снятся кошмары, она кричит по ночам. Ты... ей можно помочь?

Он смотрел со странным выражением на лице, растерянным и одновременно отчаянным.

Последний кусочек мозаики со щелчком встал на место, и вся картина, во всем ее ужасе, явилась перед ошеломленным целителем но-Тьеном. Десятилетняя девочка, которая кричит по ночам и семилетняя, у которой на ноге след от удара хлыстом. И их брат, зарабатывающий на жизнь тем, что только и умеет делать.

Горло перехватило.

— Я могу, — кивнул Эрех, надеясь, что по лицу обуревавших его чувств не прочесть. — По крайней мере, с кошмарами я справлюсь. Встретимся здесь после представления?

Тэфе улыбнулся, впервые за все это время.

— Обязательно! Давай, мастер!

Они с сестрой побежали налево, а Эрех со всех ног бросился искать Йона Рейке. У него оставалось не так уж и много времени, чтобы найти сыщика и все ему рассказать.

Йон некоторое время постоял, глядя как акробаты перед большим красным шатром выделывают всякие невозможные штуки, потом купил жареную лепешку и побрел сквозь толпу, делая вид, что прогуливается. Обычный зевака, столичный житель, охочий до небольших развлечений. Вон, многие даже детей с собой привезли.

На самом же деле он искал. Цирк — хорошее место для тайных дел. Закрытое для посторонних, очень тесное, с профессиональным недоверием к чужакам. Актеры, фокусники, шарлатаны, уродцы, все они — отбросы общества, и потому к ним никогда не приглядываются, так как не принято у приличных людей пристально глядеть на неприличное. Да даже говорить неприлично. Почти две луны катался сюда Ойзо, значит и цирк тут стоит не меньше, а слышал ли об этом он, сыщик Рейке? Нет. Что и требовалось доказать. Оставалось только понять, кто стоит за торговлей детьми, и дело будет в шляпе. Вместе с предлагающимися к нему пятью сотнями ляна.

Хотя, если по-честному, последнее время от мысли про эти деньги ему становилось не по себе. Гнил бы он где-нибудь, этот сынок. Или, вон, пусть док из него препаратов нарежет, сердце и печеньку по банкам рассует. Но это позже. Пока нужно найти детей. Воровать они их точно не воруют. Подобное рано или поздно, но всколыхнуло бы всех и дошло до самых

незначительных ушей, а, значит, торгуют своими.

Йон повертел головой и ухватил за локоть пробежавшего мимо парня с разрисованной рожей и в разноцветных портках в облипку.

— Эй, любезный, а где я могу узнать, какие представления вы даете?

Парень с готовностью ткнул пальцем в сторону ближайшей кибитки.

— А вон там, уважаемый, стоит специальный человек и раздает программки всем желающим.

Йон поблагодарил и целеустремленно, закусывая шаг лепешкой, направился в указанном направлении. Сгрэб бесплатную, на дешевой бумаге, программку и внимательно с ней ознакомился.

Мастер Тулли на аттракционы не скупился. Он представлял двенадцать павильонов, со странными названиями вроде «Девушка одна из двух» или «Человек-стрекоза», пять гадателей всех мастей, одну провидицу, кабинет диковин, мага и целый набор уличных актеров. Помимо этого, каждый вечер, под занавес, в главном шатре давали большое представление. Йон еще раз просмотрел перечень и спросил у человека, который раздавал программки:

— А где я могу найти самого мастера? — и, прежде чем недоверие вспыхнуло в глаза собеседника, добавил. — Я из газеты «Эхо Альмейры», по поручению главного редактора, хочу договориться о большом репортаже на две полосы. Так где?

Парень явно растерялся, и потому указал на пристроенную за шатром обычный вагончик невзрачного серого цвета.

— Там. Кабинет мастера Тулли там.

Йон сунул программку в карман и прогулочным шагом направился к так называемому кабинету. Он еще не решил, будет ли и впрямь договариваться об интервью — его можно и впрямь в газету продать, — но вот что подглядывать и подслушивать он будет, был совершенно уверен.

В маленьком окошке горел яркий свет. Йон, оглядевшись, нырнул в темноту за складками палатки, обнаружил приставленную к задней стенке кибитки бочку и подкатил ее к окну. Устроив себе импровизированный насест, вскарабкался на него лицом к проходу, чтобы углядеть, в случае чего, опасность, извлек из кармана верный «глаз» и приложил его к углу окошка. Глаза закрывать не стал, но уши наострил.

Внутри «кабинета» находились двое. Один говорил скрипучим громким голосом, другой бормотал что-то неразборчивое, нервно, но непреклонно. К сожалению, все обсуждалось на эфесском, которого Йон практически не знал и понимал одно слово из дюжины. И еще названия. Например, Товайхо, произнесенное несколько раз. И слово «садак» — дорога, которое почему-то часто произносили вместе с названием деревни. Очень интересно. Товайхо кхе лие садак, значит. Дорога на Товайхо.

Ну и пусть Йон не понимает, зато у него есть масса благодарных эфесских клиентов, которые ссудят бедному сыщику свои знания родного языка. Тут, главное, сидеть и позволять «глазу» все запоминать. Не зря в свое время Йон выложил за него целое состояние. Спасибо, опять же, Катрионе, умудрившейся сохранить «глаз» вместе с Миротворцем.

Разговор оборвался через четверть часа, на очень напряженной ноте, скрипнула дверь, но Йон успел соскочить с бочки и спрятаться между колесами. Лица посетителя он не увидел, только силуэт невысокого полного человека в темном костюме и широкополой

шляпе. Следом, спустя непродолжительное время, вышел и второй — высокий седой старик в длинном бархатном кафтане, с тростью в руках. Замкнул дверь на засов и направился в сторону большого шатра. Йон, посчитав до ста, вылез из-под кибитки и осмотрелся. Окна не горели, замок на двери был мощный, с двумя отделениями для разных ключей. Небось, еще и магический. В принципе, логично для владельца цирка, который должен кассу держать. Но дорого же. Не менее трех сотен эдакое чудо стоит. С досадой цыкнув, сыщик тоже направился на выход.

Чтобы с грохотом врезаться в Эреха.

Йон еле успел увернуться от удара головой под дых, ухватил клиента за шиворот и встряхнул.

— Эй, мелкий, ты чего так несешься? Случилось что?

Док трясся и смотрел на мир перепуганными круглыми глазами.

— Я нашел его! — выпалил он страшным шепотом.

— Кого?

— Ну, его! Его! — руками изобразил кривую линию. — И отпустите вы меня, что за день сегодня такой, все за ворот хватают!

Йон послушно выпустил воротник тужурки.

— Молодец. И где?

— Там, — он ткнул пальцем в неизвестном направлении.

— Ты бы успокоился, а? Он тебя что, заметил?

— Лучше! Я с ним познакомился, и он мне билеты на представление дал!

Йон мысленно застонал. То, что он принял за испуг, было восторженным возбуждением. Просто у некоторых дураков вот такой восторг.

— Что ты сделал? — уточнил на всякий случай. Еще оставался шанс, что он что-то не так понял.

— Познакомился с ним! Его зовут Тэфе, он с Белых гор, ему восемнадцать.

Шанса не было.

Грохнуть и прикопать, чтобы не мучился?

— Так, давай по порядку. Билеты нам зачем?

— Так я вам его покажу! Он здесь выступает.

Йон призвал все свое терпение, ухватил паршивца еще раз, теперь за плечо и потащил ко входу.

Билеты оказались хорошие, на первый ряд. А вот новости не очень. Картинка складывалась неприглядная. Просто калейдоскоп, малейшее движение — и стекла перемешались, сложившись в новый рисунок. И теперь вместо кровавого севрасского убийцы у него на руках подросток с двумя сестрами, одна из которых немая, а другую покойная скотина Ойзо напугал так, что у ребенка кошмары. А еще — потенциальный торговец детьми и странный господин в шляпе, которого интересовала дорога на Товайхо. Вряд ли по вопросу подорожных платежей. Крышевой? Йон с досадой откинулся на спинку сиденья. Это было самой вероятной версией. Он восемь лет безвылазно торчит в Альмейре и за это время ни разу не слышал имени Тулли. Как новичок смог быстро выйти на клиентуру уровня сына магистрата и уездного судьи? Само собой, через хорошее и крепкое знакомство, которое, скорее всего, прикроет его от магистрата. И уж точно от сыщика с правом свидетельствовать в суде.

Впервые за все восемь лет Йон пожалел, что он уже не прежний. Прежний он сожрал бы

мастера Тулли вместе с его крышей и его тростью, даже не подавившись.

Занавес на противоположном конце арены распахнулся и на утрамбованную песчаную площадку вышел человек в бархатном костюме ослепительно-голубого цвета. После притона Боро Кутирай у Йона к этому цвету развилось непередаваемое отвращение.

— Доброй ночи, уважаемые! — выкрикнул бархатный костюм, голос вознесся вверх и разлетелся шатру. — Позвольте приветствовать вас под куполом знаменитых Павильонов чудес и диковин мастера Тулли! Мы предлагаем вам на два часа переместиться в мир удивительных фантазий! Увидеть чудеса со всего света! Окунуться в океан магии! Познать непознанное! Изведать неизведанное! И все это — благодаря великому мастеру Тулли!

Голубой костюм взмахнул руками, и зрители послушно развернулись в сторону, в которую он указывал. На самом высоком уровне расположенных ступеньками сидений, в складках купола, пряталась маленькая площадка. Мастер Тулли выступил из темноты, и Йон увидел бархатный кафтан, трость с костяным набалдашником и скуластое лицо в окружении седых волос, с глубоко посаженными бесцветными глазами, отпечатавшееся в его памяти как раскаленное тавро на коже. Тилеец, как и сам Йон. А вот имя искажено на островной манер. Интересно.

— А теперь позвольте же нам перейти к представлению. И пусть первой вас поприветствует прекрасная Белая госпожа и ее птицы.

Свет погас, очертив только круг арены, Рейке мысленно присвистнул. Это был не первый его бродячий цирк, но никогда ранее он не видел такого освещения. Магическая технология, стоит соответственно.

— Покажи-ка мне билеты, — прошептал он на ухо Эреху и тот, не отрываясь от происходящего, протянул ему бумажный квадратик.

Два ляна за штуку. Недешево. Но, учитывая, что дальние ряды, скорее всего, дешевле вдвое, и не дорого. Уж точно не могут окупить магически настроенное освещение.

Белая госпожа и ее птицы оказались группой эфесских акробатов, летавших под куполом под аккомпанемент скрипок, на которых они сами и играли, не сбиваясь с ритма сложных трюков. Роскошные белые костюмы, подчеркивающие изгибы тел, переливались в искусственном свете.

Зал взорвался аплодисментами, когда они уходили; из-за кулис выплыли огненные жонглеры. Вспыхнули факелы.

— Эй, ты чего с таким лицом? — Йон нагнулся к Эреху, тот сидел прямо, словно палку проглотил, губы сжаты в прямую линию, брови сведены. — Не любишь цирк?

— Терпеть не могу, — признался док, голос был низок и глух. — Но дело не в этом. Я не понимаю... вы не чувствуете?

Йон незаметно обернулся, мазнул глазами по сидящим людям, чье внимание было приковано к кругу желтого песка. Там взлетали, крутились, падали и вновь взлетали зажжённые факелы, плясали в танце огня полуобнаженные жонглерки. Традиционное представление, Йон видел и лучше. Но зрители счастливы. А вот мелкий нет. Сам Рейке ничего странного не чувствовал, но целителю верил. И это было плохо. Потому что единственное предчувствие, которое могло возникнуть у посвященного, должно быть связано с чужим даром. Йон еще раз огляделся, пытаясь понять кто и какую силу применяет.

На арене, поочередно, сменялись мимы, дрессировщики собак и обезьян, клоуны и эквилибристы. Йон на них не смотрел, Йон разглядывал зрителей. И отвлекся только тогда, когда человек в голубом бархате выкрикнул:

— А теперь, уважаемые, вашему вниманию представляется уникальный номер! В нем смешались тайные ритуалы Белых гор и небывалая высота! Впервые Альмеррайде древнее искусство Братство Бойцовых котов и его лучший воин, Тэфе Зимний! Танец с ножами под куполом!

Йон с Эреком как по команде поглядели вверх. На невероятной высоте на узеньком трамплине стоял новый приятель мелкого, и заключенный в пределы арены столб света серебрил его волосы.

— Что он будет делать? — обеспокоенно спросил Эрек.

— Ничего особенного. Прыжки и балансирование на канатах на высоте, часть традиционной тренировки, он всю жизнь этим занимается. Сейчас оттолкнется, зацепится, покажет нам серию трюков и уйдет обратно. Ты что, беспокоишься о нем, э?

Док пожал плечами. Йон усмехнулся, а про себя подумал, что тоже беспокоится. Этот парень — жертва, прежде всего. Наверное поэтому. Или... Додумать он не успел. Кот вдруг пошел по трамплину вперед и даже на таком расстоянии стало видно его напряженное лицо и взгляд, устремлённый в одну точку. Йон опять резко обернулся, пытаясь отследить, куда тот смотрит, но ничего не увидел. А парень дошел до края, остановился, все так же неотрывно глядя вниз.

Шум стих.

Замерший на краю бездны севрасский мальчик вдруг улыбнулся отчаянной улыбкой. Док все понял первым, вскочил и закричал:

— Стой!

Йон вскочил следом.

Тэфе с Белых гор резко оттолкнулся от трамплина, раскинул руки и стремительной черно-серебряной птицей рухнул вниз.

Глава 6. Святой

— Где врач?! — рявкнул Йон, распахивая двери в госпиталь Чистого Сердца.

За ним на растянутой тряпке двое фермеров внесли то, что еще можно было назвать Тэфе с Белых гор, восемнадцатилетним парнем. Следом, в сомнамбулическом состоянии шагал мелкий и держал. Исключительно благодаря его усилиям, да еще доброте посторонних людей сиганувший с невероятной высоты идиот был жив. Док ухватил его сразу, даже не проверяя пульс. В последнюю секунду буквально за шкуру выволок от Престола и упрямо держал, пока изломанное бессознательное тело везли в город, в ближайший к Северным воротам госпиталь.

Всю дорогу Йон крепко сжимал рукоять Миротворца. Он прекрасно помнил пристальный, сосредоточенный взгляд внезапного самоубийцы, направленный за спины сидящим. То, что сам Йон в том направлении никого не разглядел, еще ничего не значило. Расслабился он только когда за ними закрылись двери госпиталя.

— Так я не понял, врач где? — повторил он, глядя в вытаращенные глаза юной санитарки. — У нас умирающий! И дежурного целителя сюда, а то этот дурак...

Дежурный целитель, высокий парень в очках, уже бежал по коридору. Оттеснил Эреха, занял его место, так, что севрасец даже не дернулся. Бархатная тряпка, которую по-прежнему держали за углы дюжие фермерские сынки, пропиталась кровью, темные капли падали на чистый мраморный пол, расплываясь неопрятными пятнами.

А врача не было.

Рейке выругался и ухватил стоящую у стены каталку.

— Сгружайте сюда! — приказал он, потом вновь обернулся к стойке. — Ну, долго пляиться будешь? Что с врачом?

— Врач... не поможет... — выдавил вернувшийся в реальный мир Эрах, пошатнулся, ухватился рукой за стену, оставляя на ней красный отпечаток. — Там...ничего...исцелять...

Из носа у него текла кровь, и он размазывал ее по лицу.

— Да вы с ума сошли! — вдруг взвизгнула девица за стойкой, белая крахмальная шапочка с латунной булавкой в виде сердца подпрыгнула. — Кто вам позволил врываться?! Немедленно убирайтесь! У нас приличная лечебница! Ты, но-Тьен, как ты позволил им...

Не терпевший истерик Йон шарахнул ладонью по полированному дереву.

— Заткнулась, живо, — тихо приказал он.

Девица ойкнула.

— Не надо кричать.

Йон обернулся на голос. В проеме двери, ведущей в правое крыло госпиталя, стоял важный седой мужчина в белом халате поверх дорогого костюма.

— Она совершенно права. Госпиталь Чистого Сердца принимает пациентов без предварительного договора только в дни дежурства. Для тех, у кого договора нет, существуют Восточный госпиталь и лечебница при столичном Храме.

Говорил мужчина спокойно, скучным тоном человека, в мире которого не происходило ничего страшного. Не умирал, например, ребенок. И лицо у врача было крайне неприятное, презрительная складка у рта — привычной, а глаза — как у снулой рыбы.

Так и просится в морду, мелькнула мысль.

— То есть для тех, кто рылом не вышел? Так? — перевел Йон с официального на человеческий, чувствуя разрастающуюся в груди глухую ярость. Есть слова, что срабатывают, как собачьи команды. Мужчина в белом халате, похоже, умел их находить. — Или дело в цене? Так мы же не отказываемся платить, назовите цену. На другой конец города мы его не довезем.

— Доктор Бак... — Эрех захлебывался дыханием и собственной кровью, — это очень важно! Вы не понимаете!

Он зашелся в кашле, не смог договорить.

— Послушайте, мастер доктор, — начал сыщик, с тревогой заметив, что к крови из носа у дока добавилась и кровь изо рта. Еще немного, и в приемной будет двое умирающих.

Доктор прервал его коротким пренебрежительным жестом, повернулся к но-Тьену.

— Мальчик мой, — в голосе, помимо скуки, прорезалась легкая неприязнь с оттенком нравоучения. — Мы не можем помочь всем подряд, ты же понимаешь. Дело вовсе не в деньгах. Есть еще такие понятия как репутация заведения. Мы сегодня не дежурный госпиталь, ты же знаешь. Я понимаю, что воля Богов...

При чем тут Боги и полное нежелание помогать умирающему, Йон так и не узнал.

— Богов? — глухо переспросил Эрех.

И внезапно перестал кашлять.

Плотная тишина накрыла вестибюль, густая, как сливки на молоке. Йон невольно попятился, почувствовав, как вместе с тишиной возникает и растет напряжение.

— Его имя Тэфе! — с каждым произнесенным словом голос целителя понижался. — Ему восемнадцать лет, он приехал с Белых гор. У него две младшие сестры и нет родителей. А у его сестер — есть только он! И вы предлагаете просто дать ему умереть?!

Сами собой захлопнулись тяжелые двери главного входа.

Плохо.

— Док! Эй, док!

— Целитель но-Тьен! Не забывайся! — похоже, доктор Бак еще не заметил, как атмосфера в приемной госпиталя стала изменяться, как замедлилось течение времени.

— Кто именно позволяет вам выбирать, кому жить?!

По стенным панелями из темного дерева поползли тонкие трещины. Закачались светильники под потолком. Йон подался назад. Онемевшие от происходящего деревенские парни встали столбом, и он потянул их за собой.

— Так вот, вы ошибаетесь, — Эреху хватило легкого движения, чтобы оттолкнуть упитанного доктора, который был выше его на две головы. — Право выбора принадлежит не вам.

У него глаза светятся, увидел сыщик. И меняют цвет.

Это была последняя осознанная мысль.

Потому что мелкий вспыхнул.

Свет прорвался изнутри, сквозь запыленную одежду, охватил целиком щуплую фигурку, налился, как персик летом, и выплеснулся наружу обжигающими лучами. Деревянные панели разбило в щепу. Вздрыгнули напольные плиты, и сквозь них, к импровизированному солнцу люстр прорвались тонкие зеленые ростки, утолщаясь, на глазах обрастая корой. Доктор Бак, пытаясь увернуться, споткнулся о корень, проломивший мрамор, и, взвизгнув, упал на задницу.

А Эрех полыхал. Вернее, не он, он был где-то там, в сердце ослепительного света, а свет

рос и ширился, как прорастающая посреди приемной роща, свет менялся, обретая форму.

Сотканная из солнца женщина распрямилась, заполнив собой все пространство, запрокинула увенчанную витыми рогами голову. Невыносимый взгляд полоснул по каждому из стоявших, упавших и спрятавшихся. Плеснули на невидимом ветру длинные рукава, сияние достигло апогея — и явившаяся людям Наэма рассыпалась, разлетелась дождем огненных искр. Пискнула медсестра, рухнули на колени фермеры. Йон протянул руку, безуспешно пытаясь поймать на ладонь божественную искру, словно снежинку.

Огляделся.

Приемная превратилась в сад. Шелестящие листвою ветви гнулись под тяжестью спелых персиков. Очкастый дежурный целитель стоял на коленях, лбом в пол. Вернувшийся к привычному виду Эрех привычно хлопал глазами, и кровь из носа у него больше не шла.

Громкий вздох заставил всех вздрогнуть. Умиравший севрасский мальчишка открыл глаза, а потом сел плавно, красивым гибким движением тренированного бойца.

— Знаете, — задумчиво сообщил Йон в пространство. — Кажется, ваш госпиталь уровнем не вышел. Для святого-то.

— Все сделано, как надо, — сообщил Вадэ Баккари и поклонился. Плешь на макушке весело блеснула в лучах восходящего солнца.

Теон Делко внимательно осмотрел подготовленную сцену.

Покосившиеся домики вдоль обрывистого берега Яблочной, вытекавшей из Красного озера стояли на расстоянии, объясняющем, почему ничего не могло быть обнаружено ранее. Старые рыбные сушильни, где уже лет пятнадцать ничего не сушили, добавляли к объяснениям достоверности. Здесь никто не ходил, особенно ночью, разве что играли окрестные дети, но кто же будет спрашивать детей. Дорога была много дальше, так что и заблудившийся путник не мог случайно завернуть в эти всеми забытые окраины Товайхо. А песчаный берег, спускавшийся к бутылочного цвета ленивой воде, часто подмывало, и он уходил в воду длинными, поросшими травой пластами. Если закопать что-то в здешнюю почву, оно может быть в равной степени потеряно на долгие годы и обнаружено через пару тройку-дней.

Идеально.

— Ты точно уверен, что опознание невозможно? — на всякий случай уточнил Теон у исполнительного штабс-капитана.

— Абсолютно, мой полковник, — успокоил его Баккари, уже в который раз. — Тело подобрано по внешнему и возрастному сходству, вес и рост полностью соответствуют. Все остальное сделали огонь и смола. Ну и мы подкинули кое-какие вещицы, личного характера, так сказать...

— А этот — он не сломается?

— Не за эти деньги. Я оплатил половину, вторую его семья получит после суда. У него такие долги, что он признается в чем угодно, тем более, работать он уже не может. Недавний несчастный случай сделал беднягу калекой, так что даже жена была счастлива моему предложению. Не стоит беспокоиться, все абсолютно достоверно.

Делко кивнул. В последний раз внимательно оглядел сложившуюся картину: полуразрушенные рыбацкие причалы, серые доски, подъеденные водой и временем сваи, осыпавшийся склон, выступающее из песка тело, обугленное до состояния головешки. Смола и огонь способны до неузнаваемости изменить что угодно, это правда.

— Замечательно, — оценил старания Вадэ Баккари полковник. — Пора сообщать магистрату, что его несчастный сын найден.

Причина, по которой раздетый труп Читела Ойзо валялся около развалин старой резиденции оказалась проста — так Тэфе с Белых гор пытался изобразить ограбление на ночной дороге.

Выслушав его историю от начала и до конца, Йон не знал, плакать ему или смеяться. А, может, плюнуть на волю Наэмы и пристрелить бедолагу, чтобы больше не мучился и других не заставлял. Мальчишка, чуть с ума не сошедший от свалившейся на него проблемы, ничего не утаивал и был только рад поделиться хоть с кем-нибудь. Сидя на полу, он смотрел в одну точку и рассказывал, спокойно, сухо, без лишних эмоций.

О том, что сестер продали, он узнал в ту же ночь. Он тогда не выступал и потому на вечер уходил в Лааль, а когда вернулся, увидел, как раздетую в шёлковое платье Нору усаживает в коляску молодой человек в дорогом костюме, и везет прочь. Тэфе побежал следом и в дом на Розовой улице ворвался как раз тогда, когда сестра, пришедшая в себя, сопротивлялась насильнику, как пойманный волчонок схватившему его охотнику. Тогда Тэфе впервые убил человека — равно так, как его учили отец и дед. Опыта у парня не было и потому Ойзо успел уделать кровью всю гостиную.

После этого, замотавшись в какой-то плащ, Тэфе загрузил во все еще стоявшую у дома коляску труп и сестру, вывез все это из столицы и оставил Ойзо недалеко от дороги на Товайхо, в надежде, что, когда тело найдут, подумают, что мерзавец стал жертвой разбоя. Он понятия не имел, с кем свела его Судьба и, естественно, даже в самых страшных кошмарах не мог предположить, что зарезал сына магистрата столицы.

Ниму, вторую сестру, он встретил у ворот. Судья Карре, в отличие от Ойзо, оказался сволочью трусливой, и потому не стал преследовать вырвавшегося от него ребенка. Зато отсутствие смелости явно компенсировал жадностью. Нима запомнила место, куда ее привезли и когда на следующую ночь Тэфе отправился в дом в поисках хоть каких-то следов незнакомца, тот заявился сам и стал требовать, чтобы ему вернули деньги. Две тысячи лян, уплаченные за семилетнюю девочку. Во второй раз Тэфе не колебался, и судья даже толком не понял, когда его убили.

— Да уж, — только и смог сказать Рейке, когда севрасец замолчал. — Повезло тебе, что я могу сказать.

Мальчишка, вернее оба, вскинулись, не понимая, о каком везении речь, а Йон продолжать не стал. Подпер голову рукой, с тоской думая, что костюму конец, ботинки тоже, скорее всего, придется выбросить, а награда в пятьсот лян, на которую он так надеялся, не окупит всех затрат. Убиенный магистратов сынок превратился в мразь, движимую лишь жаждой новых ощущений, кровавый севрасский кот на деле оказался перепуганным пацаном с двумя девчонками на шее и перспективой веревки за убийство. За судьбу, любителя детей, его бы никто и пальцем не тронул, но вот Ойзо...

И, все же, повезло ему. Повезло, что в ту ночь еще один идиот тащился через лес и не придумал ничего лучше, как украсть брошенный труп для опытов, чем помешал свести воедино убийство Ойзо с убийством Карре. Студент недоделанный! Вон, сидит теперь с возмущенной рожей на стуле, придурок лопаухий. Эх, взять бы его за эти ушки, да на солнышко! А решать проблемы должен немолодой и, не сказать, чтобы зажиточный сыщик с туманными перспективами на будущее. За, фактически, двадцать восемь лян гонорара

мелочью.

— А прыгать ты с чего собрался? — Йон вернулся к мучавшему его вопросу.

Тэфе не ответил. Некоторое время сосредоточенно смотрел в одну точку, привычными движениями вертя коготь. Изогнутое лезвие бросало солнечные блики на стены комнаты.

— Я не помню, — в итоге недоуменно признался он. Нахмурился, между длинными бровями пролегла морщинка. — Как встретил апэ Эреха — помню... потом забрал сестру и пошел готовиться к выступлению... там кто-то был, но кто... А дальше... все.

Он изумленно оглядел Рейке и Эреха.

— То есть мыслей о самоубийстве у тебя не возникало, я тебя правильно понял? — Йон подался вперед. — Ты совсем не помнишь, почему это сделал? Точно не помнишь?

Фразу «а не врешь» он опустил. Читать Тэфе можно было как открытую книгу и врать он, похоже, не умел вовсе, в отличие от танцев с ножами. Сейчас он был испуган и растерян.

— Нет, — мальчишка тряхнул хвостом. Поглядел с отчаянием. — Нисколечко не помню!

Мелкий изумленно вытаращился на новоявленного приятеля. Йон, раскачиваясь на стуле, прикидывал возможные причины внезапной потери памяти. Вариантов было несколько, все очень неприятные, но ему казалось, что за этим всем стоит что-то еще. Что-то, что зацепилось на границе памяти и вызывает сейчас назойливый зуд, как бывает, когда знаешь, но вспомнить не можешь.

Слишком много событий за эти дни. Слишком много информации.

— Ладно, — он поднялся на ноги. — Вставай, док, пошли, заберем из цирка девочек и лошадь.

Которая, между прочим, сейчас будет стоять вдвое больше. К назначенному-то сроку они ее не вернули.

— А я? — вскинулся севрасец.

Ишь, опять хвостом тряхнул. Ну, чисто боевой скакун при звуках трубы.

— А ты будешь сидеть тут и не высовываться. Наворотил уже, хватит. Уясни, наконец, что если бы не этот вот любитель анатомии, — Эрех обиженно надулся, — то военные, какими бы тупыми они ни были, в два счета сложили б и твою манеру резать людей, и место, где ты их бросал. И болтался б ты сейчас на виселице в тюремном дворе.

Котенок протестующе вякнул, но Йон остановил его одним взглядом.

— И нечего сверлить меня глазами, парень. Не приведи Боги, эрл Ойзо тебя найдет — ничто, никакие грешки его ублюдочного отпрыска не спасут твою шею. И наши заодно. Ладно, мне ты не должен, согласен. Но есть док, который тебя в буквальном смысле оживил. Уважай свой второй шанс и чужие усилия. Усек, э?

Судя по смущенному виду, усек.

— Поэтому сиди, отдыхай и ничего не делай. А ты, док, хватит губы дуть. Собирайся, у нас еще уйма дел.

— Каких? — задать ему вопрос мелкий решил только на улице.

— Для начала, денежных. Или у тебя в кармане золотой источник забил, прямиком из казны?

Одна надежда, что главный редактор, тот еще жмот, раскошелится на аванс, если помахать перед его носом аппетитным скандалом. Помнится, он и магистрат состоят в разных партиях, более того, свояк редактора в свое время пытался даже какую-то интригу проверить по смещению Ойзо с насиженного места. Йон чувствовал всей своей

неоднократно битой шкуркой, что без страховки, на одном праве свидетельствовать в суде, он не выедет. Вряд ли магистрат не знал о наклонностях сынишки. Знал, конечно, старый хмырь. И прикрывал отпрыска, не стесняясь. И дальше стесняться не будет. Так что выход один — поднять волну народного гнева, да на этой волне въехать во Дворец Правосудия. А что лучше всего помогает? Длинные языки газетчиков, что же еще.

В редакции, как всегда, царил дурдом, который главный редактор Онойка именовал «творческим процессом». Всюду сновали и шмыгали репортеры, газетные мальчишки, редакторы, корректоры, рекламодатели и бухгалтеры, а также посетители, желающие продать сенсацию или, наоборот, купить ее, чтобы она не появилась на страницах. «Эхо Альмейры», вторая по влиятельности газета в королевстве, да еще и оппозиционная всему на свете, за исключением денег и концепции свободы слова в понимании Марва Онойки, была сосредоточением независимой информации. Ее основной конкурент, «Альмеррайдский гудок», представлял из себя листок куда как более консервативный, рассчитанный, прежде всего, на поддержку правящей коалиции. «Эхо» же питало жажду знаний широких слоев общества. Благо Его Величество, Кароль Седьмой, считал, что свобода слова необходима нынешнему Альмеррайду, как воздух, вода и расположение Судьбы, и поощрял не всегда здоровый энтузиазм газетчиков, особенно при публикации компромата на чиновников. Самого короля и все семейство Фаттихидов никакие репортеры никогда не трогали.

Йон порой задавался вопросом, что сказал бы на такое Фаттих Маэде, основатель династии, особенно доведись ему оказаться в Марвовых владениях. Эрех же, семенивший следом, как рыбацкая шаланда за военным крейсером, только головой вертел, разглядывая царящее в редакции безумие. Вокруг сновали, кричали и обменивались новостями.

— Эй, Диссел, ты куда задевал статью про открытие военной выставки в Асталоте? Что? Что значит, ее оставили на завтра?! Да завтра ее напечатают даже на ресторанных салфетках, ты о чем?!!

— Ребят, кто-нибудь уже занялся делом о назначении Его Величеством следственной комиссии по вопросу злоупотреблений при Боятской кампании?

— Очень вовремя! Они бы еще лет десять прождали!

— Чья это новость?! Чья, я спросил? Мелке, твоя? Ты совсем сдурел? Вопрос об отсутствии кипятка в буфете речного вокзала на вторую полосу?! Я тебя уволю!

Йон увернулся от брошенного в голову репортера Мелке орфографического словаря, придержал дока, чтобы того не затоптали два секретаря и один корректор, и, наконец-то, вошел в святая святых творящегося кругом бардака — в кабинет главного редактора. Марв, забравшись на стул для увеличения своего более чем небольшого роста, верещал, словно прищемленный дверью кот.

— Что это такое?! Да, я тебя спрашиваю! Вот это ты предлагаешь мне на первую полосу?!!

Перед Онойкой тряслись редактор, наборщик и некий прыщавый юнец в фартуке с меткой типографии.

— Нет, это просто невозможно! За что я вас тут держу, кретинов эдаких?! Олухов безграмотных! Криворуких побирušек! Задоголовых идиотов! Уволю! Всех! На Пустоши поедете, агитационные листовки печатать!

В углу, прислонившись плечом к стене, стоял репортер Лунте и широко улыбался, глядя на разворачивающуюся перед ним сцену.

— Я вас всех спрашиваю! Это уже в который раз, а? В который?!

— О чем скандал? — шепотом поинтересовался Йон у приятеля.

Тот заулыбался еще шире.

— Наша краса, Тойфе, опять накосячил в наборе первой полосы, — Йорр Лунте был репортером до мозга костей и говорил только и исключительно на профессиональном жаргоне. — Шефа сейчас удар хватит. Он уже с четверть часа так верещит. Сперва орал на команду, которая занималась таинственным происшествием со вторым принцем — они умудрились написать, что дело не раскрыто, и одна из их версий, будто покушались не на принца, а на кролика. Да, именно так. Что ты смотришь?

Йон хмыкнул.

— А теперь еще и это. А у тебя как дела? Все ловишь беглых супругов?

— Забудь про супругов, — Рейке понизил голос, любуясь, как разошедшийся Марв лупит наборщика по хребту свернутыми в трубку листами ватмана. — У меня тут наклеивается скандал не то, что года, десятилетия. Если накопаю, возьмешься?

Йорр моментально наострил уши, став невероятно похожим на лису. Одно слово, профессиональный газетчик во втором поколении, буквально вскормленный типографскими чернилами.

— Прямо вот десятилетия? Не гонишь ли ты мне, дружище?

— Всеми Небесами клянусь, — побожился Йон.

— А сам тогда чего не возьмешься?

— Потому что я, — Рейке еще больше понизил голос, произнес практически одними губами, — собираюсь давать показания во Дворце Правосудия. Если все сложится.

Толстенный справочник, запущенный меткой рукой мастера Онойки, с грохотом врезался в полку, свалив оттуда бронзовый бюстик поэта Линде.

— Даже так, — пробормотал Йорр. Кивнул.

На душе полегчало. Рейке пару раз сотрудничал с репортером Лунте и знал, что тот неистово гордится не только своей любовью к правде, по мнению сыщика, местами переходящей в людоедство, но и собственной неподкупностью. Йорр Лунте служил свободе слова так, как посвященные служат Богам — неистово, с полной самоотдачей, не видя границ и берегов.

— Если еще раз! — раздался оглушительный рев Марва, и Эрех, так и стоящий сбоку от Йона, пригнулся.

Следом за справочником пролетели скомканые гранки.

— С чего он бесится? — уточнил Йон. Не то, чтобы гнев Марва Онойки мог его напугать, как и сам Марв, но его пристрастие гневаться долго и со вкусом могло затянуть процесс выколачивания аванса на неопределенный срок. — Накосячили, с кем не бывает?

— Э-э, — засмеялся Йорр, — они же не просто накосячили. Они накосячили в преступлении года, причем по полной — и орфография, и шапка. Ты в курсе, что сын магистрата пропал? Сегодня утром нашли его тело и задержали убийцу.

Где-то под локтем придушенно пискнул мелкий.

— Э?!

— Я лично там не был, вызывали кого-то из дежурных, они новость и приперли. И даже картинок успели наклепать. Да ты сам погляди.

Лунте поднял с пола гранки, расправил листы и протянул сыщику.

Первое, что бросилось в глаза, было жирное: «Горелый труп Читела Ойзо наконец-то найден!»

И чуть ниже: «Причины смерти не установлены из-за отсутствия на трупе кожи».

Йон быстро пробежал корявый текст. Из него выходило, что ранним утром, в то время как док выращивал в госпитале персиковые сады, военные под руководством незабвенного Теона Делко обнаружили не только обгорелое до неузнаваемости тело тула Ойзо («труп был не похож на самого себя»), но и убившего его рыбака. Который, если верить изложению дежурного репортера, неизвестно где и неизвестно как напал на несчастного убитого с целью совершить «воровство ценностей и украшений».

Это было уже чересчур.

— Мастер Лунте, — Йон всунул листки в руки мелкому, чтобы тот ознакомился. — А займи-ка мне десять лян, а? До завтра, в счет той сенсации, о которой мы с тобой договорились.

Ждать, пока Марв прокричится, не было времени.

Лунте сунул руку в карман и всучил Йону горсть монет.

— Спасибо, — серьезно кивнул Рейке, ухватил за шиворот но-Тьена и быстро, не обращая внимания на все еще царящий вокруг дурдом, покинул кабинет.

Остановился он только на углу, в дух кварталах от здания редакции.

— Слушай сюда, док, — серьезно сказал Йон. — Планы меняются.

Эрех, не перебивая, кивнул. Круглые серые глаза смотрели внимательно.

— Сейчас ты возьмешь деньги, — он пересыпал ему в карман полученные от Йорра ляны. — И поедешь к своему второму работодателю. Ты понял, о ком я? Все, что мы хотели узнать вместе, узнаешь у него сам. После чего займешь там парочку амбалов и сходишь в цирк за сёстрами нашего котика. И за лошадью. Думаю, с таким сопровождением тебе не откажут. Встречаемся у меня дома. Понял?

— Что случилось? — только и спросил док.

— Я еще не знаю точно, — Йон сунул руку под пиджак, нащупал рифлёную рукоять Миротворца и недобро улыбнулся. — Но собираюсь узнать. И пусть он мне только не расскажет.

Добирался до Товайхо Эрех на перекладных — дал полляна первой согласившейся телеге и уныло трясся по дороге, которая изрядно ему обрыдла за последние дни. И думал.

К собственному удивлению не о том, что случилось с ним в госпитале, хотя определенно стоило бы. Когда он спасал генерала все было совершенно иначе, божественная благодать ощущалась как мгновенная вспышка силы. Произошедшее в госпитале было несравнимо. Мгновенный непереносимый жар. Ощущение, что в собственном теле становится очень тесно, как взрослому в детской одежде. Ужас не вернуться. Классическая божественная одержимость, как по учебнику, на деле оказалась не столь восхитительной, как он представлял в детстве.

О последствиях же думать и вовсе не хотелось. К счастью, в голову упорно лезли мысли о Тэфе и его сестрах, о туле Ойзо и о мастере Рейке, который что-то понял, но не сказал, что. А Эреху было интересно. Он впервые попал в эти сферы человеческого дна, и логика людей, совершающих преступления, временами казалась ему непостижимой. Ранее он не задумывался сколько человеческого зла существует вокруг. Ни когда его старший брат Эмери стал завсегдатаем чумных домиков, ни когда работал в тюрьме.

И только в последние дни, послушно следуя за мастером Рейке, он осознал, насколько способность ко злу заложена в самом человеке.

Телегу тряхнуло на камне и Эрех, ощутило приложившись о бортик, ойкнул.

— Задумались, мастер? — прервал его мысли управлявший телегой седоусый торговец.

— Чутьочку, — улыбнулся целитель, потирая ушибленное место.

— Слышали, наверное? Тут недавно нашего судью зарезали, ограбили до подштанников и голым прямо на дорогу бросили.

И не только слышал, мог бы сказать Эрех, но благоразумно промолчал.

— Нет, — соврал в ответ. — А что за судья?

— Наш-то? Так себе человек был, если уж по правде. Средней паршивости. Даже в городе не жил, предпочитал из столицы таскаться, только в судебные дни. Я лично свечку не держал, но поговаривали, что еще и продажный. Представляете, мастер? Совсем ничьего гнева не боялся. А сколько самомнения-то в нем было — никакими словами не передать. Будто не для него Небесный Суд. И надо же, как Боги распорядились, что помер от руки лесных разбойников и нашли его в полном стыду.

Да уж, согласился Эрех. Боги все видят. Дети — святы и неприкосновенны, как можно было! От одной мысли начинало трясти.

— Вас где высадить-то, мастер?

— А? Да, пожалуй, на перекрестке у колодца, — телега остановилась, монетка в поляна перекочевала в карман торговца. — Спасибо вам за доброту!

Мастер Юхей, глава Красной банды, проживал в обыкновенном с виду деревянном домике на окраине Товайхо. На этой дороге он контролировал нелегальную коммерцию: контрабанду, мелкий черный рынок, да то, что сопутствует торговому тракту: игру в кости из-под полы в придорожных гостиницах, гостиничных девочек и оборот нелегального алкоголя в обход королевских акцизов. Сам мастер, разумеется, верил, что он — великий воротила преступного мира, потому имел и подобающую его положению охрану, и бухгалтера с адвокатом, и личного штопальщика, зато не имел жены.

Эрех постучал условным стуком в украшенные изображением танцующих журавлей ворота и приготовился ждать. Обычно сразу его впускали только если кто-то помирал, а на еженедельных осмотрах предпочитали помариновать снаружи, чтобы, видимо, знал свое место. Но тут открыли сразу. Домоправительница, красивая, круглолицая лаэстэ, склонилась в поклоне, мазнув рукавами женского атаи по деревянному тротуару.

— А вы сегодня в неурочное время, мастер Тьен, — пропела она, акцент в речи был слышен отчетливо.

Вообще Аои Юраи приходилась мастеру Юхею практически женой, но, поскольку преступному воротиле жены не полагается, до храма они не дошли. Хотя обращалась она с Юхеем как законная супруга, Эрех не раз становился свидетелем.

— Я по личному делу, апэ Аои, — сказал он, кланяясь в ответ.

Женщина разулыбалась и беспрекословно пропустила его в обсаженный яблонями двор. Эрех прошел вперед, спиной ощущая ее взгляд.

На Аои Юраи он производил то же впечатление, что и на всех женщин в его жизни. Что поделать, если его внешность вызвала у противоположного пола только лютый материнский инстинкт и жалость, а также желание накормить (до отвала) и приласкать (отнюдь не по-матерински). По опыту зная, что все это обязательно закончится неприятностями, Эрех всегда старался держать между собой и женщинами непреодолимую дистанцию из традиционного астийского этикета. Сложно погладить по голове человека, который разговаривает в третьем тоне вежливости и, чуть что, склоняется в очередном

замысловатом поклоне со специальным значением.

Мастер Юхей сидел в большой комнате и вкушал послеобеденный чай. Стол перед ним ломился от пирожков, пышек, пампушек и печенья. Эрехов желудок тут же протяжно напомнил, что последней едой, которую вкушал он, были два мелких яблока в карамели прошлой ночью.

— А, целитель Тьен, доброго тебе вечерочка, — прохлюпал чаем Юхей. С маленькой чашкой в руках он, здоровый, плечистый мужчина типично бандитской внешности, смотрелся уморительно. — Зачем пришел? Вроде ж никто не помирает.

— С личным вопросом, — на заставленный стол Эрех старательно не смотрел, отчего желудок бурно и упорно страдал. — Не за деньгами.

— Да я и не подумал про деньги. Юраи! Неси еще прибор, у нас гость, женщина!

Апэ Аои вынырнула из-за занавески, недовольно махнув юбками. Ее выражение лица красноречиво обещало, что «женщину» она Юхею обязательно припомнит. Тут же еще раз очень тепло улыбнувшись Эреху, она налила ему полную чашку чая и передвинула поближе все блюда с выпечкой.

— И чего же ты хочешь? — задал вопрос мастер бандит, когда домоправительница вышла.

Эрех отпил чаю, откусил пирожок, чтобы утихомирить бурчание, и спросил:

— Судья Карре. Что вы о нем знаете?

— О покойнике-то? — Юхей хохотнул. — Много чего. Даже платил ему, было дело. За спор о земельном участке под трактир в Мимири. А тебе зачем?

— Я его вскрывал, — Эрех задумчиво разглядывал, как темно-золотой чай окрашивает белые фарфоровые стенки чашки. — И кое-что слышал. Личное.

Пристальный взгляд через стол был ему ответом.

— Ты о детях? — внезапно серьезно спросил Юхей.

Эрех вскинулся:

— Вы знали?!

Глава местных бандитов помолчал.

— Скажем так... Он же понимаешь, у нас не жил, брезговал. Судебные дни в уезде всего-то два раза в неделю, так он по вечерам все равно уезжал обратно в столицу. И времени ж ему было не жаль! Поэтому определенно — нет, не знаю. Кроме одного.

Юхей тоже покрутил чашку в руках, поставил на стол.

— Только учти, если что, я отопрюсь от всего сказанного.

— Так он же умер! — изумился Эрех.

— Дело не в смерти, мастер, дело в другом. Пару лет назад в одном из его дел мелькнул слух, что появился где-то на юге человек, который может достать все, что другие не могут. Достать или сделать. Я не знаю подробностей, но наш судья после этого прям встrepенулся. У него же, понимаешь, ни жены не было, ни любовницы. Народец-то поговаривал, конечно, но, думали, что он, может, просто женщин не любит или по мужской части там что, мало ли как бывает. И тут наш судья резко снялся с места и рванул на юг. Перед этим освободив от наказания парочку человечков под видом свидетелей.

Он пожевал губами.

— Я ж не только чай пью и кости гоняю, сам понимаешь. Мы ж в двух нан от столицы, мастер, а не на Пустошах живем. Информацию всегда можно купить и то, что знают двое, знают все. Вотя и купил, на всякий случай. С ними, с чиновниками, таким как мы можно

или дружить, за небольшую денежку, или не дружить, или вообще не пересекаться. Но всегда надо на них что-то иметь. Так вот, что я тебе хотел сказать. Нашел я, значит, человечка, который нашел мне еще человечка, который узнал, куда ездил судья-то. И зачем. И знаешь... Я чуть не сбил. И как Боги таких до жизни допускают, а?

Эрех последнее время тоже сильно интересовал этот вопрос. Настолько, что он всерьез подумывал задать его потом, после смерти, когда предстанет его душа перед Богами на Суде.

— В тот раз, какие бы желания его не мучали, ему не удалось. То ли чья-то родня настучала в магистрат, то ли сам магистрат задался вопросом интересного человека, исполняющего желания, но судья наш вернулся и полгода сидел тише воды, даже временно переехал в служебную квартиру при суде. Никуда не выходил, храмовников пуще моровой язвы боялся.

Эрех машинально потянулся за пирожком и обнаружил, что под увлекательный рассказ опустошил целое блюдо. И даже не заметил. Голова его была занята другим, что-то крутилось в ней, связанное с желаниями, что-то, что он никак не мог вспомнить.

— Он опять попытался, вы знаете? — оставив ускользящую мысль в покое, Эрех посмотрел на Юхея. — За день до смерти. И убили его...

— Что, родня у ребенка нашлась? — довольно хохотнул мастер.

— Нашлась, нашлась...

— Какая новость! Отличная новость! Обмыть бы. Эй, Юрай! Женщина! Да что ж это такое, вечно ее не дозовёшься!

Поднявшись со стула с удивительной для человека его размеров грацией, Юхей нырнул за занавески. Эрех засунул в рот пышку с малиновым вареньем и, пережевывая, задумался. Был ли тот, к кому ездил судья два года назад и тот, кто продал Нору и Ниму, одним и тем же? Мастер Рейке бы уже целую теорию выдвинул, а так приходилось обходиться своими весьма скромными силами и незначительным опытом.

Дожевывая пышку и потянувшись за пончиком, но-Тьен сообразил, что в доме вдруг воцарилась абсолютная тишина. Тяжкая, настороженная, заставившая его, вместо пончика, ухватить нож для масла. Что он собирался с этим ножом сделать, Эрех понять не успел. Удар по затылку швырнул его в темноту и последнее, что целитель ощутил, была поверхность скатерти, о которую он приложился лицом.

Дверь в кабинет Теона Делко Йон распахнул по старой привычке, пинком. Останавливать его никто не стал — костюм свой он за это расследование полностью изгваздал и пришлось опять надеть старую форму, которую сидящий в приемной плешивый хмырь узнал даже без нашивок. Потому на шум и грохот никто не прибежал.

В несколько стремительных шагов сыщик пересек просторный кабинет и небрежным движением швырнул на стол отпечаток, только что сварганенный им при помощи типографии «Эха Альмейры». На нем во всей красе возлежал тул Ойзо, слегка подпорченный неправильным хранением, с отчетливо видимым швом от вскрытия.

Теон вперил взгляд в черно-белое изображение и побелел, как окружающие его стены.

— Ты немедленно отпустишь бедолагу и объявишь во всеуслышание, что произошла ошибка в опознании, — вкрадчиво сказал Рейке, не сводя с полковника пристального взгляда. — А иначе я с телом на плече иду в магистратский суд и под присягой рассказываю, что ты и твои орлы начудили сегодня у старых сушилен. И как вы собирались надурить магистрата.

Белизна полковничьего лица стала отливать синим.

— Ты знаешь, что старый хрен с тобой сделает, не так ли, Теон?

Дрожащей рукой Делко рванул ворот кителя.

— Он все время был у тебя?!

— Скажем так, — ухмыльнулся Йон. — Вы же сами объявили пятьсот лян награды за тело и убийцу, э? Достаточная сумма, чтобы такой неудачник, как я, приложил определенные усилия.

— И ты нашел... убийцу? — обычно самоуверенный, с громкий голосом, сейчас Теон говорил, чуть ли не клацая зубами.

— Дело оказалось интересным, — вопрос Йон проигнорировал, только оскалился, подобно загнавшему вора псу. — Обманчивым. Сначала я нашел жертву, которая обратилась в преступника. Потом нашел убийцу, оказавшегося жертвой. А потом я стал задавать вопросы и на один никак не могу найти ответа самостоятельно — каким же это образом владелец провинциального цирка вышел на весь бюрократический цвет столицы? Знаешь, я так бы и плутал в неизвестности, если б ты не стал вскрывать тело судьи. И меня вдруг озарило — почему ты, почему не магистрат, э?

Следить, как мечется человек, пойманный на горячем, когда-то представляло для Йона удовольствие отдельного рода. Он думал, что забыл это чувство, но глядя на перепуганное лицо, с бегающими глазками и задрожавшими усами, понял — нет. Просто давно не было шанса его испытать.

А самое главное, Теон Делко знал Рейке еще тогда, восемь лет назад, и сейчас — Йон готов был свою единственную шляпу заложить — в полной мере вспоминал все, что в те времена испытывал: лютей страх.

Безудержный ужас перед взявшим след псом, остановить которого могут лишь Боги. Вон, даже губы задрожали, как у готового расплакаться ребенка.

— Это не я, — неожиданно тонким голосом пискнул он.

— Э?

— Его покрываю не я.

— Не смей меня.

— Это правда! — Делко вцепился в край стола, пытаясь скрыть трясущиеся руки.

— Тогда кто?

Молчание и бегающие глаза. Йон устало вздохнул.

— Ну, как хочешь, — пожал плечами, взял со стола отпечаток и сунул в карман, показывая, что собирается уходить, вернее, идти. К магистрату.

— Не... — Делко осекся, внезапно поник и рухнул на стул. — Все.

— Что?

— Все. Я сказал — все! Все, кому он оказывал услуги.

— То есть ты хочешь сказать, что речь идет о круговой поручке клиентов? — Рейке оторопел. — Да что он тогда такое делает? И... Проклятье, Теон, ты что, тоже предпочитаешь детей?! Не брешь, я же тебя знаю!

— При чем тут дети? — Делко оторопело моргнул. — Ах, ты про судью... Нет, дело совсем не в детях...

Он снова замолчал.

— Тогда в чем? — эта странная беседа начинала надоедать, но тревога, вызванная признанием, не давала ее прекратить.

— Он... Понимаешь, он исполняет желания... Понимаешь? Любые желания! — он почти сорвался на крик. — Хотя, о чем это я. У тебя же никогда не было желаний. Ты был счастлив! Ты же ничего никогда не хотел, как и все вы! И тебе не понять, что значит хотеть чего-то!

— Повремени с истерикой, пожалуйста, — Йон представил, как при словах Теона на Небесах в заливистом хохоте зашлась Судьба. — При чем тут желания? Ты что-то отклоняешься от темы разговора.

Упер руки в столешницу, навис над Делко, прекрасно зная, какое впечатление производит, с его-то ростом и внешностью:

— Или не отклоняешься? Кто он такой — мастер Тулли?

Полковник смотрел затравленно.

— Он исполняет желания, — выдавил наконец. — Я же сказал... Он приходит к человеку и предлагает ему то, что тот давно хотел. Карре вечно скрывал, что его возбуждают только маленькие девочки... А Ойзо было скучно и он пробовал все, чтобы развеять скуку. Ты знаешь, почему отец забрал его из Асталота домой? Они там с приятелями склотили компашку и ради интереса убили какого-то бродягу. Долго убивали, дня три. Сын магистрата хотел посмотреть на чужую смерть... Гаденыш.

— И ты все это, разумеется, знал, — спокойно уточнил Рейке.

— И я знал, и его отец знал. И про дурь тоже. И про шантаж. Шантаж ему был нужен чтобы покупать дурь, магистрат урезал содержание и перестал давать ему деньги. Спорю, если б он был жив, следующим желанием было бы убить отца.

Солнце, перевалившее за полдень, весело заглядывало в окошко, рассыпая по полу теплые пятна света. Интересно, сколько сейчас? Час Собаки или Кошки?

— Ладно, я понял. Приходит некто и предлагает сильным мира сего — хотя, сильные из вас, как из козьего хвоста дудка, — предлагает им исполнение желаний. Я так понимаю, не тех, что загадывают на Первый день года. Ты что просил?

— Тестя.

— Э?

— Чтобы тесть от меня отвязался, чего непонятного?

Сыщик озадаченно моргнул, потом сообразил. Тесть Теона был одним из дюжины судей Высшего Королевского Суда.

— Контролировал он тебя, э? Запугивал? А ты сидел и не мог слова поперек пискнуть, потому что он сожрал бы тебя вместе с формой, сапогами и парадным мечом?

Делко полыхнул, белизна щек мгновенно сменилась таким румянцем, что Йон испугался. Как бы не помер, скот, прежде чем признается.

— И что случилось с ним, с тестем?

— Удар хватил...

— Удар, значит. Удар... Удар и желания, — мысли, которые никак не могли оформиться, сложились. Отчетливо вспомнился Тэфе на краю трамплина, остановившийся взгляд, прикованный к темноте за спинами зрителей. — Дай угадаю. Мастер Тулли — всего лишь чтец из Храма Отца и Матери? Оттуда все его волшебные умения знать, что хотят люди и заставлять их делать то, что они не хотят? Сломанные обеты и немного связей во всяких интересных местах?

— Всего лишь?! — полковник все же сорвался, захохотал, визгливо и тоненько, так, что слезы потекли по лицу. — Он был одним из высших иерархов Храма! Ты бы видел, что он

может!

— Да видел я, видел, я же штаны в штабе двадцать лет не протирал, — с досадой отмахнулся Йон. — Я просто одного не пойму, неужели ты так хотел свободы, что не побоялся связаться с безумцем, зная, в какую дыру это тебя приведет? А жертвы? Два трупа — пусть их, мир чище станет, но дети? Ты что, не понимаешь, что жрешь дерьмо и радуешься, будто это мороженое?!

Он не удержался, стукнул по столу кулаком.

— И на что ты надеялся? Что никто не узнает? Смешно. Ты, видимо, толком не имел дела с чтецами, не так ли? Иначе знал бы, что обеты — единственное, что не превращает их в стихийное бедствие. Они все поголовно сумасшедшие! Он же не просто исполнил твое желание, кретин ты эдакий, он сначала заставил тебя хотеть его исполнения, чтобы ты сам к нему пошел, на коленях умолял!

Судя по тому, с какой ненавистью вскинулся полковник, насчет коленей Рейке угадал.

— Всегда прав, да? — прошипел Делко. — Да что бы ты понимал! Всегда думал, если ты осенен благодатью, все остальные — мусор! Тогда посмотри на себя сейчас! Ты никто!

— Да, дружище, — если это была попытка оскорбить, то она провалилась. — Я действительно считаю вас всех мусором. Потому что я-то знаю, зачем я тут. А ты? Какого ты торчишь здесь с утра до ночи, э? Пенсию высиживаешь? Награды? И мусором, конечно, никого не считаешь? Тогда скажи, сколько трупов тебе надо принести, чтобы ты понял, ничтожество, где предел допустимого? Сколько еще? Пять? Десять? Скажи мне! Скажи мне число!

Он все же сорвался на рык, от которого дрогнули стены, и Теон вжался в спинку стула.

Неимоверных усилий стоило не вцепиться мрази в горло.

— Но ты не бойся, старик, — он похлопал полковника по плечу. — Хоть я и никто, но с правом на свидетельствование в суде. Думаю, мы с тобой еще увидимся. У подножья, так сказать, правосудия.

Широко ухмыльнулся, глядя, как смысл его слов отражается на щекастой полковничьей морде, и вышел в коридор. Плешивый хмырь за конторкой сидел пригнувшись, явно подслушивал под дверью.

Йон сосредоточился, отгоняя произошедшее в дальний угол памяти. Кажется, он совершил большую ошибку, послав мелкого в Товайхо за информацией. Очень большую. И теперь должен был поспешить

Глава 7. Отрекшийся

Очнулся Эрех тоже от удара, но по лицу. Удар был такой силы, что щека полыхнула огнем, а рот мгновенно заполнился чем-то теплым, с металлическим привкусом. Похоже, щеку разбили о зубы.

— Не притворяйся, мальчик, — равнодушно произнес кто-то дребезжащим голосом.

Эрех подумал, что действительно, не стоит, открыл глаза и огляделся. Он был все там же, в большой комнате в доме мастера Юхея, только мебель теперь была перевернута, посуда побита, а сам Юхей лежал в углу, скрученный наподобие колбасы. У входа и у дальней стены, сжимая в руках обтянутые войлоком трости, стояли четверо его охранников и пустыми глазами таращились куда-то прямо перед собой.

Целитель машинально прикинул вес трости, которой его приложили, и подумал, что если отделается лишь сотрясением, то ему, можно сказать, повезло. И только потом обратил внимание на стоящего прямо перед ним высокого седого старика с очень светлыми глазами. Такие же были у мастера Рейке, но если к его взгляду, цепкому и насмешливому, он уже привык, то эти белесые рыбы буркалы вызывали страх. Сразу понятно, кто здесь хозяин. Мастер Тулли, владелец Павильонов чудес и диковин.

— Что с мастером? — сглотнув слюну и кровь, спросил Эрех, надеясь, что голос не сорвется на девичий тембр.

— Ничего, — старик никак не отреагировал на его вопрос, лишь смотрел пристально, будто бы сквозь голову.

Эрех внимательно поглядел на каменные лица охранников и понял. Вспомнил неясное беспокойство, настигшее его в цирке перед прыжком Тэфе.

— Не выйдет, — сказал он, чувствуя, как к пульсирующей боли в затылке присоединяется тошнота. Казалось, от малейшего движения его вывернет наизнанку. Тошнота резко усилилась, и ему пришлось повторить: — Я целитель, не старайтесь, у вас не получится.

Тулли сморгнул.

— Надеешься, мальчик, твоя Богиня защитит тебя от меня?

— При чем тут надежда? — удивился Эрех. — Я несколько часов назад был одержим.

Хорошо было бы, если б остаточный эффект не только защищал от непрошенных гостей лезть к нему в голову, а и отбивал у них всю охоту, но это из области несбыточного. Ну, хоть тошнота ушла, головную боль и легкий звон в ушах он как-нибудь переживет.

— Слегка неожиданно. Я так понимаю, кретин Тэфе жив? И где он?

— Ни малейшего понятия, — буркнул Эрех. — С чего вы вообще думаете, что я знаю?

— Не надо, мальчик, — ни голос, ни выражение лица владельца цирка не менялись, — не стоит мне лгать. Я видел тебя перед тем, как он прыгнул, и слышал все, что ты тут выпрашивал у нашего доброго хозяина.

Он кивнул в сторону связанного Юхея, непрерывно мычащего что-то сквозь кляп. Судя по интонациям, бандит, не стесняясь в выражениях, высказывался о сложившейся ситуации.

— Ты очень ошибаешься, если думаешь, что я не смогу узнать у тебя все, что мне нужно, — трость с костяным набалдашником качнулась в морщинистой руке. — Боль, знаешь ли, не менее эффективное средство, чем мой дар. Где Тэфе, мальчик?

Эффективное, да. А Эрех, чего уж скрывать, боли очень не любил. До ужаса.

— Я вам ответил, — упрямо повторил он, не отводя взгляда. — Я не знаю, о чем речь.

Чтобы отдать приказ мастеру Тулли не понадобилось слов. Просто один из шкафообразных охранников отошел от стены и встал прямо перед Эрехом, заслонив собой все пространство. Похоже, чтец управлял всеми ими одновременно, и от этого становилось еще страшнее.

Хлоп! Голова мотнулась, в этот раз влево, и солено-металлический привкус усилился.

— Не обязательно начинать с большой боли, — тем же равнодушным тоном произнес мастер Тулли.

Хлоп! Следующий удар пришелся на правую щеку, в ушах зазвенело сильнее.

— Достаточно ритмично повторяющейся. Ты никогда не видел, как от нее плачут даже самые крепкие мужчины?

Хлоп.

Видел, конечно. Однажды, в тюрьме. Кажется, у Эреха и владельца цирка было нечто общее. Чтецы всегда работали при тюрьмах и допросных, собственно, их дар к этому роду занятости подходил превосходно. Целители — реже, но Эреху не повезло. Ему довелось узнать, во что превращают людей подобные истязания. Спрашивающему достаточно соблюдать ритм и после каждого удара напоминать, что есть другой выход. Признаться. Рассказать. Освободить себя от боли.

Как скоро он не выдержит?

Хлоп. Перед глазами плясали радужные круги. На то, чтоб удерживаться от крика, уходили все силы.

— Не противься, мальчик. Нет ничего стыдного в том, чтобы поделиться своими бедами. Скажи мне — и дальше все будет хорошо.

Все будет хорошо, когда мастер Йон тебя найдет и трость эту дурацкую тебе в задницу загонит, подумал Эрех, и, когда вместо пощечины схлопотал тяжелый и короткий удар в живот, понял, что не подумал. Сказал.

Стуток боли разорвался внутри, ослепив, выбив возможность и думать, и смотреть, и дышать.

На задворках сознания грянул гром. Потом еще раз. И еще.

Раздался грохот, посыпались стекла, и Эрех, сквозь текущие из глаз слезы, сообразил, что это происходит снаружи, а не в его голове. На то, чтобы проморгаться и сфокусировать взгляд ушла вечность. А когда получилось, он обнаружил, что мастер Тулли исчез, как и охранники. Только тот, что его бил, тихо подвывал на полу. А над Эрехом склонился Йон Рейке с ножом в одной руке и револьвером в другой. В гравированных линиях на стволе оружия, мерцаая, гасли лиловые искры техномагии.

— Ты плохо выглядишь, мелкий, — вместо приветствия сообщил сыщик, перерезая веревки. — Дышать можешь?

— А вы не торопились, — в тон ему ответил Эрех, понимая, что да, может, хоть и неглубоко. — Я чуть не уснул.

Мастер широко улыбнулся и направился ко все еще лежащему в углу Юхею.

Освобожденный от кляпа глава местных бандитов огласил мир отборнейшей руганью, в которой поминались все предки мастера Тулли и их душевное расположение к мелкому домашнему скоту.

— Совершенно с тобой согласен, мастер, — хмыкнул сыщик. — Эй, док, если ты в

состоянии стоять, погляди на парня у входа. Я старался ничего важного не задеть, но что-то ему все же прострелил.

— И зачем? — спросил Эрех, кое-как поднявшийся на затекшие, дрожащие ноги.

Голова кружилась, из разбитого рта по подбородку текла кровь. У целителей все хорошо, кроме того, что себя они исцелять не умеют.

— Чтобы выбить чтеца из концентрации. Ты разве не знаешь, что когда они вот так держат на полном контроле, то связь двусторонняя? Внезапная сильная боль может освободить читаемого от влияния.

Эрех не знал. Прокovskyлял к двери, осмотрел рану. На первый взгляд все было не так уж опасно, разве что сидеть бедолага сможет не слишком скоро.

— А где сам Тулли?

— Свалил, скотина такая, — лениво отозвался Йон. — Но это не страшно, я знаю куда.

Что-то в его голосе заставило Эреха отвлечься от раненого. Выражение лица у мастера Рейке было сосредоточенным и спокойным.

— У вас кровь идет, — проглотив вертевшийся на языке вопрос, только и сказал нон-Тьен. — По пиджаку пятно расплывается.

— Где? — Йон сунул руку под рубашку, ощупал бок. — Вот же! Это меня кто-то во дворе зацепил, а я и не заметил. Ладно, закончишь с этим раненым в задницу страдальцем, заштопаешь и меня. Не хватало еще и последние штаны кровью заляпать.

На все ушла уйма времени. Пока Эрех выковыривал пулю, пока мастер Рейке и мастер Юхей проверяли домоправительницу, дом, двор и нанесенный ущерб, ночь приблизилась к Черному часу. Беспокоила мысль, как там Тэфе и девочки, болела голова, было страшно от того, что где-то на свободе бродит сумасшедший, способный подчинять себе людей.

Скрипнула дверь.

— Жить будет? — с порога спросил Йон у Эреха и тут же повернулся к раненому. — Прости, парень, но выбора у меня не было. Или ранить одного, или положить всех, когда вы бы бросились защищать вашего нового хозяина.

Прошелся по комнате, перевернул и поставил на место опрокинутый в драке стол и разбросанные по комнате стулья. Стащил с себя пиджак и сорочку, уселся верхом на один из них.

Эрех, выпроводив охромевшего и перевязанного бандита, поднял специально для него хранившийся в этом доме врачебный чемоданчик и переместился поближе к сыщику. Глянул на открывшийся пейзаж и замер.

— Да уж, док, если б я знал, что ты притащишь мне такую проблему, я б двенадцать раз подумал, прежде чем согласиться. Пятьсот лян напополам уже не кажутся мне достаточной суммой. Давненько я не видел отрекшегося чтеца! Думал, что... Эй, мелкий, ты чего замер-то?

Эрех застыл столбом и неотрывно смотрел на сыщицкую спину, широкую, жилистую, с которой скалилась татуированная собачья морда. Пять шрамов, неровных и давно побелевших, пересекала ее сверху вниз, от шеи к крестцу, словно чья-то гигантская когтистая лапа рассекла кожу, пытаясь сорвать рисунок.

Рейке обернулся, взглянул.

— Понятно, — усмехнулся. — И как? Красиво? Или страшно?

Эрех поймал себя на том, что пятится и невероятным усилием воли замер на месте.

— Да-да, это оно. Департамент безопасности короны, первый отдел. Личная

королевская псарня, — сыщик повел плечами, на спине, следуя движениям, наморщил оскаленную морду Горо Псоглавец. — Что ты замер, как девица малая, док, если уж взялся штопать, штопай.

Целитель заворуженно кивнул, дрожащими руками стал заправлять шелковую нить в иглу.

— Э, не бойся ты так, мелкий, — Йон Рейке продолжал говорить как ни в чем не бывало. — Здесь больше нет правосудия. Было, да все вышло. Хотя забавно, э? Святой и мы. Поневоле поверишь...

Он не договорил. Эрех наконец вддел нитку в иглу, сел на пол, стянул края раны пальцами. Тут, конечно, не сложно было бы просто исцелить, но из головы все не шли персиковые деревья посреди Чистого Сердца. Повторять не хотелось.

— Поверишь во что? — нарочито твердым голосом спросил он, возвращаясь к разговору с Йоном.

Реагировать так кого-то, кто был, пусть и давно, таким же как он — избранным сосудом божественной сущности, невежливо. Даже если отрекшимся сосудом.

Будь это не мастер, он бы испугался, вдруг понял Эрех. А так страх — и то, не перед Рейке, а перед тем, кто его избрал — мелькнул и прошел. Йон Рейке все эти дни вел себя совершенно нормально, ничем не отличаясь от обычных людей, так, может, с отрекшимися ищейками ничего страшного и не случается? Кто вообще слышал, чтобы от Горо отрекались? Вот про целителей все знают, что за слом обетов те незамедлительно лишаются дара. Обезумевшего от неконтролируемого всевластия чтеца он видел собственными глазами. Не зря Храм Отца и Матери безжалостно их казнит.

Йон Рейке же не производил впечатления ни отчаявшегося, ни обезумевшего. Спокойный, ироничный. Обычный. Он и до отречения, наверное, таким был.

— Так о чем вы? — переспросил Эрех, потому что мастер не ответил.

— Да так... — на то, что ему наживо сшивают кожу, сыщик не обращал ни малейшего внимания. — Подумал: поневоле уверуешь, что к этому делу приложил руку Повелитель Случая. Это же надо — собрать в одном месте по одной и той же причине святого и двух отрекшихся. Нет, ты, конечно, в нашей компании самый странный. Ни разу в жизни не видел настолько...

Эрех вдруг вспомнил, что он, в самом деле, теперь патентованный святой с эпизодом полной одержимости, и горестно вздохнул. Заполненный сосуд, чтоб его.

— Чего это ты сопишь, док? — чутко уловил его настроение Йон Рейке.

— Вы мне напомнили, мастер, что я теперь святее некуда, — признался в своих переживаниях Эрех. — И сумму выкупа мне теперь увеличат до небес, останусь я навсегда при Храме. Еще, наверное, и ко дворцу припишут.

Он закончил шить и принялся обрабатывать рану перекисью. Йон и перекись зашипели одинаково недовольно.

— Ну и чего печалишься? Дворец — совсем неплохо, там тоже люди живут. Иногда. Зато это стабильный доход, никакой нужды, и гарантированная уверенность в завтрашнем дне.

— А еще никакой свободы, — руки машинально делали привычную работу. — Никакого Университета. И жизни тоже никакой. Одни придворные и их болезни. Всю жизнь, знаете ли, мечтал лечить геморрой у аристократов.

Мастер обернулся.

— То есть ты предпочитаешь делать все то же самое, но в деревне, принимая роды одновременно у людей и у овец? Или штопать раны в крепости на границе с Пустошами? И насчет аристократов, а сам-то ты кто, Эйрех но-Тьен из рода Эмери Осоки?

Упоминание Святого Мечника, в числе прочих подвигов развалившего Белую Империю, мгновенно испортило настроение, хотя казалось, что дальше его было уже не испортить.

— Лично я предпочитаю самому решать, сидеть мне в деревне, на границе или в Пустошах, — огрызнулся Эрех, в душе признавая правоту собеседника. — И против приема родов совершенно ничего не имею. Лучше так, чем гм... Что же касается моей аристократичности...

Он негигиенично перекусил нитку зубами.

— Да какой из меня, в задницу, аристократ?!!

Йон поперхнулся, потом расхохотался.

Игнорируя его ржание, Эрех принялся складывать использованные инструменты в банку с раствором для дезинфекции.

— Что мы теперь будем делать? — спросил он, имея в виду сбежавшего мастера.

— Мы? — иронии в голосе сыщика хватило бы на то, чтобы заполнить бочку для вина. — Ничего. Я вот схожу к нашему мастеру и заберу девчонок. Пора заканчивать с этим делом. Закрывать, так сказать, главу.

Эрех оторопел.

— Но... Вы с ним не справитесь! — голос его опять сорвался на писк, и он мысленно проклял эту свою особенность. Кто возьмет на дело человека, который все время пищит, словно мышь под веником? — Он же чтец! Он подчинит вас так же, как у него это получилось с Тэфе и людьми мастера Юхея! Для чтецов нет преград, а вас даже никто не охраняет! Вы представляете, что будет с нами, если вы станете его рабом?

Йон, насвистывая, неторопливо застегивал пуговицы на сорочке.

— И вы меня даже не слушаете! — возмутился целитель.

— Да слушаю я тебя, слушаю. Не пищи, — добродушно усмехнулся мастер. — Слушай, док, я понимаю, что знаем мы друг друга всего ничего, но как ты думаешь — сколько мне лет, э?

Вопрос был неожиданным. Эрех не удержался:

— Ну-у, если судить по возрастным изменениям лица... Сорок пять?

— Паршивец, — хмыкнул Йон. — Сорок три. Так вот, мелочь ушастая, я прекрасно знаю не только то, что ты тут выкрикиваешь. И уж, поверь мне, с чтецами я имел дело почаще и поболее твоего.

— Но это не причина, чтобы идти в одиночку!

— А кто говорил, что я пойду один?

Он натянул пиджак, потом взял со стола револьвер, вытащил из кармана горсть патронов и вставил недостающие в барабан.

— Знакомься, док, это — мой Миротворец, — серьезно произнес Йон, и магическое оружие в его руках сверкнуло лиловым, узнавая руку хозяина. — И у нас с ним есть пара идей...

Он шел пешком через лес. Брать лошадь или коляску у Юхея Йон отказался. Вовсе не потому, то ему претила помощь бандита. Просто те полтора нан, что отделяли Товайхо от поля под Мимири нужны были, чтобы собраться с мыслями.

Йон понятия не имел, как божественное провидение определяет, сколько одаренных должно быть и почему, на то оно и божественное провидение, зато он знал статистику. На весь Альмеррайд приходилось несколько тысяч чтецов и, для сравнения, всего двадцать три ищейки. С ним, с Йоном, когда-то было двадцать четыре.

Ищейки никогда не бдили над отступниками так, как это делали другие. За восемь лет, минувших с того момента, как он зашел в Храм Судьбы, Рейке ни разу не видел никого из своих бывших братьев или наставников. Отпустили ли они его или он перестал для них существовать — этим вопросом он не задавался. Тогда еще ищейка, Рейке знал, на что идет, предлагая Судьбе все, что имеет. Да, ему отказали в правосудии, но никто не обещал согласия. В этом и есть смысл Путей Судьбы — всегда есть варианты, но ты сам решаешь, какой выбрать. Быть в стае или стать никем. Читать в душах людей или торговать прочитанным. Исцелять до последнего или забрать чужую жизнь. За эту способность ставить человека перед самым мерзким и тяжелым выбором никто Судьбу-то и не любит. Даже ее собственные пророки.

Второй насущный вопрос — что делать дальше. Нагружать им двадцатилетнего пацана было бы нечестно. Первоначальный план, где фигурировали репортеры и Дворец Правосудия, никуда не годился, потому что в этом плане не было чтеца Тулли и двух девочек в заложниках. Чтецов сложно доставить в светский суд живыми. Чтецов судят такие же чтецы, способные удержать дар. Так что Путь был только один.

Ничего, лес вокруг густой, а прятать тела Рейке умел не хуже, чем находить. Двадцать лет в Департаменте даром не проходят.

Он миновал чернеющие среди кипарисовых стволов развалины королевской резиденции, пересек заросшую травой старую дорогу и вышел туда, куда направлялся. Маленькая ниша, выдолбленная в каменном валуне. Крошечные огоньки двух лампад и старинная, грубой работы статуэтка в глубине камня. Место последней надежды для тех, кто отчаялся настолько, что готов просить о самом страшном. О справедливости свирепого, не знающего жалости Бога с головой собаки.

— Ну, здравствуй, — голос вдруг сел.

Опустился на колени в густую траву, коснулся земли лбом.

Йон Рейке не был в храме целых восемь лет. Ни в каком.

— Не знаю, могу ли я просить, — в ночной тишине произнесенные слова звучали странно и глупо. — Не знаю, заслуживаю ли хоть крупицы доверия. Понимаю, что не имел права верить, что являюсь исключительным.

Ветер, зародившийся в глубине леса, пронесся по лугу, поднимая шелестящую волну.

— Но сейчас я прошу не за себя. Помоги им. Защити их. Ради тех, кто не может сопротивляться и тех, кто не может защитить себя сам, я ищу твоего правосудия. Приди для них, отец мой.

Ветер пронесся и утих, и ночная тишина стала ему ответом. Глухая, жаркая. Йон, еще раз поклонившись, встал и пошел, неторопливо, не оборачиваясь. Он не ждал, что ему ответят.

Под любопытным глазом разомлевшей луны Рейке преодолел оставшееся расстояние, вышел на тот же бугор, с которого прошлой ночью они с доком смотрели на огни цирка. Сейчас огни не горели. По пустой дороге между шатрами и кибитками ветер гонял клубы пыли и обрывки афиш. Эта картина лучше всякого приглашения сказала Йону о том, что его ждут.

Он вынул из кобуры Миротворца, привычным движением выщелкнул барабан, еще раз проверив, потом стал спускаться ко входу. Скрываться смысла не было, чтец доподлинно знал о его приближении.

Когда его учили как быть ищейкой, сопливого мальчишку из портового города, то рассказывали — если хочешь продолжать сохранять контроль над собой, помни, зачем ты пришел. Помни, где ты. Тебе будут показывать то, что ты жаждешь увидеть, будут пугать самыми потаенными страхами, но ты помни, кто ты и зачем ты тут.

И Йон помнил. Он, сыщик Рейке, пришел в цирк, чтобы прекратить, наконец-то, этот бардак.

Он нырнул в непроницаемую мглу, как только прошел через арку под натянутым полотнищем. Исчезли поле, огни Мимири на горизонте, шатры и дорога. Они были на месте, но его глаза перестали их видеть, подчиняясь власти человека у него в голове.

«Я знаю кто ты».

Голос говорил из темноты, в которой Йон увяз мгновенно, как муха в меду.

— А я знаю кто — ты, идиот несчастный, — насмешливо ответил он темноте. — Не думай, что получится меня напугать.

На каждом втором судебном процессе судебные чтецы лезут в голову, чтобы удостовериться, дает он правдивые показания или гусно врет.

«Думаешь, сможешь меня найти?»

— Почему нет? — хмыкнул в ответ сыщик. Ориентирование по памяти, этому его тоже учили. Розги и бесконечные тренировки — лучшие учителя. — А, ты подумал, что отключил мне зрение и я все, утоплюсь в слезах?

Десять шагов до первого павильона, того, с женщиной-змеей. Почему-то Йон не сомневался, что Тулли сидит сейчас в большом шатре. Сумасшедшие любят символы. Оставалось только добраться. Двадцать восемь до «девушки одной из двух». А потом тридцать и направо до кибитки с магом, за которой и будет большой шатер. Ждать логики от безумца не стоило, поэтому приходилось полагаться на интуицию.

— Что, морда ты сопливая, хвост задымился? — оскорбление противника тоже было веками проверенным средством заставить его потерять контроль. Главное как можно быстрее найти место почувствительнее и хорошенько за него укусить. — Страшно стало? Боишься, что местное население, узнав про твои художества, вздернет тебя на твоем же галстуке? Правильно боишься. Еще как вздернет. И никто, отметь, за тебя не вступится. Или твои бывшие приятели из Храма за тобой явятся, чтобы прикончить. Показательно.

Три, четыре, пять... Идти и не замолкать, сквозь темноту, на ощупь, на слух. Сейчас только тяжесть Миротворца в руке привязывала его к реальности.

— Но, что еще вероятнее, мурло ты эдакое, до тебя доберусь я. И тогда ты просто возжаждешь сдохнуть от чьих угодно рук. Как там говорится? Живые позавидуют мертвым? Вот ты у меня точно позавидуешь, клянусь здоровьем. Твоим.

«Я знаю, кто ты».

— Повторяешься, старик.

Тридцать два, тридцать три... повернуть направо и досчитать до конца.

«Я действительно знаю. Я вижу тебя изнутри».

Йон ощутил ткань шатра под рукой и, одновременно, мир вокруг него вспыхнул.

Сияющие в солнечных лучах своды храма. Высоко, над головой замерла в полушаге с обрыва молодая девушка, распростершая руки-крылья над головами тех, кто из века в век

стоял перед ней на коленях. Она — Хатма, непокорная третья дочь Матери и Отца. Рукокрылая Судьба, Дающая Выбор. Та, Что Рисует Пути. У ног девушки крутит в мраморных руках мраморный стаканчик ее брат-близнец, мальчик по имени Хетто, вечный божественный ребенок. Повелитель Случая, бесконечно играющий в Кости Судьбы.

Йон вновь ощутил аромат полыни, тепло нагретого солнцем пола, услышал свой срывающийся, охрипший голос.

Забери, что хочешь, все забери, что имею. Только дай мне отомстить.

«Помнишь это? Помнишь, как ты был жалок?»

Йон помнил.

— Да, — короткое слово далось с невероятным трудом. Он знал, что уже находится внутри шатра, и пытался понять, в какую сторону идти дальше. Нутром чуял, что чтец стоит где-то недалеко. Таким как он жизненно необходимо видеть противника, наслаждаться чужой слабостью. — Я помню все, старик.

«А это помнишь?»

Просторы храма растворились в темноте узкого переулочка, освещенного лишь ручными фонарями. Негромкие взволнованные голоса за пределами пятен света. В ту ночь дождь стекал с крыш на голову и за шиворот, смывая слезы с лица. Его собственные глухие рыдания, тяжесть мертвого тела в кольце рук и набрякшие от воды и крови волосы Элеми под щекой, белокурые волосы, без примеси золотистого или пепельного. Воспоминание было такое острое, словно это случилось недавно, и он опять стоит на коленях, сжимая в объятиях мертвую жену. Страшное горе обручами сдавило грудь.

В которой, в реальности, в настоящий момент зарождалось гневное рычание.

— И это я тоже помню, старик, — рычание прорезалось в голосе. — Но ты зря надеешься, что воспоминания способны меня остановить.

И, пока чтец не нырнул глубже, туда, где восемь лет назад ищейка Рейке, размазывая слезы по лицу, безуспешно заклинал своего Бога послать ему правосудия, или где, отдав все, включая разум, рвался с цепи в подвале борделя, вскинул руку и выстрелил.

Миротворец рявкнул, гулко, раскатисто. Что-то рухнуло, посыпалось, раздался чей-то вскрик, и картинка дождливой ночи лопнула, как мыльный пузырь, позволив Йону вывалиться наружу.

Он стоял у входа на арену, а напротив, на первом ряду, упираясь тростью в пол, расположился мастер Тулли. Чуть сбоку, пригнувшись, скорчился невысокий смуглый человечек, в цепках от разнесенной Миротворцем спинки скамьи. Йон ощутил удовлетворение — верный друг никогда его еще не подводил.

— Брось револьвер, — тихо произнес некто.

Рейке скосил глаза и с интересом поглядел в дуло, приставленное к его виску. Красивое оружие, ствол длиннее, чем у Миротворца, весь в извивах гравировки, по которым пробегают такие знакомые лиловые искры. И прилегающий к оружию невзрачный лаэстский хлыщ с военной выправкой.

— Я друзей не бросаю, — ответил Йон, но руку опустил. — А ты, уважаемый, кто такой?

Военный не ответил, да сыщик и не ждал. Вновь посмотрел на толстяка. Память, освобожденная от присутствия в ней посторонних, услужливо подкинула воспоминание о прошлой ночи: увиденный со спины неизвестный, покидающий кибитку директора. Тот самый, надо понимать, кто по-эфесски рассказал историю о зарезанном севрасцем судье и

пропавшем сыне магистрата. Причина, по которой Тэфе столь внезапно шагнул, против собственной воли, в пропасть над ареной.

— Я так понимаю, вы, ребята, его отряд прикрытия? Сами пришли, или он вам немного помог с желаниями?

— Ты думаешь, нами можно управлять? — серьезно уточнил военный.

— Не разговаривайте с ним, майор, — вякнул толстячок. — Просто пристрелите!

Йон иронично хмыкнул. Ишь ты, целый майор. Интересно, этот-то что желал обрести? Внепланового полковника? Страшно сыщику не было, ощущались лишь небольшая досада и дикий азарт. Он знал, что сдаваться не собирается, как бы оно не обернулось, и это знание доставляло давно, казалось бы, забытую радость — вновь почувствовать себя волкодавом, вышедшим против волков.

Мастер Тулли тяжело поднялся, опираясь на трость, медленно, чуть прихрамывая, подошел и остановился напротив Йона. Они были одного роста и смотреть прямо в глаза труда не составило. Одинаковые, голубые до прозрачности, тилейские глаза.

— Вы бы не хотели сменить сторону, мастер Йон? — прошуршал его голос сухими листьями.

Это было неожиданно.

— Нескромное предложение. С какого перепугу?

Военный поморщился от такого обращения, но старый чтец даже не дрогнул.

— Вы мне интересны, — Йон насмешливо изогнул бровь. — Я впервые вижу ищейку, отказавшегося от своего Бога. Знаете, сколько было тех, кто отказался от Горо с момента нашего создания? Помимо вас — трое. Трое за шесть сотен лет. В вас, в псах, изначально заложена любовь к ошейнику. Вы так верите в свое предназначение... Не хотите ли обрести новое?

Йон улыбнулся в ответ, широко, как пес, которым когда-то и был. Ошейник, говоришь? Ошейником они с братьями называли номерную бирку на кожаном шнурке, по которой опознавали тела ищеек. Свою он оставил в залог Судьбе.

— И зачем мне это? Хотя дай угадаю — тебе нужен охранник, способный чутко угрозу задолго до ее появления? Захотел овчарку, что может охранять стадо без пастуха? Что, для этого военные слишком тупы и привыкли лишь исполнять приказы? А вот эта крыса, явно министерская, по большому счету, бесполезна?

Толстяк, наконец-то поднявший с арены шляпу, возмущенно хрюкнул и заколыхался. Похоже, с министерством Йон попал в точку.

— А что мне за это будет? Ну, если я соглашусь?

— Я исполню все твои желания, — просто ответил Тулли.

Его моментально перекосило. От мысли, что он окажется в компании таких, как Ойзо, Карре, незабвенный Теон, этот желеобразный ублюдок и прочие, стало тошно.

— А если у меня их нет? — Рейке пристально поглядел в глаза Тулли. Смотри, старик, смотри на самое дно, где когда-то таился Песий Бог. — Если я уже имею все, что хочу? Что тогда ты мне предложишь?

Тулли вздрогнул, впервые за все время на его лице появилось человеческое выражение. Изумление и еще что-то. Страх?

— Убей! — внезапно выкрикнул он, громко, визгливо, не скрывая паники, отшатнувшись назад. — Убей!

Йон резко повернулся к безымянному майору, одновременно вскидывая Миротворца и

уже понимая, что не успевает. Револьвер противника послушно расцветился искрами...

От разорвавшей спину неожиданной боли Йон упал, и пуля прошла у него над головой. Преодолевая жидкий огонь, будто охвативший все тело, сыщик поднял трясущуюся руку, нашел прицелом военного и выстрелил. Голова человека взорвалась.

Рука дрогнула, и вторая пуля прошла мимо цели.

Пронзительно закричал Тулли. Полный ужаса крик был отвратителен.

Она возникла из ниоткуда, длинная тень, невидимая обычному глазу. Та, что приходит, когда жаждущий просит о правосудии. Та, что наказывает, неотвратимо, навсегда. Пес Горо, живущий в каждом из его ищек.

Вой, исторгнутый из человеческой глотки, был страшен. Наверное, непередаваем ужас того, в чью душу вгрызаются невидимые собачьи клыки, вырывая ее. Крик захлебнулся в бульканье — не крови, но как похоже на кровь!

Йон сел на песке, наблюдая, как Тулли пытается бежать. Безумный идиот. Это было в чем-то даже забавно. Старые сказки говорят, что ищейки годами могут преследовать преступника, сводя с ума воем и клацаньем невидимых клыков. В юности Йон в этом сомневался, считая метафорой собственной работы. А тут вдруг подумал, ни с того ни с сего, что, может, сказки и не врут, просто он никогда не видел себя со стороны.

Тень пронеслась над зрительскими рядами, обрушилась и погребла под собой высокого старика в бархатном кафтане. Рычание, крики, тишина.

Йон, не моргая, глядел, как пес приближается и смотрит, насторожив острые уши. Глядел, пока не заслезились глаза, пока не растворились в воздухе очертания его собственной души.

Показалось ли, или и вправду невидимая рука одобрительно потрепала его по загривку? Он машинально сунул ладонь под воротник, ощупал шею, откуда сбегали вниз к заднице оставшиеся после отречения шрамы.

Гладкая кожа безо всяких следов старых ран.

Йон Рейке устало прислонился спиной к бортику арены. Сидел долго, слушал, как снаружи шумит ливень, да грохочет где-то на полпути приближающаяся гроза. Поднялся, сунул револьвер в кобуру и побрел на выход.

Первыми, кого он обнаружил, распахнув тяжелую ткань полога, были два придурка, стоявшие под проливным дождем, один с ножом, другой — с неведомо где взятой лопатой. Группа спасения, чтоб их. Два мокрых мыша. В свете фонаря короткие волосы мелкого светились, подобно нимбу.

— Я кому сказал сидеть и не высовываться? — соскребя в кучку остатки суровости, уточнил Йон, поочередно поглядев сначала в круглые серые глаза, потом — в прищуренные темные.

Док смутился, котенок безуспешно попытался изобразить взрослое высокомерие на настороженной детской физиономии.

— Вас очень долго не было, мастер, — укоризненно сообщил Эрех, покрепче перехватывая лопату.

— Да? — дождь и молнии мешали понять, сколько времени он проторчал в долбаном цирке. — Ну, это ничего. Главное, что все закончилось.

Он поднял голову вверх, к мрачному небу, и внезапно рассмеялся.

Раннее солнечное утро было именно таким, каким должно быть ранее солнечное утро. Сияло летнее небо. Вдалеке, на Часовой площади, колокола Главной башни отбивали час Белого Голубя. Йон Рейке, стоя дома перед маленьким зеркалом, внимательно разглядывал собственное отражение, облаченное в костюм, в котором он когда-то женился.

Расследование, в которое сыщика втянул непутевый целитель, прикончило всю его повседневную одежду. Вернувшись домой Йон бросил в мокрую, неопрятную кучу у двери то, что когда было формой ищейки, кое-как умылся и рухнул спать, напомнив себе, что утром непременно надо завершить все дела и уж точно покончить с этой историей.

Удовлетворившись увиденным, Йон достал из тайника в полу жестяной сундучок на замке, открыл и пересчитал содержимое, скопленное за восемь лет прилежного труда. Прикоснулся к прикрепленному на стену акварельному рисунку, на котором были изображены маленький домик в окружении цветущего сада и море за ним. Элеми очень хорошо рисовала.

— Как-нибудь в следующий раз, — пообещал он.

Жизнь, конечно, не книга, но лично Йон Рейке всегда верил, что если заканчиваешь какой-то ее этап, то надо учесть все мелочи.

Час спустя он пинком, по причине занятых рук, распахнул дверь в кабинет магистрата Ойзо и скинул на пол перед письменным столом завернутое в мешковину тело Читела Ойзо.

— Забирайте сына, эрл, — только и сказал Йон, бросая поверх свежий экземпляр «Эха Альмейры».

Йорр Лунте только глаза вытаращил, когда посреди ночи к нему ввалился мокрый Рейке в грязи по колено, тащивший за собой двух мальчишек. Зато вся первая полоса была их. Йон лично проследил, чтобы криворукие наборщики без ошибок сложили все имена.

— И в следующий раз, вернее, в следующей жизни, постарайтесь не потакать своему ребенку. Если, конечно, Боги доверят вам ещё одного.

Задержался у двери, вспомнив кое-что еще:

— Ах да, обещанные пятьсот лян можете переслать в адвокатскую контору Эрайна но-Фосса.

Любезный шурин, который последние восемь лет не уставал предлагать хоть что-то для него сделать, сейчас занимался оформлением показаний Тэфе и его сестер. Совершенно бесплатно.

Покинув магистратское обиталище, Йон купил с лотка палочку рыбных шариков и зашагал через весь город, в Южные кварталы.

Жизнь в столице кипела. Дул свежий ветер с реки, радуясь прошедшему дождю, трепал в синем небе разноцветные флаги и бумажные фонарики. Веселясь, бегали по улицам дети и кошки. Спешили по утренним делам женщины, внося своими яркими нарядами приятное глазу разнообразие в скучную толпу мужчин.

— Сенсация, сенсация!

— Большой скандал в благородном семействе!

— Уйдет ли магистрат в отставку! Читайте сегодня!

— Кровавые подробности страшного преступления! Только в «Эхе Альмейры»!

Йон ухмыльнулся, дожевывая. Кажется, «Эхо» сделает тройную выручку, тем самым потеснив авторитет «Альмеррайдского гудка». Марв должен упиваться триумфом.

Рейке миновал Кривую улицу, переулочек Трех Повешенных, свернул через Старую площадь и, пройдя мимо фонтана, остановился перед распахнутыми воротами. Краем глаза заметил, что преследователь, смуглый человек в костюме в тонкую полоску, остался ждать на углу. Очень мило с его стороны не мешать тому, что сыщик собирался сделать.

Йон вошел под мраморные своды храма. В центре полукруглой залы возвышалась статуя рогатой женщины с корзиной в руках, а у ее подножья сухонький старичок поправлял фитили бесчисленных свечей да ветви цветущих персиковых деревьев в бронзовых вазах.

— Здравствуйте, настоятель, — с почтением в голосе произнёс сыщик, склоняясь в приветствии. — Я пришел к вам по одному очень личному делу.

Эрех сидел на пороге жилища мастера Рейке и тосковал.

С утра он, следуя полученным инструкциям и подзатыльнику, отвел Тэфе с сестрами в адвокатскую контору, где они пробудут до вечера, и на этом его обязанности закончились. Труп, с которого все началось, сыщик забрал, никаких забот не предвиделось, потому, внезапно, на но-Тьена навалилась такая тоска, что он просто не знал, куда от нее деться. Кружилась голова да болело побитое накануне лицо.

От нечего делать сходил к госпиталю, полюбовался издалека на очередь из паломников, на ветви, торчавшие из окон первого этажа. Вспомнив об обещании, купил на рынке корзину персиков, но в храм не пошел, боясь, что не выйдет. Так и сидел теперь, ожидая, когда вернется хозяин дома, смотрел на открывающийся ему с холма вид. Персики томилась рядом.

— Опять сопли жуем, э? — Йон Рейке возник из ниоткуда, навис тенью, заслоняя солнце.

Странно. Ночью Эрех зашел-таки в шатер и видел все, что там произошло. Вернее, последствия произошедшего. Но страха при этом совершенно не испытывал.

У каждого из них свой Бог и свой долг, вот и все.

— Ну, чего ты такой нерадостный? — спросил сыщик, переставляя корзинку с порога на тротуар и устраиваясь рядом. — Все же закончилось.

— Именно, что закончилось, — грустно ответил целитель и, не выдержав, признался. — Я ж тогда, ночью, прежде чем ваше объявление увидеть, просил Богиню помочь... И... Отблагодарить ее надо, а я не могу даже шага в сторону храма сделать. А вдруг я больше не выйду?

Йон слушал внимательно, не улыбаясь.

— С другой стороны, — вдохновленный его молчанием, продолжил жаловаться Эрех. — Это же нормально. У меня был выбор, и я его сделал, Тэфе жив, с его сестрами все хорошо. Ну, и что с того, что я не смогу быть свободным?

Никакого ответа.

— Просто иногда я устаю от того, что выбор только такой — потерять и обрести одновременно. Почему никогда нельзя обрести, без потерь? Мне кажется, это нечестно.

Сыщик опять не ответил. Смотрел туда же, куда и Эрех до этого. Вниз с улицы, к подножью холма, на цветные черепичные крыши Альмейры.

— А вы как же? Ну, после... — Эрех задал вопрос, мучавший его с того самого момента, как он увидел арену. — Ваши...

— Ты за меня не беспокойся, — отозвался, наконец-то, мастер Рейке. Улыбнулся чему-то. — Что думаешь делать? Наши с тобой пятьсот лян... я, конечно, магистрату напомнил, но сам понимаешь... надеяться осталось только на его порядочность.

Пришла очередь Эреха пренебрежительно хмыкать.

— Вернешься? — он не сказал, куда, но только идиот бы не сообразил.

— Вернусь, — внезапно согласился целитель. — Ничего не поделаеть, раз так вышло.

Указал на стоящие в пыли персики.

— Выбрал я в любом случае правильно, — признался он, прежде всего гложущему душу постыдному ощущению навсегда упущенной свободы.

Рейке кивнул, сунул руку под пиджак и кинул ему на колени сложенный вчетверо лист бумаги.

— На, это тебе. Компенсация.

Эрех некоторое время непонимающе таращился на странный подарок, потом развернул.

Мир перевернулся с ног на голову, а потом встал на место.

— Стоил ты, док, конечно, дорого, словно бриллиантовое кольцо, а не связка мослов. В жизни б не подумал, что можно столько запросить за тощее недоразумение вроде тебя.

Эрех смотрел на сыщика во все глаза, руки и губы у него дрожали. Выкупное свидетельство, сообщающее, что он, Эрех но-Тьен, отныне и присно — свободный целитель, жгло пальцы.

— Но... как? Это же...

Йон Рейке улыбнулся, как нормальный человек, но головы не повернул.

— На самом деле, мелкий, бюрократия бывает крайне полезна. Храмовое руководство еще не одобрило твой новый статус, поэтому сумма, что за тебя просили, оказалась пускай и неожиданно большой, но вполне посильной. Храмовники, конечно, еще могут возмутиться и, несомненно, возмутятся, только поздно локти кусать, сделка совершена. Ты теперь официально свободный святой. И, кстати, это тоже тебе. Но уже на твой выбор.

Еще один листок, на этот раз сложенный поперек и втрое.

— А это что? — с опаской спросил целитель.

— Патент судебного медика. Если захочешь продолжить.

Сыщик продолжал смотреть вдаль.

— Встретил тут братца Бо у фонтана, — добавил он. — У них уже и дело есть. Прокроликов в Королевской оранжерее. В связи с кроликами у меня предложение — если, конечно, тебе не надоели наши приключения. Тебя, разумеется, еще учить и учить, но это нормальная работа с хорошим заработком, с возможностью поступить в твой ненаглядный Университет. Как ты на это смотришь, э?

На что? Эрех заморгал. На ночные бдения, битые морды — его и чужие, чумные домики и банды, мертвые тела и револьверы? На преступный мир вокруг? Он вспомнил драку с бандой лаэстов, пропитанную кровью штору, человека на арене цирка с разнесенной на кусочки головой. Еще раз поглядел на патент.

— Только мне придется сказать мастеру Юхею, что я на него больше не работаю, — твердо ответил он. — И надо занести, наконец, эти персики для Пресветлой Наэмы, поблагодарить ее. За все.

Больше книг на сайте - Knigoed.net